

ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
№ 19 (2184)
8 МАЯ 1969

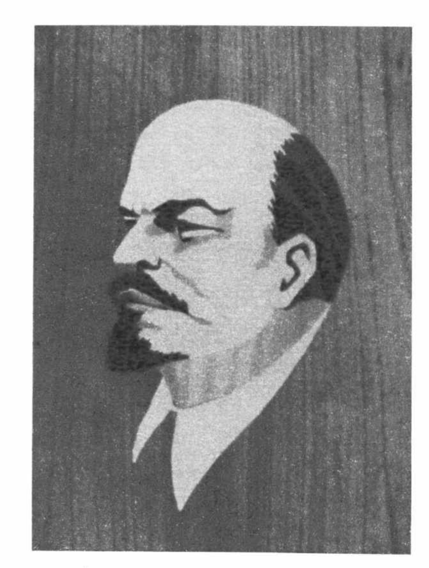
1 МАЯ 1969 ГОДА.

Фоторепортаж с Красной площади вели: Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. БОЧИНИН, А. ГОСТЕВ, Л. ШЕРСТЕННИКОВ.

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

СОЛНЦЕ БУДАПЕШТА

Николай **ПАСТУХОВ**

В. И. Ленин.
Инкрустация по дереву, выполненная Ене Надем.

Мы сидели у широкого зеркального окна в одном из старинных домов на будапештском проспекте имени Ленина. Мой собеседник Ене Надь говорил увлеченно, страстно. Глаза этого удивительного человека светились влюбленностью.

За окном бурлил деловой, темпераментный Будапешт. Утром я еще был в Шереметьеве, когда первый апрельский ливень смывал с обочин дорог и в лесу остатки серого снега, а днем перед моим взором предстала венгерская столица, полная весенних радостей. Цвели черешни, абрикосы, миндаль, по берегам Дуная, в скверах Буды и Пешта бродили прижавшиеся друг к другу юноши и девушки...

Но влюбленность Ене Надя, человека, жизнь которого уже перешагнула в восьмой десяток, была навеяна не весной, а чем-то гораздо более сильным и глубоким — идеями. Именно они наполнили его постоянным горением, кипучей деятельностью.

— Одна из самых больших радостей в жизни человека, — говорит он,— дожить, увидеть результаты своей работы.

Моя встреча с Ене Надем не была случайной. В прошлом году он стал победителем конкурса журнала «Огонек», посвященного братской дружбе венгерского и советского народов.

Путь этого простого сына венгерского народа — путь человека, который все свои сознательные годы шагал в ногу с коммунизмом. 1916 год. Россия. Окуловская бумажная фабрика. Знакомство с механиком Бенедиктовым, который посвящает Ене Надя в работу большевистской партии. 1917 год — Красная гвардия. Как-то, находясь в «карауле» у Боровицких ворот Кремля, Ене Надь знакомится с Лениным.

— Бывали ли вы позднее в Москве?

— Да, в 1957 году. Я помолодел тогда ровно на сорок лет. Несколько минут стоял в безмолвии у Боровицких ворот, побывал в Окуловке. «Красная стрела», которая идет от Москвы до Ленинграда без малых остановок, впервые нарушила свою традицию, высадив меня в Окуловке... Много мыслей пробежало, и главное — ощущение радости за то великое дело, на которое меня направил русский рабочий Бенедиктов... Как жалко, что его нет в живых...

Наступила пауза. Ене Надь начал вынимать из портфеля пожелтевшие фотографии. Одна из них. На фоне Окуловской фабрики снята группа военнопленных. Среди них молодой Надь со скрипкой в руках.

— Что вы делаете сейчас?

— О, много, очень много дел. Венгеро-советское общество дружбы, доклады для молодежи, пишу мемуары. Свободное время отдаю художественной инкрустации по дереву. Свою последнюю работу «Ленин» я посвятил 100-летию этого самого выдающегося человека нашего века.

Прощаясь, Ене Надь сказал:

— Я совсем забыл сообщить вам еще об одном роде моей деятельности. Пятьдесят один год назад Владимир Ильич посоветовал мне крепко держать оружие, врученное пролетариатом. И я его держу в руках до сегодняшнего дня как рядовой боец венгерской народной добровольной милиции. Поезжайте в 22-й район Будапешта, познакомьтесь с народной милицией. Это очень интересные люди.

Парад народной милиции 22-го района Будапешта. На первом плане командир батальона Янош Казма.

На центральной площади 22-го района имени академика Варга, который здесь родился, нас встретили замечательные люди, честные, преданные коммунисты, энтузиасты своего дела. Над площадью возвышается монумент в честь советских воинов, освободивших Венгрию. На пьедестале — скульптура девушки с голубем мира в руке. Внизу обелиск, на котором по-венгерски и по-русски выбиты слова: «Вечная слава павшим в боях за свободу и независимость Советского Союза, за освобождение венгерского народа».

Район бурно развивается. За годы народной власти выросли новые кварталы многоэтажных благоустроенных домов, заводы, школы, ясли, детские сады, кинотеатры, универсальные магазины.

— Когда-то,— рассказывает пожилая женщина Гула, или, как ее зовут венгры, «мама Гула»,— во времена буржуазной Венгрии наш район был отсталой окраиной Будапешта, на улицах паслись козы, среди огородов и пустырей стояли убогие хижины.

— А почему вас зовут «мама Гула»?

— Так меня окрестили советские летчики Федор Пудов, Павел Малков, Алексей Пантюхин, Николай Кривов. В годы войны они бежали из нацистского плена. Я спрятала их в своем доме. А когда стало очень опасно, они поселились в старом колодце, где вырубили двух-

У БРАНДЕНБУРГСКИХ ВОРОТ

Збигнев **ЗАЛУСКИ**

Збигнев Залуски — полковник польской армии, активный участник борьбы с германским фашизмом, ныне известный писатель, произведения которого издаются и в нашей стране. Эта статья написана им специально для «Огонька».

Утром 2 мая 1945 года вдоль срезанных огнем лип Унтер-ден-Линден шла колонна советских танков с польской пехотой на броне. У Бранденбургских ворот командиры польских батальонов капитан Новитны и поручик Залевски вместе с офицерами Первого Украинского фронта подписали торжественный акт о соединении в центре Берлина. Солдаты Третьего полка и Третьего дивизиона Первой польской армии водрузили польские флаги.

И хотя военные действия еще продолжались, все знали, что это конец. Потому что конец должен был наступить именно здесь, в городе, где замышлялись преступления, у здания рейхсканцелярии, у рейхстага, на Унтер-ден-Линден, где Гитлер принимал военные и нацистские парады. Советских и польских солдат, сражавшихся в эти последние дни и часы войны на улицах Берлина, вдохновляла мысль о начале новой эры — эры мира и о конце гитлеровской империи преступников.

Почти семьдесят пять лет назад, 18 января 1871 года, в Зеркальном зале Версальского дворца на глазах у расшитых золотом, бренчащих шпорами и громыхающих саблями, спесивых, опьяненных победой прусских генералов Бисмарк почти силой втащил выжившего из ума прусского короля на трон германского государства. Штатских в зале не было — их попросту не пускали... Дорога к версальскому трону шла через поля сражений и реки крови, в первую очередь немецкой.

В Европе не оказалось сил, которые — в интересах Европы! — смогли бы противостоять превращению германской земли в прусский арсенал, в источник могущества воинственного юнкерства.

В 1919 году Версальский договор воздвиг ряд препятствий на пути возрождения германского милитаризма. Однако мало-помалу в Европе приходили к мысли о том, что восстановление сильного германского государства неизбежно, что в связи с этим не стоит особенно ратовать за сохранение демилитаризованного Рура, ограничение численности германской армии или конституцию Веймарской республики. Очень быстро встал вопрос о том, стоит ли защищать Судеты и умирать за Гданьск. Не за Гданьск и Судеты, а в борьбе за собственное существование, за жизнь своих семей в течение многих лет пришлось умирать солдатам тех стран, на которые напала гитлеровская Германия.

В конце последней войны было немало сторонников концепции «а-ля 1919 год». Но главный победитель — СССР — не согласился. Политика Советского Союза ориентировалась на будущее, а Советская Армия дошла до Берлина.

Столовая военного училища в Карлсхорсте, где фельдмаршал Кейтель подписал 8 мая 1945 года акт о капитуляции,— не Зеркальный зал Версаля. И в отличие от того торжества на этом не было слышно звона шпор и лязга сабель. Среди присутствующих было немало штатских. Штатских в штатском и штатских в мундирах, мирную жизнь которых прервало гитлеровское нашествие. Оно заставило их надеть военную форму для трудной солдатской работы, которую они выполняли так хорошо, как только могли. Эти люди, главным образом люди с Волги, из Белоруссии, Сибири, Украины или Средней Азии, пришли сюда, пройдя через смерть друзей и близких, через голод Ле-

метровое помещение. Трудно было всем нам прокормиться, но выдержали, дождались прихода Советской Армии. Вот я и стала для четырех русских парней матерью.

Сейчас на груди Гулы в лучах весеннего будапештского солнца золотится орден Отечественной войны. Не все русские сыновья Гулы дожили до Дня Победы. Павел Пудов геройски погиб еще до взятия Берлина, а с остальными она поддерживает добрые, родственные связи, переписывается, встречается с ними у себя на родине и в Советском Союзе.

— А вот страж наших социалистических завоеваний,— говорит Гула, знакомя меня с Яношем Казма, начальником местного штаба народной милиции.— Мы хорошо помним 1956 год. Теперь контрреволюция и нос боится показать...

Голубоглазый, средних лет, кадровый рабочий Янош Казма широко улыбается, просит его просто по-русски именовать Кузьма и приглашает посетить штаб милиции. Здесь по окончании работы на заводах собираются коммунисты и комсомольцы разных возрастов от 17 до 77 лет. Они учатся владеть оружием, проходят строевую подготовку. Но главная их работа — политическая. Рабочие изучают теорию марксизма-ленинизма, международное положение, знакомятся с методами и тактикой западных пропагандистских и подрывных служб. Время от времени они обмениваются мнениями по поводу настроений среди «длинногривых» — так они именуют немногочисленных слюнтявых поборников «западной демократии». Рабочая милиция приглашает их в штаб на собеседования, полемизирует с ними.

— Многих мы перевоспитали,— рассказывает Янош Казма.— Попались они когда-то в пропагандистские сети радиостанции «Свободная Европа», а теперь наконец нашли место в жизни, успешно учатся, работают и даже готовятся к вступлению в партию. Все члены нашей милиции ведут свою работу на общественных началах. Мы свято храним славные традиции венгерской революции 1919 года.

Я беседовал со многими членами народной милиции. Милые, обаятельные люди, влюбленные в свой труд и во все то, что дал Венгрии социализм, братская дружба с советским народом.

Покидая 22-й район Будапешта, я возложил небольшой букетик цветов у монумента советским воинам, взглянул на скульптуру девушки с голубем мира и вспомнил рассказ Ене Надя о том, с какой радостью он встретил в России ленинский Декрет о мире. Эту радость Ене Надь выразил тогда игрой на своей скрипке, ибо ничто так не символизирует мир, как влюбленность людей в музыку, искусство, культуру.

И не случайно, наверное, по инициативе Всевенгерского совета мира, которым руководят такие пламенные, неутомимые энтузиасты, как доктор Шик, Матиаш и Илонка Шебастьен, в эти дни состоялся в Будапештском театре оперы и балета большой концерт с участием артистов семи европейских социалистических стран, посвященный двадцатилетию всемирного движения сторонников мира. Под сводами театра звучала музыка Чайковского и Верди, Мусоргского и Моцарта, Эркеля и Бетховена, Глинки и Россини.

Мир и дружба царили в зале будапештского театра, торжествовало единство великого социалистического содружества. Здесь собрались люди, сплоченные одной идеей, влюбленные во все самое чистое.

нинграда, через сожженный Минск и разрушенную Варшаву, через сражения последних трех недель войны между Одрой и Лабой.

Прошло двадцать четыре года. Перо, которым Кейтель подписал капитуляцию, было украдено «коллекционерами» — англо-американскими журналистами. Замалчивая усилия своего главного союзника, эти «коллекционеры» ежедневно крадут память о тех, кто заставил капитулировать фашистский рейх. Кое-кому хочется сегодня сделать объектом грабежа даже самые непоколебимые результаты победы.

Задумаемся: правительство ФРГ тщится присвоить себе право говорить от лица всей Германии — вот она, попытка перечеркнуть тот факт, что треть германского народа вырвалась из оков империализма. Претензия на включение Западного Берлина в состав ФРГ, мечты о поглощении ГДР — это попытка преградить германскому народу ту новую дорогу, которую открыла перед ним весна 1945 года.

А что дальше? Требование о включении в состав Германии «восточных земель»?! Покушение на все результаты победы?!

В 1945 году кровью советских, польских солдат, солдат других народов был заложен фундамент новой Германии, на котором в 1949 году было создано социалистическое государство — Германская Демократическая Республика.

Мы вместе боремся за то, чтобы никто никогда не забыл, как была достигнута эта победа, чтобы не были забыты или утрачены ее результаты. Наши жертвы не должны быть напрасными. Значит, нужно бороться — бороться за всеобщую бдительность и бдительность самого немецкого народа, против инициаторов политики милитаризма и шовинизма, за единый фронт социалистических государств и самых широких сил мира Западной Европы, за коллективную безопасность на нашем континенте.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ВСЕГДА!

Владимир НИКОЛАЕВ

Ровно через год мы будем торжественно отмечать уже четверть века со Дня Победы над фашистской Германией. Двадцать пять лет — немалый срок для быстротечного и бурного двадцатого столетия. Но чем дальше уходит от нас тот великий День, тем все большее международное значение приобретает он, с каждым годом становятся нагляднее уроки Победы.

Отмечая этот День, все честные люди земного шара отдают дань глубокого уважения героическому советскому народу и его доблестной армии, которые спасли человечество от угрозы фашистского рабства. Да, мы знаем и помним, что фашистская Германия пала в результате сокрушительных ударов Советских Вооруженных Сил и действий других участников антигитлеровской коалиции. Но мы также знаем и помним о том, что советско-германский фронт был решающим фронтом второй мировой войны. Он приковывал к себе от шестидесяти до семидесяти процентов наиболее боеспособных дивизий фашистского вермахта. Главные силы гитлеровских полчищ были уничтожены на нашем фронте.

Отмечая этот День, народы Центральной и Юго-Восточной Европы выражают признательность Советским Вооруженным Силам за великую освободительную миссию — избавление их стран от фашистского ига и помощь в борьбе за национальную независимость и демократические преобразования.

Этот праздник не только день памяти, но и напоминание. Напоминание о том, что гитлеровская военная машина была ударной силой мирового империализма, сделавшего все возможное, чтобы направить фашистскую агрессию против Советского Союза.

Этот праздник и предостережение. Тем, кого самый кровавый урок истории ничему не научил. Нынешнее потворство, которое мировой империализм оказывает западногерманскому реваншизму, грозит человечеству новыми, еще большими опасностями, чем в годы второй мировой войны.

День Победы — предостережение тем, кто посягает на социалистические завоевания в нашей стране, которые мы отстояли в Великой Отечественной войне. Предостережение тем, кто посягает на великое содружество социалистических стран. Пусть помнят наши враги, что это содружество зародилось и окрепло в героической борьбе против фашизма, и мы никому не позволим его нарушить.

День Победы — предостережение тем, кто размахивает факелом войны. Рупор американского военно-промышленного комплекса журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» не без гордости и с бухгалтерской точностью так подбил итоги к исходу прошлого года: «К концу 1968 года полтора миллиона американских военнослужащих находились за пределами США под ружьем на всех континентах и на кораблях по всем океанам. Это самые большие военные силы США за границей с конца второй мировой войны». Более трети этих сил ведет преступную войну во Вьетнаме.

Незадолго до нынешнего праздника Победы стукнуло двадцать лет агрессивному блоку НАТО. В 1949 году его военный бюджет составлял 18 700 миллионов долларов и в 1968 году уже приблизился к ста миллиардам! Таковы гигантские шаги гонки вооружений, проводимой в первую очередь Соединенными Штатами, которые в этом году, например, ассигнуют на военные цели восемьдесят миллиардов долларов. И характерно, что стратеги американского империализма вовсе не собираются сбавлять темпы гонки вооружений, как бы ни складывалась международная обстановка. Так, газета «Нью-Йорк таймс» пишет, что министр обороны США отверг как «абсолютно нереальные» разговоры о возможности существенного сокращения военных расходов даже в случае прекращения войны во Вьетнаме.

Пусть сегодня вспомнят уроки Победы все, кого обуял военный зуд, в том числе и израильские агрессоры, создавшие крайне напряженное положение на Ближнем Востоке. Росту их захватнических устремлений в немалой степени способствует поддержка со стороны правящих кругов США. Каирская газета «Аль-Ахрам», комментируя решение американского правительства поставить Израилю пятьдесят сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков «Фантом», писала о немалой роли и влиянии сионистских кругов в американских правительственных сферах.

Рыбак рыбака видит издалека. И чего уж тут удивляться тому, что ФРГ безвозмездно предоставила Израилю военную помощь на сумму в 500 миллионов долларов, а накануне агрессии 1967 года Тель-Авив получил большое количество западногерманского тяжелого оружия. Американский доллар и западногерманская марка охотно покупают себе израильских ландскнехтов, а те, в свою очередь, охотно продают себя и еще более охотно выполняют предписанную им роль душителей национально-освободительного движения арабов.

Таковы некоторые сегодняшние факты, контуры которых становятся четче в свете праздничных огней Дня Победы.

Двадцать четыре года молчат наши пушки. Но, как поется в песне, «наш бронепоезд стоит на запасном пути». Мы всегда готовы нанести сокрушительный удар тем, кто рискнет испробовать нашу силу. Пример тому — решительный отпор маоистским провокаторам, посягнувшим на священные рубежи нашей Родины.

Торжественно гремит над Землей салют Победы. Сегодня он звучит так же громко, как вчера. И так он будет звучать всегда!

НОВЫХ УСПЕХОВ

Восьмого мая гитлеровский генералитет подписал акт о капитуляции третьего рейха. Фашистская Германия была разгромлена. В восточной части страны выросло первое подлинно демократическое немецкое государство — Германская Демократическая Республика. В этом году социалистическая Германия отмечает свой 20-летний юбилей. За этот небольшой в истории народа срок ГДР прошла огромный путь, совершив подлинное экономическое чудо. Германская Демократическая Республика входит в настоящее время в число первых десяти промышленных стран мира.

Социалистические страны, все трудящиеся ГДР зорко стоят на страже достижений немецкого народа.

Годовщину освобождения от фашизма братская Германская Демократическая Республика встречает новыми победами в строительстве социализма.

Растет и крепнет братская дружба народов ГДР и СССР.

ГДР сегодня. Карл-Маркс-Штадт.

Фото Центральбильд.

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Девятого мая народы социалистической Чехословакии отмечают свой национальный праздник — День освобождения страны от гитлеровского фашизма. Двадцать четыре года назад советские люди пришли на помощь восставшей Праге. Злата Прага была спасена от варварского уничтожения. Братские славянские народы — чехи и словаки — вновь обрели государственность и суверенитет. Под водительством коммунистической партии народы Чехословакии стали на путь социализма. В нелегком труде, с бескорыстной помощью соседа и друга — Советского Союза — Чехословакия намного превзошла свой довоенный экономический потенциал.

В этот праздничный день все советские люди желают братским народам Чехословакии новых свершений в строительстве социализма.

Май 1945 года. Прага приветствует советских воинов-освободителей. На переднем плане — Маршал Советского Союза И. С. Конев.

Фото А. Егорова.

ПОБЕДНАЯ ВЕСНА

К. С. МОСКАЛЕНКО,
заместитель министра обороны СССР,
Маршал Советского Союза

Победу вместе с армейской подвижной группой Тридцать восьмой армии я встретил в Праге.

На пражских улицах еще догорали последние пожары. Тротуары были завалены осколками битого кирпича и припорошены известковой пылью. Перепачканные землей и копотью, саперы еще ощупывали миноискателями подвалы и чердаки, оставляя на выщербленных пулями и осколками стенах успокоительные надписи: «Проверено, мин нет».

А весна, победная весна 1945 года, уже вступила в город полноправной хозяйкой. Она была во всем — та удивительная весна. В солнечных бликах на гладкой поверхности Влтавы. В звонком детском смехе и в радостных улыбках пражан. В цветах на броне боевых машин и танков войск, освобождавших чехословацкую столицу.

Радостный, шумный, многоязыкий говор советских и чехословацких воинов и жителей Праги, только что избавленных от ужаса фашизма, вырванных из когтей смерти, музыка и песни, несущиеся со всех сторон, создавали на улицах, в парках, в домах необычайную, праздничную симфонию.

И тишина, которая настала наконец, в поздний час тоже звучала для всех нас прекрасной музыкой. Для каждого нашего солдата и офицера на всем огромном протяжении фронта — от норвежских фьордов до устья Дуная — она была особенно тиха, та тишина, потому что означала конец смертям и страданиям, скорое возвращение домой, к мирному труду, к родным и любимым...

А ведь еще совсем недавно вокруг гремело крупнейшее сражение, в котором принимали участие войска Первого, Второго и Четвертого Украинских фронтов, в том числе и Первый чехословацкий корпус Людвика Свободы.

Потеряв Силезию и Рур — эти главные кузницы военного потенциала вермахта, гитлеровцы во что бы то ни стало пытались удержаться в Моравско-Остравском промышленном районе, сосредоточив там около двадцати пехотных, танковых и моторизованных дивизий из группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Шернера. Шернер рассчитывал отсидеться за мощной оборонительной полосой, построенной еще до войны при участии крупнейших французских военных инженеров, возводивших известную линию Мажино.

Пятнадцатого апреля войска Четвертого Украинского фронта, в который входила наша Тридцать восьмая армия, начали прорыв этой мощной оборонительной полосы. Завязалось упорнейшее, кровопролитное сражение. Гитлеровцы бились с отчаянием обреченных. Нашим солдатам приходилось буквально прогрызать мощные пояса железобетонных укреплений.

В результате фронтального наступления Первой гвардейской армии под командованием генерал-полковника А. А. Гречко, в сочетании с обходными ударами с запада и северо-запада Тридцать восьмой армии сопротивление врага, понесшего большие потери, было сломлено, и мы очистили Моравско-Остравский промышленный район. Битва за этот важнейший промышленный район Чехословакии имела огромное значение. Она сковала крупные силы врага, не позволила ему перебросить ни единой дивизии на помощь Берлину.

После того, как героическими войсками Первых Белорусского и Украинского фронтов при содействии Второго Белорусского фронта был взят Берлин и над рейхстагом поднялось Знамя Победы, участь вражеской группировки «Центр» была решена. Однако Шернер все еще не собирался складывать оружие. Он отчаянно сражался, пытаясь отвести свои потрепанные, но все еще боеспособные соединения на запад и сдать их американцам, а заодно расправиться с жителями Праги, поднявшими восстание. Войска Первого и Второго Украинских фронтов под командованием Маршалов Советского Союза Конева и Малиновского во взаимодействии с войсками Четвертого Украинского фронта под командованием генерала армии Еременко получили задачу окружить и пленить группировку Шернера, не допустив ее отхода на запад.

Но главное заключалось в том, чтобы спасти восставшую Прагу, подоспеть к ней раньше, чем вооруженные до зубов эсэсовцы, продвигавшиеся с танками и огнеметами по улицам от дома к дому, задушат восстание... Мы торопились, понимая, что восставшим пражанам долго не продержаться, что лишь быстрота действий обеспечит своевременное решение поставленной задачи.

На острие рассекающего клина войск Четвертого Украинского фронта наступала подвижная группа Тридцать восьмой армии, в которую входили соединения 101-го стрелкового корпуса генерала А. Л. Бондарева, 42-я гвардейская танковая бригада полковника В. С. Гаева, павшего на подступах к Праге 8 мая 1945 года смертью храбрых, танковая бригада полковника Янко из Чехословацкого корпуса генерала Свободы и другие части усиления. Вместе со мной в армейской подвижной группе находился член Военного совета Тридцать восьмой армии генерал А. А. Епишев и оперативная группа штаба.

Группа двигалась стремительно, обходя опорные пункты врага и в коротких, но ожесточенных схватках уничтожая его заслоны, пытавшиеся преградить нам путь, а также преодолевая сопротивление массы войск противника, предпринимавших отчаянные, но безуспешные попытки прорваться на запад, навстречу американцам. В Праге мы встретились с частями Первого Украинского фронта. А группировка Шернера вскоре была разбита и пленена: путь на запад ей прочно преградили доблестные войска Маршала Советского Союза И. С. Конева... За время Пражской операции только в плен было взято около 860 тысяч вражеских солдат и офицеров, в том числе 60 генералов. Захвачено 9,5 тысячи орудий и минометов, около 1 800 танков и самоходных орудий, свыше тысячи самолетов, 18 тысяч пулеметов и много другого вооружения.

* * *

Да, наконец-то она пришла — Победа! Настал этот прекрасный, счастливейший день, к которому мы шли долгие дни, недели и месяцы от стен Москвы и Ленинграда, от берегов Волги и Дона, с предгорий Кавказа тысячами дорог, через сотни рек.

И начался он, этот долгий и трудный путь к Победе еще в сорок первом, в первых боях, в горечи первых поражений и утрат, в радости первых побед. Да, я не оговорился — побед, еще тогда, в сорок первом, самых настоящих побед...

Почти всю войну мне пришлось командовать общевойсковыми и танковой армиями. Но перед самым ее началом я был командиром Первой моторизованной артиллерийской бригады резерва Главного командования (РГК), которая располагалась неподалеку от Луцка. Это была превосходная бригада, оснащенная новейшими по тому времени военной техникой и артиллерийскими системами, укомплектованная преданными Родине и партии, грамотными командирами и хорошо подготовленными старшинами, сержантами, солдатами. Я и сейчас горжусь тем, что именно во главе этих замечательных людей вступил в первый бой с врагом.

22 июня 1941 года по приказу командующего 5-й армией генерал-майора М. И. Потапова наша бригада двинулась к западной границе по направлению к Владимир-Волынскому, к которому уже приближались вражеские войска. Примерно на полпути, во второй половине дня, наш передовой отряд догнал небольшую колонну — несколько бронемашин и два танка. Оказалось, что мы встретились с командиром 22-го механизированного корпуса генерал-майором С. М. Кондрусевым и оперативной группой его штаба. Во взаимодействии с этим корпусом нам предстояло вступить в бой с врагом на подступах к Владимир-Волынскому. Я пересел в танк Кондрусева.

До цели оставалось уже совсем немного, когда впереди загремели выстрелы. Мы вышли из машины и, взобравшись на небольшой холм, увидели: навстречу нам, справа и слева от шоссе, в боевых и предбоевых порядках двигались танки.

— Прошу вас немедленно прекратить огонь,— встревоженно сказал

Кондрусев.— Быть может, это отходит наша сорок первая танковая дивизия.

Я молча передал генералу бинокль: до танков оставалось километра полтора, на их бортах отчетливо выделялись черно-белые кресты.

Для всех нас это была первая встреча с врагом. Конечно, в тот момент никто из нас не знал, какие именно вражеские соединения движутся вдоль шоссе. Но к исходу дня, когда бой затих и на наш командный пункт доставили первых пленных, стало известно, что это были соединения одной из лучших в гитлеровском вермахте 6-й армии генерал-фельдмаршала Рейхенау, той самой, что потом была разгромлена и пленена под Сталинградом, и части 1-й танковой группы фашистского генерала Клейста, который сыграл главную роль в разгроме английского экспедиционного корпуса на берегу Ла-Манша во Франции.

6-я армия и танки Клейста составляли основные силы группы фашистских армий «Юг», наступавшей на Владимир-Волынский, Луцк, Ровно. Ударную группировку врага поддерживала авиация 4-го воздушного флота генерала Лёра, самолеты которого не замедлили обрушиться на наших артиллеристов. Но перед позициями авангарда нашей бригады уже горело несколько танков, подожженных меткими огнем батарей из дивизионов капитана С. З. Глущенко и Ф. Д. Шитикова 712-го артполка. Эти дивизионы первыми начали дуэль с танками Клейста, и вражеская броня отступила перед их стойкостью, мужеством, боевой выучкой. Остальные танки противника, видя, что с ходу нас сбить не удалось, откатились назад, готовясь к новой атаке. С холма было видно, как быстро, слаженно разворачиваются и занимают огневые позиции главные силы бригады, которым я приказал занять рубеж Владимировка — Подгайцы — Микуличи...

Условия боя были для нас самыми неблагоприятными. Артиллерийскому соединению, находящемуся на марше, очень трудно вести встречный бой против превосходящих, да к тому же еще и комбинированных сил противника. Но другого выхода, кроме как принять этот неравный бой, у нас не было.

После короткой, но мощной авиационно-артиллерийской подготовки немецкие танки вновь бросились в атаку. На этот раз их было около двухсот. Вражеские машины шли двумя эшелонами, вслед за ними двигалась мотопехота и артиллерия. Одновременно над нами вновь появились немецкие истребители и бомбардировщики. Танки, ведя на ходу интенсивный огонь, на большой скорости атаковали наши позиции, в упор расстреливали расчеты, давили орудия. Но и сами то тут, то там вспыхивали, чадя черным дымом, крутились на месте, разматывая перебитые гусеницы, и замирали. Страшный гром стоял во всей округе, поле боя заволокло завесой дыма и пыли, подсвеченной пламенем разрывов.

Наконец, гитлеровцы не выдержали и откатились назад. Нет, это было не все. Немцы повторили атаку и вновь, потерпев неудачу, отошли, оставив на поле боя новые подбитые и сожженные машины. Потом еще атака, и еще, и еще...

В течение всей второй половины первого дня войны, дотемна, бились с врагом наши артиллеристы, не отступая ни на шаг. Четыре батареи вместе со всем личным составом потеряли мы в том бою. А через день погиб и генерал-майор С. М. Кондрусев, смертельно раненный осколком вражеского снаряда. Недолго нам пришлось воевать вместе с ним...

Враг тоже понес тяжелые потери. Наши артиллеристы сожгли около семидесяти танков и бронемашин, уничтожили много военных грузовиков, мотоциклов, другой боевой техники. Все поле боя, насколько хватал глаз, было устлано телами вражеских солдат и офицеров.

Главное же состояло в том, что враг не прошел, был остановлен, в том, что наводившие ужас немецкие танки Клейста и мотопехота Рейхенау, одни имена которых заставляли содрогаться офицеров и генералов армий западных держав, наткнулись на силу, которая смогла отразить их атаки и выстоять в неравном бою.

Правда, эта нелегкая победа была частной и временной. Ночью пришлось отойти, потому что рано или поздно гитлеровцы, имевшие подавляющее преимущество и уже теснившие наши войска на других участках, все равно вынудили бы к этому бригаду. Но таких, да и куда более крупных побед наши солдаты одержали множество на всем огромном протяжении фронта от Баренцева до Черного моря и в первый и в последующие дни тяжкого сорок первого года.

Наши войска отходили с упорными боями, отстаивая каждый метр родной земли. Не раз переходили они в контратаку, оттесняя и перемалывая вражеские соединения и части, рвущиеся на восток, к Москве, и, даже будучи окруженными, не складывали оружия, продолжая стоять насмерть.

Стоит вспомнить героизм наших войск на границах, на Правобережной Украине и в Белоруссии, в Бессарабии и под Одессой, под Киевом и Смоленском, на подступах к Москве и к Ленинграду. Уже первый период войны показал, что гитлеровская авантюра обречена на провал. Именно тогда были перемолоты многие кадровые дивизии врага. Воины Советской Армии, их командиры и комиссары, сражавшиеся в то тяжкое время, достойны такой же славы, как и участники Сталинградской и Курской битв, освободители Белоруссии и Украины, народов Европы, герои, водрузившие знамя Победы в Берлине. Они, эти первые победы, с первых же шагов захватчиков по нашей земле затормозили чудовищную гитлеровскую военную машину, заставили ее пробуксовывать, терять ударную силу и драгоценное время...

* * *

Готовились ли мы к войне? Этот риторический вопрос задают часто, особенно в послевоенное время. Если судить по работам некоторых зарубежных, да и кое-кого из наших историков и мемуаристов, получается, будто Советское правительство и Центральный Комитет партии не вели подготовку страны к обороне достаточно настойчиво и ответственно. Они якобы игнорировали многочисленные факты, свидетельствовавшие о намерении Гитлера напасть на Советский Союз. Подобные утверждения лишены исторической объективности.

Советский народ под руководством партии и правительства с величайшим самопожертвованием, отказывая себе во всем самом необходимом, в необычайно трудных условиях создавал оборонную промышленность, мощную артиллерию, военно-воздушный и военно-морской флот. Но, к сожалению, история отпустила нам мало времени. Быстрый ход событий не дал возможности всесторонне подготовиться к предстоящей войне. В этом заключалась беда, а не вина руководства страной и партией. Однако основы могучего военного производства, заложенные еще в годы первых пятилеток, в ходе войны позволили в нарастающем количестве снабжать наши армии первоклассной боевой техникой и в конце концов превзойти гитлеровский вермахт по численности и количеству технического оснащения...

Совершенно голословны и утверждения, будто наше Верховное командование недооценивало роли моторов и машин в будущей войне. Еще до войны на сборах высшего командного состава Красной Армии проигрывались планы развертывания наших войск на случай нападения фашистской Германии.

«Современная война,— говорил И. В. Сталин, подводя итоги этих сборов,— будет войной моторов: моторы на земле, моторы в воздухе, моторы на воде и под водой. В этих условиях победит тот, у кого будет больше моторов и больший запас мощности».

Как видим, наше политическое и государственное руководство отлично понимало значение механизации для Вооруженных Сил. Но в то же время оно знало и другое: наша промышленность могла достичь необходимых темпов производства и поставки для армии потребного количества самолетов, танков, автомобилей и другой техники не ранее середины 1943 года. Потому-то и предпринимались все возможные политические и дипломатические шаги, чтобы как-то оттянуть столкновение с фашистской Германией.

Тем не менее Центральный Комитет партии и правительство нашей страны прекрасно видели, что во второй половине 1940 года, после разгрома Франции и оккупации почти всей Западной Европы, угроза нападения гитлеровской Германии резко возросла.

Видели и принимали меры: развертывали войска. С 1 января 1939 года по 1 июня 1941 года их штатная численность возросла более чем в два с половиной раза. Было развернуто 125 новых стрелковых дивизий, начато формирование мехкорпусов, артполков и противотанковых артиллерийских бригад РГК, авиадивизий. Подверглась коренной реорганизации система противовоздушной обороны. Создавались новые фронтовые и армейские управления. В войсках приграничных округов проводились мероприятия по повышению боеготовности. На запад скрытно и срочно перебрасывались стратегические резервы из Забайкалья, Урала, Восточной Сибири и Туркестана.

К этому следует добавить, что уже в первой половине 1941 года на вооружение войск начали поступать самолеты новейших конструкций, в том числе прославленные впоследствии «МиГ-3», «Як-1», «ЛаГГ-3» «Пе-2», «Ил-2», тяжелые танки «КВ» и лучшие в мире «Т-34», новые артиллерийские системы, а также первые реактивные установки «БМ-13» — знаменитые «катюши», которые уже летом 1941 года начали наводить ужас на гитлеровцев. Количество новой, современной техники, выпущенной перед войной нашей промышленностью, разумеется, было еще невелико, но ее боевые качества не оставляют сомнения в том, что общее направление технической оснастки войск было выбрано верно.

Итак, готовились ли мы к войне, к обороне нашего социалистического Отечества?

Факты и документы непреложно говорят за то, что Центральный Комитет партии, Советское правительство и высшее военное командование видели надвигающуюся угрозу со стороны гитлеровской Германии и со всей решительностью готовили Вооруженные Силы, всю нашу страну и народ к отражению нашествия.

Возникает вопрос: почему же в таком случае мы были вынуждены отступать в сорок первом, нести тяжелые потери, оставлять город за городом, село за селом?

Прежде всего следует отметить, что в определении точного срока нападения Германии на нашу страну был допущен просчет. Распоряжение на вывод наших войск с мест постоянной дислокации к границам и занятие исходного положения последовало слишком поздно. В ноль часов тридцать минут 22 июня 1941 года Военным советам Ленинградского, Прибалтийского, Западного и Киевского особых, Одесского округов и наркому Военно-Морского Флота было передано телеграфное распоряжение привести войска и корабли в полную боевую готовность в связи с возможным нападением немцев и их союзников 22—23 июня. Директива требовала в течение ночи 22 июня скрытно занять огневые точки укрепрайонов на госгранице, перед рассветом рассредоточить авиацию по полевым аэродромам, тщательно ее замаскировать, привести все части в боевую готовность. К сожалению, распоряжение это запоздало: война началась менее чем через три часа после его поступления.

Но главное заключалось не в этом. Гитлеровская армия в 1941 году была самой сильной армией капиталистического мира. В Западной Европе ей никто не мог противостоять. Она была вооружена и оснащена самым современным оружием и боевой техникой. Все это поставляла ей не только мощная, полностью переведенная на военные рельсы промышленность Германии, но и почти вся европейская промышленность, которую Гитлер захватил целехонькой, вместе с военной техникой и мобзапасами разгромленных стран. Гитлеровская армия того времени была отмобилизована и заранее сосредоточена на важнейших направлениях. Ее войска были отлично обучены и вышколены, располагали хорошо подготовленным генеральским и офицерским корпусом, имели слаженные штабы и, наконец, большой боевой опыт, которого так не хватало нам в 1941 году.

Каждый, кто побывал на войне, знает, как это много значит — боевой опыт! Кто из наших солдат сорок первого года не помнит, как один только возглас «Танки!» приводил иной раз в смятение целые подразделения. Зато в последующем, не говоря уж о конечном периоде войны, даже небольшие горстки бойцов бесстрашно встречали бронированные машины врага, вступали с ним в единоборство и выходили победителями!..

Германский милитаризм вложил в удар против СССР, по существу, весь военный потенциал не только Германии, но и оккупированных стран Европы, всю главную, ударную мощь своей армии, которая ставила перед собой низменные, захватнические цели и потому игнорировала международное право и законы ведения войны. На нашу Родину вероломно были обрушены 190 вражеских дивизий, 3 700 танков, около 50 тысяч орудий и минометов, 4 950 самолетов. Бои развернулись в то тяжелое утро 22 июня на огромном фронте протяженностью в три тысячи километров.

Таким образом, враг имел хотя и временные, но серьезные преимущества, и ему вначале удалось добиться значительных военных успехов, прорваться в глубь страны. Ни одна армия мира не выдержала бы столь мощного удара и рассыпалась бы в первые дни. Но Красная Армия — армия нового типа, выращенная социалистическим строем и защищающая кровные народные интересы, выстояла. Нам, правда, пришлось отступать, но каждый шаг по советской земле давался гитлеровцам с неимоверными усилиями, ценою больших потерь, которые подтачивали их мощь и в конечном счете привели к небывалому в истории поражению.

Тяжелые испытания первого периода войны не поколебали стойкость советских людей, их веру в победу справедливого дела, не сломили боевой дух наших воинов. По зову партии весь народ поднялся на священную войну с фашизмом.

Победители. От берегов Волги до Берлина. Фото Е. Халдея.

Парад Победы в Москве. Поверженные фашистские знамена. Фото М. Калашниковой.

Фронтовик вернулся домой.

Фото Галины Санько.

Прославленные летчики — трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин и дважды Герой Советского Союза Дмитрий Глинка на параде Победы. Москва.

Фото Я. Халипа.

День Победы в Ленинграде. Народное гулянье на Дворцовой площади.

Фото Р. Мазелева.

С первых же ее дней вся полнота власти и руководство войной были возложены на Государственный Комитет Обороны во главе с И. В. Сталиным. В самый тяжелый момент войны, когда враг стоял под Москвой, он в своей известной речи на военном параде на Красной площади 7 ноября 1941 года от имени Центрального Комитета партии и правительства изложил программу действий народа и Вооруженных Сил в войне, программу достижения победы. За нее дрались и умирали наши бойцы на фронтах, самоотверженно, не покладая рук, трудились советские люди в тылу.

И надо отдать должное: как свидетельствуют документы и люди, близко его знавшие и работавшие с ним в то время, Сталин руководил с полным знанием дела, с глубоким пониманием большой стратегии и обстановки как на полях сражений, так и в политике.

* * *

Великая Отечественная война занимает особое место в истории нашего народа, это была решающая схватка социализма с наиболее свирепым и разбойничьим отрядом международного империализма. Развернувшиеся гигантские кровопролитные битвы и сражения по своему размаху, напряжению, сосредоточению сил и средств не имели себе равных за всю историю человечества. Она потребовала от нас неимоверного напряжения сил и огромных жертв.

Первое крупное поражение гитлеровцы потерпели под Москвой. Здесь, у стен советской столицы, был окончательно развеян миф о непобедимости фашистского вермахта. Под Сталинградом была разгромлена и пленена отборная 6-я и большая часть 4-й танковой гитлеровских армий. Силы вермахта были надломлены. Оправиться после разгрома под Сталинградом им уже не удалось. В сорок третьем году под Курском и Белгородом Гитлер и его генералы все-таки попытались начать новое крупное наступление и перехватить стратегическую инициативу. Но к этому времени наша армия была уже не та, что в сорок первом. Перебазированная на восток, на Урал, военная промышленность работала полным ходом, снабжая войска новейшим вооружением и боевой техникой во все возрастающих количествах. Теперь-то мы превосходили врага и в самолетах, и в танках, и в артиллерии, и в минометах. И гитлеровское наступление на Курской дуге провалилось, фашистская Германия оказалась на краю пропасти. Мы сами начали наступать и громили врага до тех пор, пока не дошли до Берлина и Праги, до тех пор, пока один из главных военных преступников, гитлеровский генерал-фельдмаршал Кейтель, не подписал безоговорочную капитуляцию.

Дорогой ценой далась нам победа. Фашисты разрушили 1 700 городов, сожгли 70 тысяч сел и деревень, до основания уничтожили 32 тысячи промышленных предприятий. Наш народ за время войны потерял 20 миллионов своих сынов и дочерей. Их гибель для нас — самая тяжелая утрата. И мы никогда не забудем тех, кто жизнью своей и кровью отстаивал правое дело и прокладывал дорогу к победоносному окончанию войны.

Война со всей очевидностью показала крепость нашего социалистического строя, его необоримую силу. В кровавом противоборстве с фашизмом победили единство и дружба народов нашей Родины, социалистический патриотизм, Советские Вооруженные Силы, советское оружие, величие духа и боевого мастерства советского солдата, организаторских способностей и полководческого таланта замечательных военачальников, воспитанных ленинской партией.

Главным и решающим источником победы явилось руководство Коммунистической партии. Это она сплотила вокруг себя и вдохновила советский народ на борьбу с врагом. Коммунисты везде и всегда были впереди. Коммунистическая идейность порождала массовый героизм советских солдат в годы войны, стойкость нашей армии в трудные дни сорок первого года, небывалый наступательный подъем в заключительных сражениях.

Жертвы, которые принес наш народ в годы Великой Отечественной войны, принесены не напрасно. Победа над гитлеровской Германией имеет всемирно-историческое значение. Она открыла многим народам путь к свободе, независимости и социальному прогрессу. За двадцать четыре года, что прошли со дня окончания Великой Отечественной войны, наша страна, руководимая Коммунистической партией, многократно увеличила свое могущество. Ныне советские люди с большим воодушевлением идут навстречу столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, множат свои трудовые успехи.

Нам не нужна война, мы стоим за мир, за добрососедские отношения со всеми странами. Но силы империализма продолжают гонку вооружений, ведут яростную идеологическую кампанию против лагеря социализма, все еще держат нашу планету на грани войны. В этом гнусном деле им помогают Мао Цзэ-дун и его клика.

Потому-то мы ни на минуту не забываем уроков минувшей войны.

За последние годы наша армия и флот достигли новых важных рубежей в совершенствовании своей боеготовности. Успехи в области развития экономики, достижения науки и техники позволили оснастить Советские Вооруженные Силы первоклассной боевой техникой. Мне по роду службы часто приходится бывать в войсках. Сердце радуется, когда видишь, какое грозное оружие дала Родина своим защитникам и с каким великолепным умением обращаются с ним солдаты и офицеры. Но техника, вооружение — лишь одна сторона дела. Решающей силой нашей армии и флота являются морально-боевые качества их личного состава. События на острове Даманском, на котором маоисты предприняли подлую провокацию, показали, что мужеству, храбрости, боевой выучке наших солдат и офицеров поистине нет предела, что великолепная боевая техника наших войск находится в надежных руках. И мы можем по праву гордиться нашими военными кадрами, которые состоят из людей высокой культуры, необыкновенного мужества, беззаветной преданности нашей партии и Родине.

Встречая 24-ю годовщину Великой Победы, наш народ и его Вооруженные Силы еще теснее сплачиваются вокруг ленинского Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, которая уверенно ведет страну к вершинам коммунизма. Наши воины глубоко сознают большие и ответственные задачи, возложенные на них партией и народом. Они отдавали, отдают и будут отдавать все свои знания, опыт, энергию, весь свой нелегкий ратный труд беззаветному служению Родине. В этом они видят свой высший долг.

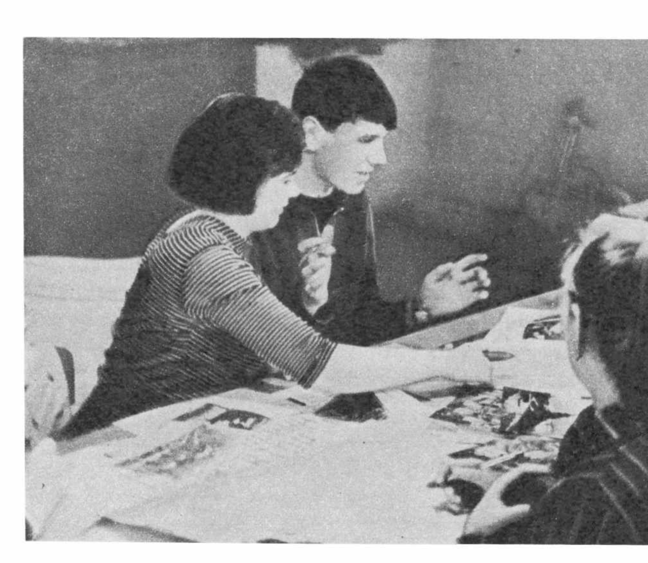
5 мая советский народ праздновал День печати

М. Г.
Г. Редакторъ
Нравится бы очень Ваша газета „Правда“ но неимею средствъ на выписку оной. если есть излишекъ №№ не откажите выслать за что были бы мы очень благодарны
Адресъ С. Воздвиженское Ниж. губ. дер. Б. Іевлево Н. Ф. Соловьеву.
Съ почт. къ Вамъ Н. Соловьевъ
12 Іюня 1917.

Экспонат музея — фотокопия письма в редакцию «Правды».

390 газет и 180 журналов разносит почтальон своим подписчикам.

Очередной номер «Комсомольского прожектора»

Фото автора.

ПИСЬМО В „ПРАВДУ"

В. БОРОДИН

Это небольшое письмо крестьянина Н. Ф. Соловьева я увидел в экспозиции Центрального музея В. И. Ленина в Москве. Для меня этот серый листок, датированный 12 июня 1917 года, ценен еще и тем, что он из Нижегородской губернии, моей родины.

Долг журналиста позвал в дорогу, в родное Заветлужье. Как живут сегодня мои земляки, не имевшие тогда, в 1917 году, средств для подписки на «Правду»? Вспомнилось босоногое детство и недоедание. Первый трактор, сводивший нас всех с ума. Единственный на всю округу велосипед...

Если подъезжаешь со стороны Большого Иевлева, осталось все вроде бы без изменений, разве что деревья по горизонту стали величавее и крепче, да рядом с ними, состязаясь в росте, дополнили пейзаж телевизионные антенны.

Большое Иевлево — центральная усадьба колхоза имени Большакова, Воскресенского района. Здесь мне показали восьмилетнюю школу, клуб, свое почтовое отделение, детский комбинат, механизированные животноводческие фермы, тракторный парк... В бухгалтерии дали справку: за 1968 год доход артели составил свыше 700 тысяч рублей. Заработок доярок и механизаторов — до 250—300 рублей в месяц.

Поинтересовался торговлей. В магазине сельпо обилие товаров. На прилавках — телевизоры последних марок, стиральные машины, мотоциклы, велосипеды. Рядом с изделиями нашего «Красного обувщика» — французские модельные туфельки.

Больше всего мне понравились люди — их приветливые взгляды, светлые улыбки, рассудительность и унаследованный от предков неистощимый юмор... Сегодняшний колхозник образован и эрудирован, он в курсе мировых событий, знаком с положением в стране. В правлении колхоза перечислили специалистов с высшим и средним образованием, назвали имена книголюбов, активных подписчиков периодических изданий, похвалились художественной самодеятельностью.

Направляясь в бывший медвежий угол, я мечтал встретиться с Н. Ф. Соловьевым, записка которого стала знаменательным документом эпохи. Автора письма в деревне не оказалось. Старожилы утверждают, что давным-давно он снялся с родного гнезда и уехал за Урал.

Но в селе Воздвиженском живет и здравствует другой свидетель истории, кавалер ордена Ленина Осип Левонтьевич Бородин. В 1972 году ему исполнится 100 лет. Почтенный житель Б. Иевлева дал мне образную характеристику тяжелой жизни Заветлужья той поры, когда было послано отсюда письмо в «Правду».

И. АЗАРОВ,
вице-адмирал,
бывший член Военного совета
Черноморского флота

СЕВАСТОПОЛЬ — НАШ!

В ноябре 1943 года войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф. И. Толбухина подошли к Турецкому валу на Перекопском перешейке, а десант Северо-Кавказского фронта зацепился за Керченский полуостров... Здравствуй, Крым! Мы вернулись!

И все же, несмотря на то, что советские войска глубоко вклинились в пределы Правобережной Украины, оккупанты не думали оставлять Крым. Позднее мне пришлось читать приказ немецкого командования, в котором говорилось: «Своей обороной крепости Севастополь немецкая армия докажет всему миру, что на этих мощных позициях можно держаться сколько угодно. Русским никогда не взять Севастополя, который держат немецкие войска...» В моей памяти живы дни, когда на флоте стали формировать в начале февраля 1944 года Севастопольскую военно-морскую базу. Немало было у нас просьб участников оборонительных боев дать им возможность сражаться за освобождение Севастополя и Одессы. Живые не забыли, какой ценой враг овладел Севастополем. И вот теперь час освобождения Крыма, освобождения Севастополя приближался!

На флоте шла усиленная подготовка сил к освобождению Крыма. Ставкой Верховного Главнокомандования были определены задачи флота — систематически нарушать коммуникации противника на Черном море. Для боевых действий разрешалось использовать подводные лодки, авиацию, а на ближних коммуникациях — и торпедные катера. Для участия в Крымской операции было выделено более четырехсот боевых самолетов.

В начале марта 1944 года первая группа катеров под командованием командира 2-й Новороссийской бригады торпедных катеров капитана второго ранга В. Т. Проценко перебазировалась из Геленджика в район Скадовска. Трудности этого перехода были в том, что его расстояние превышало оперативный радиус действия почти в два раза. Переход временами усложнялся навигационными и метеорологическими трудностями. Катер № 24 отстал из-за неисправности мотора. Его отнесло к Ак-Мечети. Очутившись на рейде и увидя корабль противника, командир лейтенант В. И. Игошин открыл огонь. Противник пытался захватить экипаж в плен, но моряки до конца остались верны присяге...

Многие из нас помнят Героя Советского Союза генерал-майора Н. А. Токарева, воевавшего с первых дней войны. Я его хорошо знал. Мне посчастливилось в 1942 году вручать гвардейское знамя его полку — первому на флоте. У меня и сейчас звучат в ушах голоса сотен летчиков, штурманов, стрелков-радистов и техников, произносивших слова священной клятвы. Будучи командиром 1-й минно-торпедной дивизии, Токарев вылетел в январе 1944 года для нанесения торпедного удара по транспорту противника и был сбит огнем зенитной артиллерии в районе Евпатории. Бесстрашный летчик, коммунист, видевший своими глазами выжженную землю, слышавший от оставшихся в живых жителей о злодеяниях гитлеровцев, не мог сдержать себя и, как многие сотни моряков и летчиков, стремился не дать им уйти с нашей земли безнаказанными...

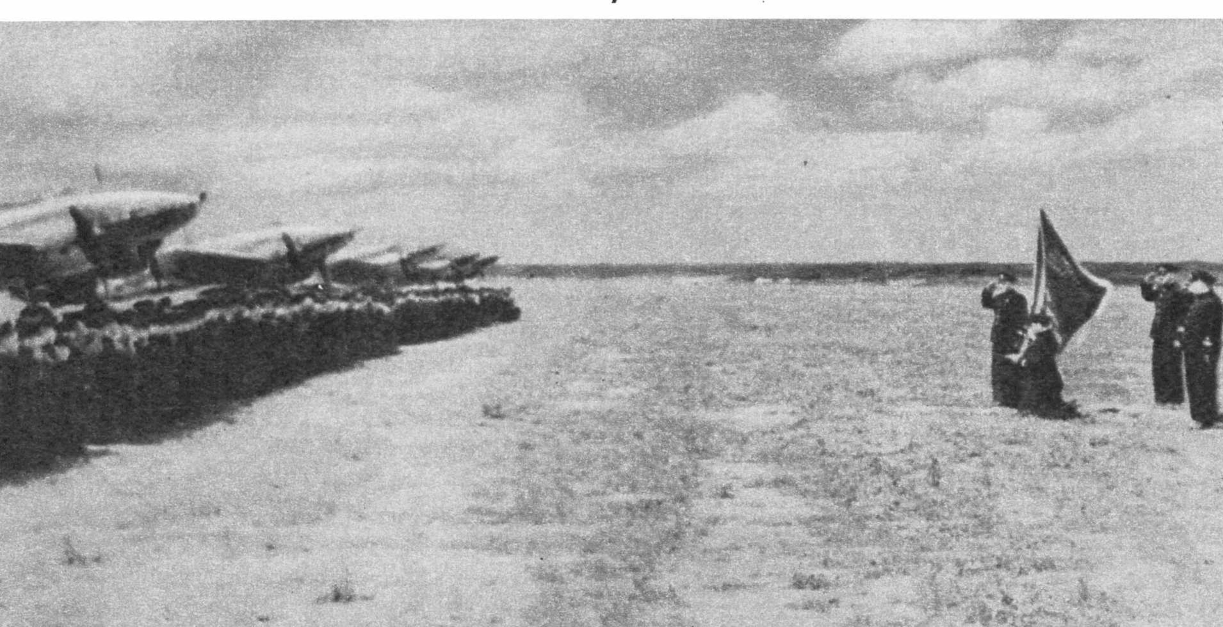
Черноморский флот частью своих сил содействовал войскам 3-го Украинского фронта (командующим фронтом был генерал армии Р. Я. Малиновский) в освобождении Николаева, Очакова и Одессы, нанося удары по транспортам и кораблям противника.

Мне запомнились добрые слова армейцев, сказанные в адрес морских летчиков. 8 апреля противник оказал упорное сопротивление штурмующим частям 2-й гвардейской армии. Сорок шесть «ИЛ-2» под прикрытием истребителей успешно штурмовали узлы сопротивления противника. Командир дивизии полковник Д. И. Манжосов сам водил своих штурмовиков на врага. Замечательный летчик Иван Егорович Корзунов, будучи командиром дивизии пи-

Слева направо: член Военного совета Черноморского флота И. И. Азаров, командир Севастопольской военно-морской базы капитан I ранга А. М. Филиппов, командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский на Херсонесском аэродроме у захваченного нашими войсками «мессершмитта».

Вручение гвардейского знамени авиационному минно-торпедному полку, отличившемуся в боях за Севастополь.

кировщиков, продолжал и сам летать на боевые операции. Он в числе первых в морской авиации применил метод топмачтового бомбометания в дни освобождения Крыма и Севастополя. Суть топмачтового бомбометания в том, что самолет атакует транспорт с малой высоты и в удалении от цели на 200—300 метров. Атака требовала от экипажа смелости, решительности и высокого мастерства. Такими качествами обладали Иван Егорович и его питомцы. Виктор Павлович Конарев, будучи командиром минно-торпедной дивизии, не раз лично водил экипажи на боевые операции. Летчик-истребитель Иван Степанович Любимов сбил девять самолетов. После ранения и ампутации стопы вернулся в строй. А в дни освобождения Крыма, Севастополя, командуя дивизией, он продолжал принимать непосредственное участие в боях. Родина высоко оценила ратные подвиги этих командиров дивизий.

Освобождение Крыма — славная страница героической эпопеи Великой Отечественной войны. В ходе Крымской операции войска 4-го Украинского фронта, Отдельной Приморской армии и Черноморского флота показали образцы военного искусства и ратной доблести, приумножили славу героев штурма Перекопа и форсирования Сиваша в 1920 году. Наступление началось 8 апреля ударами с плацдарма на южном берегу Сиваша и на Перекопском перешейке. Корабли и авиация Черноморского флота под руководством адмирала Ф. С. Октябрьского блокировали Крым. Обогащенные боевым опытом, хорошо подготовленные бойцы, матросы и офицеры после сильной артиллерийской и авиационной подготовки решительно атаковали врага. Сейчас известно, что Гитлер намеревался длительно оборонять Севастополь. 15 апреля 1944 года им был издан приказ о категорическом запрещении эвакуации из Крыма всех, кто в состоянии носить оружие. Ломая сопротивление врага, наши воины упорно продвигались вперед. Танки 19-го танкового корпуса генерала И. Д. Васильева вошли в прорыв. А в ночь на 11 апреля на Керченском полуострове перешла в наступление и Отдельная Приморская армия под командованием генерала армии А. И. Еременко. Приморской армии успешно содействовали корабли Азовской военной флотилии под командованием контр-адмирала С. Г. Горшкова. На рассвете того же дня Керчь была освобождена.

В эти дни торпедные катера и авиация Черноморского флота наносили удары по вражеским войскам в прибрежных портах, по кораблям и транспортам у причалов и в открытом море. Они действовали с двух операционных направлений: с кавказских баз и из района Скадовска. Эти двойные удары нарушили снабжение войск врага и помешали их эвакуации. 13 апреля 80 штурмовиков в сопровождении истребителей атаковали скопление войск и суда противника в Судаке, потопив при этом пять самоходных барж. Внезапные удары по фашистским кораблям наносили и подводные лодки. Героически действовали экипажи подводных лодок «М-111» капитан-лейтенанта Хомякова, «Щ-201» капитан-лейтенанта Парамошкина и многих других.

С гор спустились крымские партизаны. Они смело нападали на отходившие части противника. При освобождении Симферополя партизанские отряды во главе с командиром 1-й бригады Ф. И. Федоренко действовали смело и самоотверженно. Партизаны заняли телефонную станцию и другие объекты, помешав фашистам взорвать и поджечь их. В Евпатории боевые группы подпольщиков устраивали засады, уничтожали факельщиков, пытавшихся поджигать здания.

В итоге наступательных боев в апреле большая часть Крыма была освобождена. Враг укрылся в Севастополе. Здесь была мощная система укреплений, состоящая из трех полос. Сильнейшим узлом сопротивления была Сапун-гора, опоясанная несколькими ярусами траншей, прикрытых минными полями и густым частоколом проволочных заграждений. Наши войска готовились к штурму Севастополя. Солдаты, матросы рвались в бой. В дни активных боевых действий в частях и на кораблях флота было принято около четырехсот человек в партию. Шла усиленная тренировка штурмовых групп, ядро которых составляли коммунисты и комсомольцы. Лучшим из лучших поручалась почетная задача — водрузить знамена на высотах у Севастополя и в городе. Усиленно велась разведка оборонительных сооружений и огневых точек противника.

Основной удар было намечено нанести на участке Сапун-гора — Карань. Для отвлечения сил противника с направления главного удара войска 2-й гвардейской армии атаковали 5 мая фашистские укрепления с востока и северо-востока. Мощные бомбовые удары обрушились на врага. Гитлеровцы начали перебрасывать сюда с правого фланга пехоту и артиллерию. А на рассвете 7 мая, после полуторачасовой артиллерийской и авиационной подготовки, на штурм Сапун-горы пошли части 51-й и Приморской армии, 83-й и 255-й бригад морской пехоты. Начался штурм Севастополя! Этого часа моряки-пехотинцы ждали два года!..

Блистательной главой боевой летописи Советской Армии и Флота по праву считается штурм Сапун-горы. Тысячи подвигов, известных и оставшихся безымянными, совершили солдаты и матросы, сокрушая гитлеровскую оборону. Красные флаги передавались из рук в руки, указывали направление атак, звали вперед! Штурмовые группы быстро подбирались к дзотам, забрасывали их гранатами. Если огонь противника прижимал бойцов к земле, раздавался клич: «Коммунисты, вперед!» Штурм Сапун-горы — пример массового подвига.

Пулеметчик Иван Яцуненко первым водрузил красный флаг на Сапун-горе — он подхватил алый стяг из рук сраженного парторга Смеловича и стремительным рывком пробился с группой товарищей к вершине. Родина высоко оценила подвиг И. К. Яцуненко, удостоив его звания Героя Советского Союза. Первыми водрузили в Севастополе военно-морской флаг матрос Николай Сахно и старший матрос Георгий Пивоваров.

Гитлеровцы яростно сопротивлялись, но ничто не могло остановить советских воинов. К исходу 8 мая главные бастионы вражеской обороны пали. 9 мая Севастополь, город нашей боевой славы, был полностью освобожден! Остатки фашистской нечисти бежали на мыс Херсонес, где их вскоре ликвидировали. Здравствуй, родной Севастополь! 17-я немецкая армия в составе двенадцати дивизий перестала существовать. Гитлеровцы потеряли свыше ста тысяч солдат и офицеров убитыми и пленными. Наши армии захватили всю боевую технику врага.

Почетом и славой увенчала Родина освободителей Крыма. Пять раз салютовала Москва армии и флоту, освободившим Крым от немецко-фашистских захватчиков. Многим соединениям и частям присвоены почетные наименования Севастопольских; 126 советских воинов получили звание Героя Советского Союза. В числе отличившихся 23 моряка и летчика Черноморского флота. Тысячи солдат, матросов, сержантов, старшин и офицеров удостоились правительственных наград. Боевыми орденами отмечены многие соединения, части и корабли.

Вместе с командующим Ф. С. Октябрьским 10 мая я прилетел в Севастополь. Города не было, были руины. По улицам трудно пройти, всюду камни, щебень. Не было ни воды, ни света. Бульвары и скверы, ранее утопавшие в зелени, почернели от гари. Первой заботой секретаря горкома партии А. А. Сариной и председателя горисполкома В. П. Ефремова были меры против возможной вспышки эпидемий, восстановление города. В городе мы встречали изможденных севастопольцев. На глазах слезы радости. Как выяснилось, в городе осталось всего около тысячи жителей: тринадцать тысяч севастопольцев были расстреляны, тысячи увезены в рабство в Германию...

...Прошло 25 лет. Севастополь стал еще краше, благоустроеннее, чем был до войны. Когда я бываю в Севастополе, то любуюсь прекрасными, возрожденными из руин и пепла кварталами, обилием зелени, цветов; радуюсь, что в Севастополе с каждым годом появляются все новые и новые улицы, названные именами тех, кто отдал жизнь в боях за город, за Родину. Я хожу по вечерам на Приморский бульвар, где ветер с моря перемешивается с ароматом цветов. Над городом разносятся мелодичные звуки курантов, а в чаше над Малаховым курганом пылает вечный огонь славы...

Иван ЖИЛИН

* * *

Север встретил морозом лютым,
комья снега в лицо бросал.
Только ты не волнуйся, Анюта,
здесь мне светят твои глаза.
Был без них слеповат немного,
а теперь ты моя броня.
Так что Север, как хочет строго,
пусть испытывает меня.
Я ведь здесь не один...
Я дружу с самолетом.
Он проносится там,
под Полярной звездой.
Прилетает... Дрожит...
В мелких капельках пота.
Я его успокою, погладив рукой.
Отдохнет он одну лишь минуту,
а потом в облака —
белой молнией в бой.
Остаюсь на земле
и как будто
разговариваю с тобой.

* * *

Я закрою глаза...
По Таймыру пройду,
там, где маки цветут на льду...
А в Чите молоко зимой
продается, как эскимо.
Грустно смотрят два мудрых льва,
как по волнам ночным
куда-то плывут фонари.
Бесконечным роялем открылась Нева,
хоть садись за него и твори.
Ах, Москва!
Да простит меня наша Москва.
От нее слишком кружится голова.
Проходили мои года
через русские города.
Слышу день по степи звенит,
речка иволгой говорит.
Я иду напрямик,
вот и теплый рассвет.
Не беда,
что никто не встречает.
Здравствуй, город,
которого нет!
Я несу тебя за плечами.

ПЕРЕКАТИ-ТУНДРА

Ни куста, ни следа...
Все белым-бело.
Чью-то песню ветром в тундру занесло.

Кто там на оленях
и куда спешит?
Что там за девчонка?
Спит или не спит?

На коленях — ящик.
На нем — красный крест.
Катится по вызову
тундровый экспресс.

Кажется, что воют белые сугробы.
Без конца, как тундра,
песня у каюра.
Сопки... Сопки...
Где они, юрты?
Где они, юрты?..
Отыщи попробуй.
А глаза девчонки —
листики осины.
Бисером, шелком
шиты мокасины.
Шуба задубела,
шапка побелела.
У перекати-тундры
смерзлись ресницы.
Снится ей синица,
речка-быстрица.

КОЛЯ, ОТЗОВИСЬ!

Эту фотографию военных времен прислали мстиславским краеведам школы № 1 ветераны бывшей 344-й стрелковой дивизии. На снимке — заместитель командира 1152-го стрелкового полка капитан Капранов и сын полка Коля Лелявин.

...В 1941 году полки этой стрелковой дивизии защищали Москву. Одним из них командовал Владимир Алексеевич Лелявин. Неизвестно почему, но в часть он прибыл вместе с малолетним сыном Колей. А бои были тяжелые, изнурительные. Когда казалось, что гудериановские танки вот-вот прорвут оборону полка, командир сам поднимал в атаку своих воинов, и немцы не выдерживали, отступали. Так дивизия дралась под Юхновом, Спас-Деменском, а во время летнего наступления 1943 года выбила фашистов из некоторых городов Смоленской области. В одном августовском бою погиб командир полка Лелявин. Маленького Колю усыновил полк. Его воспитанием занялся капитан Капранов. Мальчугану сшили военный мундир, стачали сапожки. Солдаты и офицеры окружили его заботой, оберегали от опасности.

В 1944 году Колю Лелявина полк направил в суворовское училище. Со слезами на глазах провожали воины мальчика. А вскоре полк завязал бои в Восточной Пруссии. Война продолжалась...

Прошли годы. Потерялись следы сына полка... Возможно, снимок в «Огоньке» увидит Николай Лелявин или кто-то из его друзей! Пусть он напишет нам, своим однополчанам!..

На снимке: капитан Капранов и Коля Лелявин.

Юрий ЛИВШИЦ,
Владимир ГАСЕНКОВ,
краеведы

г. Мстиславль,
Могилевской области.

ПИШИТЕ НА КУБАНЬ!

В конце июня все жители Житковичского района, Гомельской области, отметят 25-летие со дня освобождения их района от немецко-фашистских оккупантов. Шесть месяцев шли здесь тяжелые бои в 1944 году, особенно под Озеранами и Туровом. Туров и Житковичи освобождала 23-я стрелковая Киевско-Житомирская Краснознаменная дивизия под командованием Героя Советского Союза Бастеева. В той дивизии, в составе 82-й отдельной разведывательной роты, служил и автор этих строк. Выполняя специальное задание командования, 5 апреля 1944 года под деревней Хвоенск я был тяжело ранен. А перед выходом на это задание группа разведчиков сфотографировалась. Так вот в связи с тем, что я вскоре был тяжело ранен и отправлен в госпиталь, мне не удалось получить тогда фотографию.

Спустя двадцать четыре года я поехал в Белоруссию, побывал в тех местах, где воевал с немецко-фашистскими захватчиками. Вместе со мною были мои однополчане Алексей Дмитриевич Углов и Виктор Васильевич Шкторов. Мы посетили братские могилы наших фронтовых товарищей. Где бы мы ни бывали, везде нас встречали как самых дорогих гостей. Во время встречи с жителями деревни Хвоенск Василий Владимирович Тышковский подарил мне фотографию военных лет — ту самую, сделанную перед выходом нашей группы на специальное задание командования 23-й стрелковой дивизии. В. В. Тышковский — местный житель, он был проводником разведчиков.

Я сделал копию с этого снимка военных лет и посылаю вам, надеясь с помощью «Огонька» разыскать оставшихся в живых разведчиков нашего второго взвода. Было бы очень хорошо всем нам встретиться на белорусской земле! Может быть, откликнутся майор Карачун, начальник разведки 23-й стрелковой дивизии (он стоит на одном колене в центре фотографии), москвич Н. П. Косяков (он стоит сзади майора), а пятым слева стоит Николай Челноков. В верхнем ряду пятый слева — Николай Ильич Хирин. Лежат: слева — Ермоленко, с бородой, а справа — В. В. Тышковский. Правее проводника — автор этих строк. С санитарной сумкой — наша Аннушка, медицинский фельдшер. Фамилию ее забыл. Забыл фамилии и других разведчиков...

Дорогие друзья, фронтовые разведчики! Если кто из вас узнает себя, то напишите мне по адресу:

Краснодарский край, Тбилисский район, село Марьинское, КОЖЕВНИКУ Ивану Тимофеевичу.

РАССКАЗ НА БРОНЕСТЕКЛЕ

Четыре года тому назад, незадолго до открытия экспозиции в новом здании, в Центральный музей Вооруженных Сил СССР поступил необычный экспонат: кусок бронестекла. Сотрудники авиаконструкторского бюро А. С. Яковлева, которые принесли этот кусок, знали немногое: был у них в КБ летчик-испытатель В. А. Зайцев. В сорок третьем Зайцев ушел на фронт, а потом, уже в конце войны, заглянул как-то к старым товарищам и оставил на память кусок бронестекла.

Реликвия эта не давала мне спокойно жить. Кто же он такой, летчик-испытатель В. А. Зайцев? Какова его судьба?..

Изучение многих архивов, беседы с командиром истребительного авиационного полка, в котором В. А. Зайцев сражался на фронте, позволили шаг за шагом воссоздать историю его удивительной жизни и его боевых дел. В том числе историю того боя, о котором напоминает кусок бронестекла...

В 1929 году Василий Алексеевич Зайцев семнадцатилетним юношей

ТАМ, ГДЕ МЫ БЫВАЛИ...

Дорогие товарищи! Я бывший офицер, прикован недугом к постели. Нашел смысл жизни в следопытской работе, за которую Сочинским музеем Николая Островского занесен в список корчагинцев. Думаю, что читателям «Огонька» будет интересно узнать о Н. В. Быкове, одном из кинооператоров Великой Отечественной войны.

* * *

Бомбы, сброшенные на Киев ранним утром 22 июня 1941 года, определили судьбу Николая Быкова, оператора Киевской студии кинохроники. Он стал фронтовиком! «...Я доволен, что влился в борьбу, которую не на жизнь, а на смерть ведет наш народ, и сумею зафиксировать подвиги советских людей в кинолетописи,— писал он родным с Калининского фронта.— Нахожусь в центре событий. Снял несколько сюжетов. Работа идет в очень трудных условиях. Погода отвратительная. Наша машина несколько раз выходила из строя. Были под бомбежкой, обстрелами. В общем, все нормально...»

А вот строки из дневника Н. В. Быкова:

«...Сегодня снимал Великие Луки. Если бы наши художники в своих декорациях нагородили всю эту груду обломков, зритель принял бы это за бред. Но я видел и снимал этот ад, это страшное зрелище разрушенного города...»

«...Мы благополучно приземлились в районе того самого партизанского отряда, который был нам указан в инструкции, где нас ждали... Уже в пути выяснили, что в этом районе никаких площадок для посадок нет. Решили прыгать на парашютах, но, приближаясь к городу, попали под сильный артиллерийский обстрел... Мы летели на высоте двух тысяч метров, а прыгал я с семисот. Ринуться в бездну, в ночную тьму, с непривычки страшновато. Не исключена западня. Но рассуждать было некогда, и я, зажмурив глаза, прыгнул: волков бояться — в лес не ходить...»

«Давно не брал дневника в руки. Не до этого было... Немцы стянули к с. Павловка большие резервы, предприняли ряд атак, начали нас теснить и, окружив, загнали в болото. Пять суток мы... отсиживались в болоте и привлекли в этот район множество немцев. А затем, разбившись на мелкие группы, стали выходить из окружения, заминировав все подходы к лесу, и загнали немцев в то же самое болото! Здесь мы жестоко разгромили их».

«...Много работы... Ко мне прикомандировали партизана, хорошо знающего местность,— каждый бугорок и кустик. Мы перебрасываемся из отряда в отряд,— то верхом, то пешком, то на дрогах. Я вооружен двумя автоматами: съемочным «Аймо» и боевым «ППШ». Снимаю с ходу. Завтра отправляем в Москву первые ролики. Есть интересный материал...»

«...По срочному распоряжению вылетел на новый участок фронта,— писал Николай Владимирович родным 12 июля 1943 года.— Мои партизанские приключения окончились благополучно. Весь материал вошел в фильм «Народные мстители».

Быкова вскоре направили в киногруппу Политуправления 1-го Украинского фронта, с войсками которого он прошел от Харькова до Вроцлава.

«Я вылетел в составе экипажа бомбардировщика на бомбежку одного объекта в надежде заснять интересные кадры. Это был мой шестой вылет. Во время выполнения задания мы попали под страшный огонь немецкой зенитной артиллерии, и самолет загорелся. Стал вопрос, прыгать ли на немецкую территорию... Лучше разбиться! — решил экипаж. Летчик перетянул горящую машину через линию фронта — мы упали на нашу территорию. В результате один убитый, остальные — раненые. Мне повезло: отделался сильным ушибом...»

Шло сражение за Киев. Вот на одну из улиц предместья города ворвался «Т-34». Пушка посылала снаряд за снарядом, пулеметы поливали свинцом прижавшихся к домам эсэсовцев. Усилили стрельбу и фашисты. Им удалось поджечь наш танк. Но и объятый пламенем, он продолжал стрелять и мчаться на врага. Когда танк остановился, первым из него выбросился Николай Быков, но, увидев, что вслед за ним больше никто не появляется, снова полез в горящий танк. Он перетащил тяжело раненных танкистов в безопасное место.

Он погиб в Бреслау. С киноаппаратом в руках кинулся Быков в гущу схватки вместе с атакующими бойцами — и погиб. «...18 апреля 1945 года при съемке уличных боев в гор. Бреслау погиб один из наших наиболее отважных и профессионально одаренных кинокорреспондентов — оператор 1-й категории Николай Владимирович Быков,— говорится в приказе Комитета по делам кинематографии при СНК СССР от 28 февраля 1946 года.— Отмечая заслуги погибшего на боевом посту оператора тов. Быкова Н. В., ПРИКАЗЫВАЮ: занести на мемориальную доску в Московском Доме кино имя оператора Быкова Николая Владимировича...»

Лев КАПЛИН

поступил в Саратовскую летную школу Осоавиахима. В 1933-м окончил Борисоглебскую школу летчиков. Служил в Гражданском воздушном флоте. А в марте 1943 года стал летчиком-испытателем. К этому времени Зайцев уже летал на самолетах двадцати конструкций и налетал 50 тысяч летных часов. Но опасной и напряженной работы летчика-испытателя Зайцеву было мало. Шла война, и он рвался на фронт. И добился своего...

Шестнадцатого мая 1944 года во главе четверки истребителей командир третьей эскадрильи 832-го истребительного полка В. А. Зайцев вылетел в район села Новый Путь — станция Русаки, чтобы обеспечить прикрытие с воздуха расположенных здесь наших войск. Ведомым у Зайцева был старший лейтенант П. Н. Паршин. Вторую пару составляли летчики В. Н. Бородаевский и В. И. Соловьев.

Над станцией Русаки наши летчики встретились с восемью немецкими истребителями «фокке-вульф-190». Завязался воздушный бой. В первой же атаке Зайцев сбил один «фокке-вульф». И тут же прошил очередью второй — враг пытался зайти в хвост ведомому. Еще два вражеских истребителя вспыхнули и пошли к земле от очередной атаки Бородаевского и Соловьева. Но тут к врагу подошло подкрепление. Сверху, из облаков, нырнули еще несколько «фокке-вульфов». Вспыхнул самолет Соловьева. А Зайцев с трудом перетянул через линию фронта изрешеченную вражескими пулями машину и упал в расположении своих войск... Кое-как выбравшись из-под обломков, летчик поднял с земли кусок бронестекла, отлетевшего от разбитого самолета, и сунул его в карман кожанки. На этом куске он и нацарапал лаконичный и суровый рассказ о воздушном бое:

«16.5.1944. 4 ЯК-9, 8 ФВ-190. Я сбил 2 ФВ, 1 — Бородаевский, 1 — Соловьев. Сгорел Соловьев, сбит я, ст. Русаки. 2-й Прибалтийский фронт».

Какова же дальнейшая судьба Василия Алексеевича Зайцева?

Нет, не дожил капитан Зайцев до светлого Дня Победы...

За десять месяцев своего пребывания на фронте испытатель сбил 12 вражеских машин. Но и сам погиб 2 июня 1944 года во время штурмовки вражеского аэродрома. А кусок бронестекла, выставленный на стенде нашего музея, напоминает о героической жизни этого замечательного летчика.

Н. ВАУЛИН,
заведующий сектором
Великой Отечественной войны
Музея Вооруженных Сил СССР

Боевая честь

Александр КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

* * *

Сосновый бор, какой ты просветленный,
Исполненный высокой чистоты!
Передо мной в волне твоей зеленой
Мои проходят первые мечты.

Как ветер с крон твоих небесных сосен,
Они плывут незримо на меня.
Вот я — мальчишка, без отца, в ту осень
На самой главной линии огня.

Мы падали и снова шли на цели.
Лишь Родина вела утратам счет.
Но звезды, что на крыльях пламенели,
С российской честью мы несли вперед.

Грядущею победой в отдаленье
Звало нас время взрывчатой мечтой,
И я, солдат, в бессменном наступленье,
Был счастлив каждой взятой высотой...

Иду сквозь бор, мечтой в объятья забран.
И в память не вернувшихся домой
Побеги, словно свечи в канделябрах,
Горят в сосновых кронах надо мной.

РЕКА МОЛОЧНАЯ

Река Молочная —
Не кисельные берега.
Ты, Молочная,
Кровью окрашенная
Река.

Под огнем
Мы форсировали тебя,
Уходя в глубину твою,
В том неравном лихом бою —
Не на день,
Не на год —
на века...

Я сегодня
К тебе пришел,
На знакомом стою берегу
И смотрю,
И взгляд мой тяжел,
От тебя отвести его
Не могу.

Предо мною
друзья встают,
Закипает волна молока.
Ох, попили, попили мы тут,
Ну, и щедра у тебя
рука!

Я б Молочной
тебя не назвал:
Я не белой тебя увидал...
О друзьях хороших
скорбя,
Называю К р а с н о й тебя...

* * *

Они меня
Выходят провожать,
С опушки
машут вслед ветвями...
Березки — школьницы
Ни дать ни взять,
Такая близость
Вдруг возникла между нами!
Я чувствую в душе такой размах,
Пронизанный и звездами
и ветром,
И жизни
удивительную щедрость
Невольно
ощущаю на губах...

О МОЕЙ РОДОСЛОВНОЙ

«Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил...»
А. С. Пушкин.

Мой предок не имел
Поместий родовых,
Не завещал своим единокровным
Ни пашен, ни крестьян, ни летописных книг
С преданьями о нашей родословной.

Он, верно, сам был пахарь крепостной
И, бережно храня заветы предков,
Трудился в поле летом и весной,
Стучал кувалдой горячо и метко:

Ковал подковы, правил топоры,
С сородичами знался честь по чести,
В бесправии далекой той поры
На недруга ходил со всеми вместе.

Гудели молоты, и наковален звон
В набатные вплетался переборы,
В шеломах и кольчугах для отпора
Вставала рать славян со всех сторон.

И я уверен — наши Ковали
У Александра Невского бывали.
Во здравие и честь родной земли
Они мечей немало отковали.

И точно знаю я: один из Ковалей
В полку передовом у Дмитрия Донского,
Орудуя сплеча секирою своей,
Немало преуспел на поле Куликовом.

Позднее внук его пришел на тихий Дон,
В степном раздолье посбивав оковы;
Там принят был в курень и саблею крещен
В железной схватке возле стен Азова.

Ближайший предок мой в казачьей лаве шел,
Что Бонапарта надломила волю.
Через века кутузовский орел
Плывет с холма
над Бородинским полем.

А мой отец стрелковый батальон
В атаку поднял около Самбека,
И в эстафете славы всех времен
Сама Земля ему смежила веки.

Я возмужал быстрее оттого,
Армейскою дорогой обогретый,
И за отца, солдата своего,
В самом Берлине утверждал Победу...

Растут сыны. И нет на свете силы,
Чтоб нашу силу одолеть смогла,
Что с давних пор нам в плоть и кровь вошла
Одной судьбой
по имени Россия.

СТРАДИВАРИ ИЗ КАРАКАЛПАКИИ

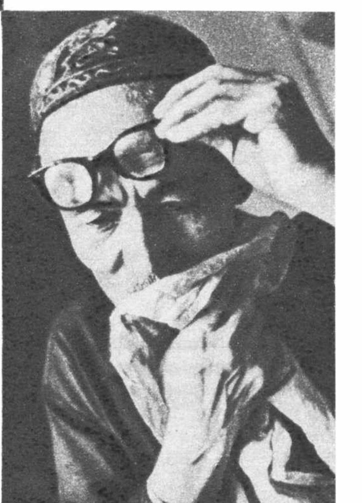
Вяч. КОСТЫРЯ

Фото Н. КЛЮЧНЕВА.

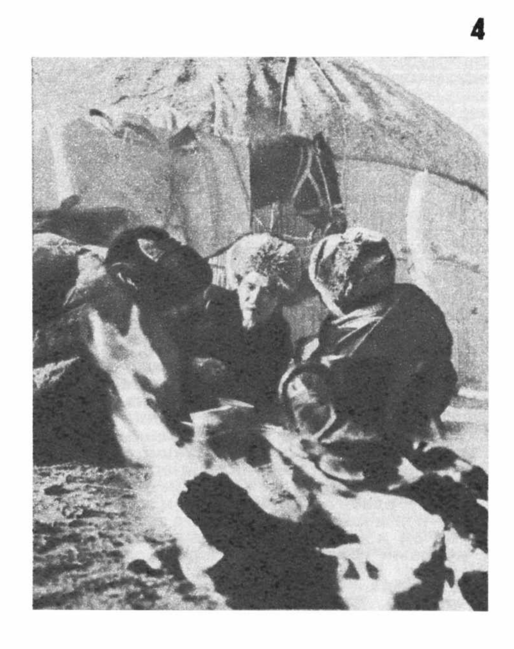
1

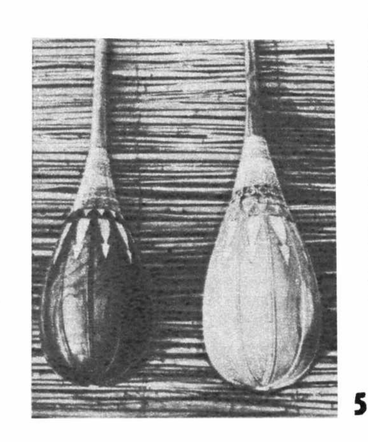
2

3

4

5

6

Каракалпакия... Автономная Советская Социалистическая Республика. Она стала такой лишь после Великого Октября. А до того мужественные ее люди перегоняли с места на место своих кормильцев — овец и верблюдов — в поисках пастбищ и потихоньку вымирали. Ведь места, где они обитают, не что иное, как солончаки; движущиеся песчаные холмы — барханы; изрезанные глубокими трещинами площадки — такыры. И, словно бы в насмешку, по этим жаждущим просторам бесполезно металась огромной рыбиной на раскаленной сковородке сбежавшая с ледников Памира своенравная река, справедливо прозванная Сумасшедшей рекой, то есть Аму-Дарьей... В те времена народ здесь создавал песни, потрясающие трагизмом безысходности.

И легко представить, как зазвенело ликование в народных песнях, запечатлевших чудесное превращение Каракалпакии в край хлопка и каракуля, жемчужного зерна, так называют здесь рис, и новой, Голубой реки, соединяющей газоносную Бухару с центром нашей Родины. Строптивая Аму-Дарья уже почувствовала власть человека, заставляющего ее поить все щедрее и щедрее окрестные земли.

Если вам доведется побывать в Каракалпакии, непременно послушайте народные песни.

Все то, о чем мы сейчас рассказали, отразилось в песнях, наполнило их радостью и силой. А познакомившись с каракалпакскими песнями, вы непременно познакомитесь и с замечательным инструментом, в сопровождении которого они поются,— знаменитым дутаром. Однако инструмент инструменту — рознь. Чтобы создать настоящий дутар, надо быть и мудрым и юным душой.

Таков Бектурган Байназаров (снимок № 1).

Пожалуй, нет ни одного каракалпака, который бы не знал этого человека. Личная пометка мастера Бектургана на сделанном им инструменте ценится тут так же, как подпись Страдивари на скрипках. Каждая работа Байназарова на счету — пятнадцать — двадцать дутаров в год. Один из них хранится в республиканском музее как образец народного прикладного искусства (снимок № 2).

Десятки километров проходит Бектурган-ата по кустарниковым зарослям поймы Аму-Дарьи в поисках того единственного тутового дерева, у которого от природы самый лучший голос. И тогда уж дело за мастером (снимок № 3).

Однако настоящий дутар должен ласкать не только ухо, но и глаз. И снова Бектурган Байназаров в пути. Ищет новый рисунок. Ищет материал для инкрустации. И степная дорога приводит мастера к юрте чабанов. Уж кто-кто, а они-то знают, где найти прокаленную солнцем верблюжью кость для инкрустации (снимок № 4).

Во время такой вот беседы у костра нередко рождается в воображении мастера и затейливый узор. И интересно, что у каждого шедевра Бектурган-аты свое лицо. Вот два его дутара, созданные совсем недавно (снимок № 5).

Дутары Бектургана Байназарова — для виртуозов. Но что скрывать: каждая из этих «кырк кыз» — сорока девушек-дутаристок самодеятельного ансамбля — мечтает когда-нибудь получить один из шедевров каракалпакского Страдивари (снимок № 6).

Василий ЕМЕЛЬЯНЕНКО,
Герой Советского Союза

ПОДВИГ

К Кагальницкой уже подходили передовые части противника. 29 июля мы спешно перелетали на другой полевой аэродром. Садились на вытянутый прямоугольник летного поля в Сальских степях. Он со всех сторон окаймлен зеленым забором лесозащитных насаждений.

С безоблачного неба нещадно палило солнце, а горячий воздух был неподвижен: комбинезоны, надетые поверх трусов, липли к телу. От жары не было спасения даже в тени. Прохлада держалась лишь в единственной землянке, где разместилась оперативная группа штаба полка. Но там тоже невозможно высидеть: с потолка то в одном, то в другом месте сыпалась сухая земля и обязательно попадала нам за воротники. Это в в земляном перекрытии орудовали мыши. Майор Гудименко часто переставлял свой складной столик с одного места на другое и зло дул на разложенную карту, куда с потолка с шуршанием стекал песок.

Техники раздобыли для нас железную бочку, наполнили ее водой из водомаслозаправщика. После возвращения с боевого задания летчики, сбросив комбинезоны, по очереди погружались в эту подогретую солнцем купель, а потом, еще не обсохшие, спешили на доклад. Такой порядок установил сам командир полка Холобаев. В жбане кончилась питьевая вода. Мы утоляли жажду теплыми полосатыми арбузами. Техники натаскали их с заброшенных бахч.

Войска Южного фронта отходили от Дона, а впереди них курились пыльные дороги: колхозники угоняли огромные стада скота к предгорьям Кавказа...

Мы летали не на запад, а на север, за Манычский канал, бить колонны противника. Их мы уже видели восточнее нашего аэродрома, а куда нам дальше перебазироваться, еще неизвестно. Связи со штабом 4-й воздушной армии не было.

...Получена боевая задача: штурмовать колонны войск противника, которые движутся по дороге между Орловской и Несмеяновкой. Это между Доном и Манычским каналом. Лететь нам на северо-восток. Готова шестерка штурмовиков. Еще полетят с нами два истребителя из полка Ибрагима Дзусова. У него все ребята — настоящие орлы. Их задача — отбивать от штурмовиков «мессершмиттов», которые появлялись повсюду.

Взлетели. Я — впереди со своим напарником, справа — пара двадцатилетнего комсомольца Михаила Таликова, слева—Василий Шамшурин со своим ведомым. Сразу же набираем высоту. Так нам будет легче издали обнаружить колонну, заблаговременно перестроиться и с ходу отбомбиться по ней с пикирования. А потом уже начнем штурмовать ее с малой высоты огнем из пушек и пулеметов.

Как только пересекли Манычский канал, уже вдалеке заметили похожую на дымовую завесу полосу пыли. Там именно, вдоль речушки Сал, проходит дорога из Семикаракорской на Несмеяновку. Я хорошо запомнил эти места: не первый раз приходилось туда летать, а пять дней тому назад я был там сбит истребителями, а потом сутки пробирался пешим...

Подлетаем ближе к дороге, и с высоты шестисот метров уже хорошо различимы танки, автомашины, бронетранспортеры. При нашем приближении головные машины остановились, а из них начали выскакивать и прятаться в придорожные канавы солдаты. Появились и первые разрывы зениток.

Делаю поворот влево, чтобы зайти вдоль колонны, начиная с ее головы, а Шамшурин со своим напарником тут же переходит на другую сторону боевого порядка, перестраиваясь в «пеленг». Начинаем один за другим пикировать и сбрасывать серии бомб. Потом вывод из пикирования, левый разворот и, растягиваясь цепочкой, идем по дуге, перестраиваясь в круг для штурмовки. Там, где колонна, вздыбились черные султаны от взрывов наших бомб.

Теперь заходим поперек колонны. Опускаю нос штурмовика, ловлю в перекрестье большой грузовик, целюсь ему в бок. Фыркнули эрэсы, даю длинную очередь из четырех стволов. Машина вспыхнула. Проношусь низко над ней, снова набираю высоту с разворотом для повторной атаки. Уже приближаюсь к заднему самолету, чтобы замкнуть круг. Взглянул вверх, а там уже шесть истребителей: два наших «Яка» и четыре тонких, с тупыми, словно обрубленными, консолями крыльев «мессершмитта». Сейчас вверху начнется свалка. Нашим ястребкам придется очень туго, и мы здесь, внизу, должны быть начеку. Ведь ясно, что пара «мессеров» свяжет боем двух наших, а остальные ринутся к штурмовикам... Так оно вскоре и произошло. Смотрю, впереди меня уже «мессер». Он летит на пересекающемся со мной курсе, нахально влезает в наш круг и нацеливается на впереди идущий штурмовик. Тороплюсь его отсечь огнем. Нажал на гашетки — перед истребителем сверкнули трассы. Он резко взмыл, но, перескочив через штурмовик, вдруг начал пикировать на следующий самолет — Шамшурина. «Маневрируй!» — кричу ему по радио, а тот почему-то летит и не шелохнется. Крутнул свою машину внутрь круга, потом переложил ее в обратный крен, чтобы занять позицию для стрельбы по истребителю. А тот уже сближается с Шамшуриным, сейчас собьет! Не успев как следует прицелиться, я нажал на обе гашетки. Под фюзеляжем «мессера» блеснул огонь. Вражеский истребитель завалился в крен и, оставляя за собой дымный след, круто пошел к земле. Мне впервые довелось стрелять по истребителю, и сразу такая неожиданная удача! Удача вдвойне, потому как от стрельбы на глазок загорелся «мессер», а Шамшурин как ни в чем не бывало продолжает полет и вот уже переходит в атаку. Явное везение!

...Сейчас будет наш четвертый и последний заход на штурмовку. И домой!

Пикирую на колонну и краем глаза замечаю тянущиеся ко мне с земли дымные шнуры. Это бьет зенитка. Довернуть бы на нее, чтобы дать пару очередей и подавить огонь. Не успеваю: слишком поздно заметил. И зенитка уплывает под крыло. «Может быть, кто задний ее подавит, если увидит?..» Я уже прицелился по бронеавтомобилю и, задержав дыхание, собрался нажать на гашетки. И вдруг — звенящий удар по мотору. Он заглох. Мгновенно оборвался его рев, а вместе с этим будто остановилось и сердце. Прыгать? Высота мала, да и машина почти над самой вражеской колонной. Остается одно — планировать через дорогу и садиться по ту сторону. А там что будет... Перетянул через колонну, земля уже близко. Выравниваю самолет и перед приземлением решаю выпустить шасси. Это большой риск, но так я спасся под Нырковым, когда колесами перескочил через первую траншею противника. Может быть, и теперь повезет. Не попалась бы только канава какая, а то перевернусь. Тогда уж из кабины не выбраться. Могут меня вытащить немцы живьем, как птичку из клетки. Зато если посадка на колеса закончится благополучно, то на пробеге я укачусь подальше от врага...

Самолет запрыгал по кочкам. Я уперся одной рукой в приборную доску, чтобы при толчке не стукнуться головой и не потерять сознания. Пробег закончился благополучно. Меня словно крылья вынесли из кабины, а ведомые один за другим с оглушительным ревом проносятся надо мной с курсом на аэродром. Они, конечно, слышали мою последнюю команду: «Кон-

чаем работу». «Неужели они меня так и не заметили? — не без горечи подумал я.— А если бы и заметили, то чем они могут помочь?»

Озираюсь вокруг. Я всего в километре от колонны, где вижу следы нашей «работы»: дым, с десяток машин и танков кострами пылают на дороге. Не зря слетали. Мой самолет на виду у противника. Стоит как на блюдечке. Ко мне уже бегут немецкие солдаты. Надо немедля бежать и мне. Но куда? Кругом голая степь, ни кустика, ни бугорка, ни балочки. Даже населенного пункта нигде не видно. А от пули разве убежишь? Хуже всего, если ранят, а потом беспомощного будут эти варвары истязать... Нет, лучше уж последний патрон в пистолете оставить для себя. А пока попытаюсь поджечь самолет, чтобы он врагу не достался. Слышу трескотню автоматов. Сбросил с себя парашют, швырнул его под мотор, туда, где бензиновый кран, дернул за красное вытяжное кольцо. Распахнулся тугой, перетянутый резинками ранец, вспучилась слежавшаяся кипа белого шелка. Кран, как всегда, законтрен стальной шпилькой. Пытаюсь ее сорвать, царапаю руки до крови. Кран не поворачивается, бью кулаком... Наконец, струя бензина хлестнула на кучу шелка. Теперь остается только чиркнуть спичкой... Такое я уже делал пять дней тому назад недалеко отсюда, когда был сбит вражескими истребителями. Хлопнул себя по одному карману, по другому — спичек нет. Да я же давал их Таликову перед вылетом, когда тот второпях закуривал... Вспомнил о ракетнице. Она всегда в кабине, заряжена. Вскочил на центроплан, выхватил, прыгнул вниз. Вытягиваю руку с ракетницей и, отвернув лицо, чтобы не обожгло при вспышке, стреляю в упор. Пыхнуло горячим; отскочил подальше, опасаясь взрыва, упал ничком на землю. Никак не отдышусь. Теперь все... Вытащил из кобуры пистолет. Доносится гул каких-то самолетов. Посмотрел, уже безразлично, в сторону дороги — цепь фашистских солдат теперь ближе, но после короткой перебежки они вдруг залегли. Тут же доносится треск очередей, и там, у дороги, низко выходят из пикирования два истребителя. При виде их я встрепенулся. Так это же наши «Яки»! Я не в одиночестве рядом с противником, здесь мои боевые товарищи! Вот они круто пошли вверх боевым разворотом и снова заходят для атаки той цепи фашистских солдат, которые бегут ко мне. Значит, ребята хотят меня выручить. Если так, то все же стоит бежать куда-нибудь на юг подальше от дороги. А там видно будет... Только было решился бежать — заметил бронеавтомобиль. Он был вдалеке от горевшей колонны, повернул было к обочине, но ему, видимо, помешала канава, и он двинулся дальше. Наверное, ищет съезд с дороги. От него уж мне не убежать... А что там еще за штурмовик летит в мою сторону на бреющем? Штурмовик все ближе. Я встал во весь рост. Мне хочется, чтобы этот летчик увидел меня еще живого. Помашу ему на прощание. Он, наверное, видит мою горящую машину. Высота у него метров десять, он все ближе, и я уже различаю голову летчика. Очки на лбу, лицо обращено в мою сторону. Я поднял руки, замахал и тут же увидел на хвосте большую белую цифру «9». Так это же Таликов! Он, как обычно, от цели уходит последним. Злой летчик, горячая голова. Таликов когда-то так же поступил при штурмовке танков под Лисичанском, отстав от группы, за что получил от меня изрядную взбучку. Потом долго дулся на меня... Я машу руками, и летчик легонько качнул самолет с крыла на крыло... Значит, увидел! А может быть, мне это только показалось, что качнул?

«Девятка» резко начала набор высоты и тут же завалилась в левый крен. Наверное, Таликов еще раз хочет просмотреть место моей вынужденной посадки, чтобы поточнее доложить командиру полка. Но тут из-под фюзеляжа выползают шасси. Неужели же собирается садиться? А Таликов разворачивается, планирует. Даже видно, как посадочные щитки опустились под крыльями. Я не отрываю от самолета изумленного взгляда... А гитлеровцы на дороге уже пришли в себя. Вражеская колонна ощетинилась страшным огнем. Одинокий самолет снижается в огненном смерче! Как хорошо, что, находясь в самолете, мы, летчики, всего этого не видим!

Неужели собьют? Но Таликов каким-то чудом благополучно минует огненную завесу, приближается к земле, сейчас должно наступить касание... Трещат автоматы. Я снова упал, опасаясь, как бы не задело шальной пулей. Наблюдаю за рискованной посадкой Таликова. У меня-то она обошлась благополучно, а вдруг он угодит колесом в яму или канаву, повредит шасси? Тогда что? Два пистолета и два последних патрона на двоих?.. Самолет коснулся земли, стукнулся колесами о бугорок, подпрыгнул, а потом снова мягко коснулся тремя точками и покатился, постепенно замедляя скорость.

«Девятка» остановилась в сотне метров от меня. Таликов уже без парашюта стоит на крыле и, требовательно махнув мне рукой, склонился позади кабины, в чем-то там ковыряется. Я мчусь что есть мочи к самолету и на бегу догадываюсь, что он открывает крышку смотрового фюзеляжного лючка. Туда одному из нас можно втиснуться.

— Взлетайте,— говорит мне Таликов, указывая на кабину, а сам он, вижу, собирается нырнуть в фюзеляж. А я, уже обессиленный и запыхавшийся от быстрого бега, кричу:

— Взлетай сам... Только развернешься снова на колонну... и по своим следам... Видишь, на траве остались?

Таликов утвердительно кивнул и, не отвечая, полез в кабину. Я ухватился за стойку антенны, спустил ноги в фюзеляж... Перед тем как спрятать голову, вижу мчащийся к нам бронеавтомобиль. Он издали ведет огонь. Но уже взревел мотор, раздался визг тормозов, самолет круто развернулся, потом в уши ударил надрывный гул: Таликов пошел на взлет. «Лишь бы Миша выдержал направление... Машина строга на взлете, ее всегда ведет вправо... А вдруг фрицы на разбеге прострелят покрышку? Тогда уж оба отлетались. На голом диске скорости для отрыва не набрать...» Ощущаю толчки. Они все реже, и вот самолет последний раз подпрыгнул и завис в воздухе. Взлетели! Подо мной мелко вздрагивает фанерная скорлупа фюзеляжа. Через верх открытого люка я вижу мелькающие трассы и невольно съеживаюсь в комок. Лучше бы мне этого не видеть. Это не в бронированной кабине сидеть—тут каждая пуля может прошить насквозь снизу доверху... Хорошо, что эта пытка продлится недолго: сейчас Таликов уйдет подальше от колонны, развернется, а там курс на аэродром. Только бы не напали истребители... Тут меня сильно прижало к полу — значит, Таликов «загнул» крутой вираж. Потом он вывел самолет из крена, я начал отделяться от пола, в глаза полетел какой-то мусор. Пикирует! Заработали пушки: «ду-ду-ду-ду-ду-ду...» Таликов ведет огонь. «Может, истребители напали на нас?» Это — самое страшное, что может быть в моем положении. Таликов ведь сзади защищен сплошной 12-миллиметровой бронеплитой. А я лежу, словно в фанерном гробу. Если он на изрешеченном самолете и дотянет до аэродрома, то на мне к этому времени живого места не останется... Снова по перегрузке чувствую: закладывает вираж, снова пикирует. Бьют пушки. Судя по характеру маневрирования, не похоже на бой с истребителями. Догадываюсь: он, безрассудный, атакует что-то на земле... Я начинаю злиться на Таликова: пока он здесь кружится, могут появиться «мессеры». Неужели же он забыл обо мне в горячке? Крикнуть бы ему, но он из-за рева двигателя ничего не услышит... Тронуть его за плечо? Невозможно: нас разделяет бронеплита. А Таликов опять пикирует. Я ухватился обеими руками за металлическую трубу, соединяющую штурвал с рулем высоты, и что было сил начал ее раскачивать. От этого задергался самолет и, разумеется, штурвал в руках Таликова. Это, по-видимому, подействовало на него, и он выровнял самолет.

Ровно рокочет двигатель на затяжеленном винте.

Я, прикрывая ладонью глаза, слезящиеся от встречного потока воздуха, осторожно высунул голову из люка, взглянул на землю. Позади, за хвостом самолета,— горящие вражеские танки и машины, чуть дальше — мой дымящийся штурмовик. А почти рядом с ним пылает немецкий бронеавтомобиль. Тот самый, что только что мчался к месту моей вынужденной посадки. Так вот, оказывается, почему пикировал Таликов! Смотрю вверх, в безоблачное небо — выше нас плывет пара «Яков» — наш верный страж.

...С боевого задания вернулись четыре самолета. Летчики доложили: ведущий сбит.

— А Таликов? — спросил их командир.

Все пожимали плечами. Раз не вернулся — значит, тоже сбит. Собирались уже записать: «Девятка» не вернулась с боевого задания». Но минут через пятнадцать Таликов приземлился. Выключен мотор, стало тихо, только звон в ушах. Подбежавший к самолету командир полка громко спросил Таликова, который еще не успел соскочить на землю и стоял на крыле.

— Почему прилетел один, а не вместе с группой?

— Так я же еще садился...

— Где садился? — изумился командир.

— В районе цели...

Больше вопросов не последовало, потому как я уже высунулся из фюзеляжного лючка. Таликов помог мне спуститься на землю. Я заключил его в крепкие объятия. Мы с ним по-братски расцеловались. Нас подхватили десятки рук. Я видел, как мелькали хромовые сапоги Таликова, взлетавшие на высоту лесопосадки.

...Ночью грохотала гроза и небо полыхало синим пламенем. Летчики сбились в землянке, освещенной тусклым светом коптилки. Майор Гудименко сгорбился за своим складным столиком, составлял на Таликова наградной лист. На орден Ленина. Шуршали и попискивали мыши, с крыши сыпался песок. Майор Гудименко часто дул на лист бумаги, старательно выводя крупные буквы.

Прибежал начальник связи Нудженко, весь сияет. Он связался по радио со штабом воздушной армии, оттуда сообщил новый аэродром. Теперь наземному эшелону можно двигаться, а нам, летчикам и техникам, придется ждать до рассвета. Ночью ни взлететь, ни сесть. Кто-то услышал гудение моторов и лязг гусениц. Послали техников в разведку. Оказалось, что это не колхозные трактора, как мы думали, а в километре от аэродрома на восток двигается колонна немецких танков. Рация, полуторка, заправщики тут же уехали, а мы с техниками начали разворачивать штурмовики в сторону лесопосадки, высоко поднимая хвосты и подкладывая под них ящики от боеприпасов: стволы пушек и пулеметов надо направить пониже, чтобы можно было стрелять по наземному противнику. Остаток ночи летчики молча просидели в кабинах. Таликов, как всегда, в своей «девятке».

На рассвете мы взлетели с техниками в фюзеляжах, и я, памятуя свой последний полет, ничуть не завидовал своему пассажиру — механику Сергею Темнову...

Нет, не довелось нам увидеть Таликова с орденом Ленина на груди. Может быть, наградной лист, что составлял майор Гудименко в землянке, в суматохе где-то затерялся, а может быть, и надолго осел в толстых папках штаба. Как бы там ни было, хорошо помнится, что 14 марта сорок третьего года молодой коммунист Михаил Таликов садился в самолет без ордена на гимнастерке. Тогда он повел группу на Темрюк. Вражескую переправу через Кубань летчики разбомбили, но группа вернулась без своего отважного ведущего...

* * *

В далекой Верхней Пышме, Свердловской области, теперь есть школа, ученики которой с гордостью говорят: «Мы — таликовцы». Это их руками посажены деревья на тихой улочке, где все еще стоит деревянный домик. На высоких воротах табличка: «Улица М. Таликова, № 7». Часто туда приходят пионеры к Ивану Григорьевичу и Анне Андреевне Таликовым, тихим старичкам.

А недавно в одну из зим я встретился с Михаилом Таликовым в выставочном зале на Манежной площади в Москве. Я долго стоял у скульптурного портрета Грубе. Обнялись два летчика. Один простоволосый, обессиленный, с прикрытыми глазами и откинутой назад головой. Он заключил в крепкие объятия другого, с девичьим лицом, чуть скуластого, в шлеме, с очками на лбу. На подставке лежал букетик цветов. Я тоже положил на плечо Мише белые хризантемы из Грузии.

А. Лактионов. ПИСЬМО С ФРОНТА.

На развороте вкладки:
П. Кривоногов. ПОБЕДА.

Г. Мелихов. ФРОНТОВАЯ ВЕСНА.

Академик А. М. БУДКЕР,
лауреат Ленинской премии.

...Даже по внешнему виду эти лаборатории Института ядерной физики Сибирского отделения АН СССР резко отличаются от других отделов, где идет строительство гигантского протон-антипротонного ускорителя для исследования вещества и антивещества: лаконичные формы, простые конструкции... Оказывается, это тоже ускорители, но ускорители особые — для нужд промышленности и сельского хозяйства.

— ЧТО ЭТО ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, ПОЧЕМУ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ ЗАНЯЛСЯ ПРОМЫШЛЕННЫМИ УСКОРИТЕЛЯМИ? — ТАКИЕ ВОПРОСЫ СТАЛИ ТЕМОЙ БЕСЕДЫ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА ВАНДЫ БЕЛЕЦКОЙ С ДИРЕКТОРОМ ИНСТИТУТА А. М. БУДКЕРОМ.

Купите ускоритель!

— Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники» укрепило нашу уверенность в том экономическом эксперименте, который мы проводим.

До сих пор ускорители, как правило, делались для исследовательских целей — для изучения строения материи. Однако в проникающей радиации таятся большие практические возможности. Назову некоторые из них.

Свойство частиц преодолевать любые преграды, достигающие иногда нескольких метров толщины, используется в интроскопии, или внутривидении.

На способности частиц высоких энергий возбуждать и разрушать молекулы вещества, что приводит к образованию новых материалов, основана новая перспективная наука — радиационная химия.

Смертоносное действие определенных доз радиации на бактерии и насекомых можно использовать для дезинсекции и дезинфекции зерна, стерилизации медикаментов, консервирования пищевых продуктов, обеззараживания сточных вод и так далее.

Радиационное излучение служит верным помощником врачам и биологам, когда они стремятся стимулировать полезные для жизни процессы в живой клетке и приглушить вредные. Хорошо сфокусированный луч, несущий в себе огромную концентрацию тепловой энергии, можно использовать для резки и плавки металла, бурения горных пород. И, наконец, тут таится решение еще одной интереснейшей проблемы — трансляции энергии на большие расстояния.

В столь широком практическом применении открытого учеными нового явления нет ничего странного. Так бывает всегда. Так было, например, с электричеством. Мог ли Фарадей предположить, что весьма скоро электричество будет использоваться в быту и на транспорте, в медицине и металлургии, для передачи речи и изображения и, наконец, для моделирования процессов, родственных мышлению?

— Радиоактивность открыта десятилетия назад, и уже довольно давно известны радиоактивные изотопы. Почему же только теперь стали говорить о широком применении этого явления в промышленности и сельском хозяйстве!

— Тут существует несколько причин. Во-первых, применение радиоактивных изотопов очень эффективно, если речь идет лишь о небольших дозах облучения. Приборов же (и это вторая причина), представляющих собой мощный, но безопасный в обращении источник дешевой радиации, просто не было. Сейчас они появились.

Но есть еще третья причина, я бы сказал, психологического характера. Существует страх перед радиацией, тень водородной бомбы витает над этой проблемой. Но, право же, никто не откажет себе в удовольствии посидеть у телевизора или побриться электрической бритвой только потому, что существует казнь на электрическом стуле.

Не надо смешивать радиацию с радиоактивностью. Радиоактивные элементы, излучающие радиацию неконтролируемо и непрерывно, чрезвычайно опасны. Сколь-либо заметное их количество в воздухе или воде приводит, попадая в организм человека, к нежелательным последствиям. Ускорители, созданные в нашем институте, дают радиацию только в нужном месте и в нужный момент; в нерабочем состоянии они так же безопасны, как выключенные рентгеновский аппарат или трансформаторная будка. Что касается самих облученных материалов, включая продукты питания, то они не содержат никакой наведенной радиоактивности, пользоваться ими так же безопасно, как держать в руках рентгеновский снимок ваших легких или желудка... Созданные в нашем институте ускорители абсолютно безопасны, дешевы, высокоэффективны и просты в обращении.

— Но как случилось, что именно ваш академический институт, занимающийся, казалось бы, очень далекими от нашей повседневной жизни научными вопросами, стал разрабатывать, по существу, народнохозяйственную проблему! Как отразилось это на вашей основной деятельности!

— Промышленные ускорители родились как побочный продукт при разработке установок для исследования структуры материи и антиматерии. Можно было, конечно, не отрывать людей от решения основной задачи. Но победило естественное для каждого изобретателя стремление полнее использовать результаты своих работ.

Однако не так просто было убедить промышленность взяться за это новое дело. И тогда мы решили сами (создав в институте две новые лаборатории, по существу, при том же штате сотрудников) попробовать не только разработать конструкции таких столь нужных стране ускорителей, но и выпускать их и внедрять в народное хозяйство.

Довольно быстро мы оказались втянутыми в весьма интересный экономический эксперимент в духе нашего времени. И что любопытно: эта деятельность не только не вступила в противоречие с основной работой института, а позволила совсем по-другому поставить вопросы организации и финансирования науки. В институте средства от реализации созданных у себя ускорителей мы пускаем на развитие большой науки. Уже сегодня часть расходов мы покрываем за счет этих средств, что позволяет развивать дело быстрее, динамичнее. Это потребовало развертывания при институте большого опытного производства — мастерских и конструкторских бюро, которые, в свою очередь, сделали наш научный институт, постоянно нуждающийся в сложнейших исследовательских приборах, независимым от промышленности и более мобильным, чем это было до сих пор.

Все большее число лабораторий включается в стиль новой жизни. Мы разрабатываем ускорители для нужд химической промышленности, сельского хозяйства, медицины. Например, для протонной терапии рака, что более эффективно, чем терапия с помощью гамма-лучей.

Я хочу специально остановиться на важнейшей хозяйственной проблеме — дезинсекции зерна. Во всем мире огромное количество зерна, уже собранного в хранилищах, погибает от мелких амбарных насекомых. Между тем облучение зерна при засыпке его в хранилища, дозами во много раз меньшими, чем при консервировании продуктов, полностью прекращает размножение этих вредных насекомых. Я думаю, что стоимость сбереженного таким образом хлеба (только за один год!) будет больше всех расходов на академическую науку.

— Считаете ли вы, что все академические институты должны включиться, говоря вашими словами, «в стиль новой жизни», то есть встать на хозрасчет!

— Ни в коем случае! Ученые не могут становиться рабами своих заказчиков. Бывает, что научный поиск требует десятков лет безрезультатного труда. Большая наука в любой стране, а в нашей, социалистической, особенно, должна финансироваться, как это и делается, за счет общегосударственного бюджета.

Однако разумное варьирование необходимо. Мое утверждение состоит в том, что в тех институтах, где в данный момент сложилась ситуация, обеспечивающая самоокупаемость научных исследований, должна быть юридическая и практическая возможность осуществлять ее на деле. Это будет выгодно для института, чрезвычайно важно для промышленности и полезно для государства в целом.

Проблема, которую мы обсуждаем, носит общегосударственный характер, чрезвычайно важна и затрагивает интересы очень широкой аудитории. Ваш журнал — один из самых популярных и массовых в стране. Я хочу воспользоваться двухмиллионным тиражом «Огонька» как трибуной, чтобы еще и еще раз заявить: необходимо рассеять атмосферу недоверия, связанную с использованием радиации в народном хозяйстве, преодолеть некий психологический барьер. Я хочу, чтобы руководители предприятий и ведомств, инженеры и врачи, геологи и работники пищевой промышленности знали, что пришло время широкого внедрения этого нового явления, что оно сулит огромные выгоды хозяйству нашей страны, большие блага людям.

* * *

Закончить обсуждение этой важной проблемы нам пришлось уже в Москве беседой с представителем одного из тех предприятий, которые приобрели и широко используют у себя ускорители, созданные сибирскими физиками.

— Это был, если можно так сказать, двойной эксперимент, — говорит доктор технических наук, сотрудник НИИ кабельной промышленности Э. Э. Финкель. — Дело в том, что с самого начала, еще с 1967 года, у нашего института наладилось подлинное творческое содружество с сибиряками. Ускоритель еще только создавался, он еще стоял на стенде, а мы уже, приехав в Сибирь, отрабатывали на нем нашу технологию облучения полимерных материалов. И когда сибиряки закончили и полностью отладили свой прибор, у нас был готов и технологический процесс.

Что дает нашему производству ускоритель?

После облучения теплостойкость и надежность изделий из полиэтилена: изоляции, труб — резко повышаются. Само облучение стоит чрезвычайно дешево, как обычная электроэнергия в сети. Кроме того, облученный полиэтилен приобретает такие свойства, что его возможно использовать совсем в новых отраслях промышленности. Пока это не поддается прямому экономическому подсчету, но, безусловно, имеет большое народнохозяйственное значение.

Словом, руководителям тех производств, которые разрабатывают и внедряют у себя радиохимические процессы, я могу посоветовать: купите мощный, удобный в обращении и дешевый источник облучения, купите ускоритель.

Норильск. Улица Ленина. Начало рабочего дня...

Каждый год в Норильске
три тысячи новорожденных.

Выступают «артисты» Дворца культуры комбината.

В. МЕТРЕВЕЛИ

Фото А. ФОМИНА.

Какие они, норильчане?

Норильск открывается взгляду неожиданно... Широкие улицы, окутанные туманом, уходят куда-то вверх, как станции метро, как туннели, пробитые светом в плотной белесой мгле... Круглые сутки сверкают белые интегралы уличных фонарей, и круглые сутки длится полярная ночь.

Идешь по городу, всматриваясь в лица, ловишь случайные фразы и начинаешь понимать, что здешний народ чем-то особенный. Так какие же они, норильчане?

— А давайте представим себе среднестатистического жителя,— предлагает Владимир Иванович Венгеров, заместитель председателя горсовета.— Он приехал сюда из Москвы, Красноярска или Ленинграда семь-восемь лет назад. Ему 31 год — такова статистика. Он хозяин единственного по мощности и условиям работы горно-металлургического комбината. И он знает: без творческого отношения к делу ты здесь не работник.

Проблемы? Они на каждом шагу, большие и маленькие. Хочешь повесить вывеску — изволь рассчитать ветровые нагрузки. Нужно обеспечить магазины товарами — уложись в трехмесячную навигацию да сумей за год предвидеть, на что будет спрос (назад-то не повезешь). «Если делать, то на высшем уровне» — это девиз норильчан. Без малейшей скидки на 69-ю параллель, вечную мерзлоту и длинную полярную ночь.

Да, размах здесь удивительный: сотни тонн взрывчатки поднимают в воздух почти миллион тонн руды. В динамиках звучат голоса: «До взрыва восемь минут... семь... шесть...» А в операторской рудника «Медвежий ручей» буднично кипит чайник, и оператор Валя Пузанова спокойно говорит:

— Вот как полетят сейчас камни, опять все стекла переколотят. До взрыва три минуты — пошли в укрытие.

И полыхнуло! Рыжее пламя рванулось вверх, воздух горячо сдавил барабанные перепонки, а горизонт, пронизанный огнем, будто привстал и завис, клубясь и накреняясь. Зрелище впечатляющее. А Валя смеется:

— Это что, вот когда тысячу тонн рвут!..

Уже темнело, на склонах карьера догорали остатки взрывчатки, когда мы пошли вниз — в центр города, к художникам-прикладникам. Там мы встретились с Юрой Бубновым, москвичом с Красной Пресни. Ему 34 года. 13 лет прожил в Норильске. И полностью акклиматизировался. Смотришь на него и диву даешься: уши шапки-ушанки подняты, пальтишко до колен, ботинки — только в театр ходить. А морозище, несмотря на весну,— сорок, и ветерок дай боже.

Юра знакомит нас со своими работами, работами своих друзей.

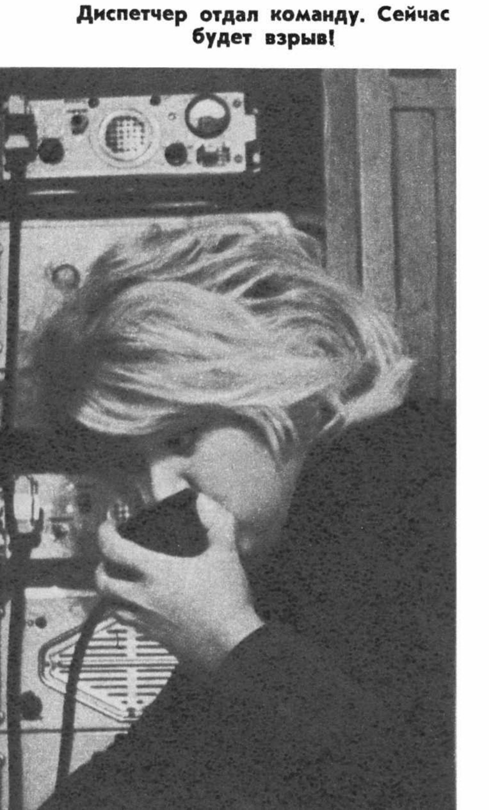
...Пивной зал. Он оформлен действительно здорово. Конечно, сидеть на бочках — это не ново, но каждая из них изобретательно превращена в удобнейшее кресло. Окончательно же нас «добили» столы из спилов диковинного кряжа, история поисков которого в этих безлесных краях — поистине целая эпопея.

Мы могли бы рассказать о многом — о рабочем профилактории «Валек», где коридоры и гостиные похожи на джунгли — заросли бананов и пальм; об отменной вежливости продавцов и о магазинах; о чудесном плавательном бассейне и Дворце культуры, школах, больницах, домах... Но пусть за нас говорят фотографии.

Тут строится дорога...

Диспетчер отдал команду. Сейчас будет взрыв!

Невский лед

Иван КЫЧАКОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

...Придерживая крышку стула, Ульянов встал, сделал несколько дыхательных упражнений и взглянул на столик, где лежала рукопись.

О, эта рукопись!

Сколько радости и огорчений (пока больше огорчений) приносила она!

Каким языком писать — конечно, не «рыбьим», не языком заскорузлого российского стряпчего и не пышным слогом либерала. Конечно, человеческим, простым, ясным, с насмешкой и улыбкой.

Но цензура!

Ничего, ее можно обойти: здесь освещение процессов экономики — таблицы, статистические данные. Пусть чиновнички поломают головы, пусть!

И еще — учиться у Чернышевского: при тогдашней свирепой цензуре он умел насмерть исхлестывать либералов. Так же и здесь — беспощадно лупить всех отступников марксизма, тонко, чтоб комар носу не подточил.

А для этого нужна полемика — острая, убийственная, эмоциональная. И тут ему приходилось чуточку сдерживать себя: эмоции эмоциями, а точность и ясность анализа прежде всего.

И никакой фразеологии! Ни малейшей!

Перечитывая работы своих противников — легальных марксистов — различных мастей праздных мечтателей и самообманщиков, он от души потешался над их фразеологией. На ум то и дело приходили литературные образы — то Нарцисса, то Тартюфа, то Дон-Кихота, нашего болтуна Расплюева, персонажи басен Крылова, образы Гоголя и Щедрина.

Надзиратель не раз удивлялся: что это 193-й сидит, уткнувшись в книжку, и хохочет. А и книжка-то — когда передавал, сам видел — ученая...

Разрядкой служили Надины весточки о работе «Союза», он несколько раз призывал ее настаивать на созыве съезда, она отвечала бодро, но слишком уж неконкретно.

Друзья и родные заботились о нем, как ему казалось, сверх меры. Кто-то, например, принес сюртук, жилет и платок. Все это как лишнее прямо «проследовало» в цейхгауз.

Анюта два раза в неделю — по средам и субботам — приносила книги, целые вороха книг. (Кроме ранее намеченных библиотек, они с Надей доставали книги в библиотеках университета и ученого комитета министерства финансов.)

Получив книги, Ульянов прежде всего искал ту из них, где по условленному значку было письмо — точками или штрихами карандашом, в буквах. Таким образом шла самая оживленная переписка.

Большую услугу оказывали ему присланные Анютой плед и карандаш с графитом, вставляемым в жестяную ручку. Обыкновенные карандаши надо чинить, ножа не полагается, приходится просить надзирателя... А тот...

Впрочем, и надзиратель несколько подобрел.

В новогоднюю ночь, когда Ульянов писал письма молоком, он неожиданно заглянул в фортку и сказал негромко:

— С Новым годом вас...

Ульянов не смог сразу ответить: он с трудом прожевывал «чернильницу», сделанную из мякиша.

Надзиратель смотрел на арестанта сочувственно.

— Приятно кушать...

Ульянов, давясь, проглотил «чернильницу», сказал: «Спасибо!» — а когда форточка захлопнулась, покачал головой и засмеялся: это была четвертая «чернильница» за сегодняшние сутки.

Когда Анюте потребовалось на время уехать, она подыскала брату «невесту».

Свидание это было довольно грустным.

Девушка, стараясь четко выполнять свою роль, называла его Вольдемаром, щебетала что-то о разных разностях, а он смотрел на нее с улыбкой и вспоминал Надю.

...Вот она подошла к решетке и взялась за прутья.

Что бы она сказала?

В большом помещении, наполненном народом — одни стояли по эту, другие по ту сторону решетки,— бродил гул тревожных голосов. И среди них послышался ее голос, Надин.

— Здравствуй... Смотри мне в глаза. Поверни голову налево. Теперь направо. Ты. Это не сон... Тебе очень плохо здесь? В камере темно? Сыро?

Я бы непременно улыбнулся.

— Камера? О чем ты говоришь, Надя? Какая камера?

И, сделав озорной театральный жест, пропел бы фальшиво:

— Никакой камеры нет. Есть мой рабочий кабинет!

— Не шути.

— Буду шутить. Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи,— арестовать меня нельзя.

Здесь она засмеется, но потом вдруг спохватится, нахмурит брови.

— Тебя вызывали на допрос?.. Почему ты молчишь?

— Вызывали... Но я...

Я покручу пальцем левой руки вокруг пальца правой.

— Ясно?

Она опять улыбнется и зачем-то погрозит пальцем.

— Все твои просьбы выполнены. Письма пущены в дело...— И совсем понизит голос:— Текстильщики готовят стачку.

— Ты у них бываешь?

Она опять погрозит пальцем.

— Ты же знаешь, что «наследнице» это запрещено!.. Чем ты занимаешься?

— Выковываю стальную волю.

И когда тень надзирателя удалится, добавлю:

— Пишу книгу и программу партии.

Она вся так и вспыхнет, прижмется к решетке.

Как ей сказать о чемодане? Ага, я скажу по-немецки. Она догадается.

— Как ведет себя герр Кофер?

Она, конечно, догадается. Улыбнувшись, чуть склонит голову и заговорит равнодушно, с оттенком полнейшей неприязни:

— Ну, об этом пресловутом господине Чемоданове я и слышать не хочу. Он вел себя так странно — путал следы, переменил три квартиры, а потом отдал себя на сожжение....— Она не сможет сдержать смеха и уже сквозь смех добавит: —...на алтаре госпожи Сибирцевой.

И от сознания того, что мы так прекрасно поняли друг друга и что дело с этим проклятым чемоданом наконец улажено, мы весело засмеемся...

— Свидание окончено! Прощайтесь...

Вполне реальный голос надзирателя заставил Ульянова вернуться к действительности.

Нади не было. Вместо нее у решетки стояла милая, совсем незнакомая девушка. Кто она? Ах, да, «невеста».

Ульянов улыбнулся.

— Вы совсем не слушаете меня. Правда?

Это произнесла она, незнакомка. Ульянов виновато склонил голову.

— Вы думаете о своем?

— Да...

Он не знал, что сказать. Хотелось лишь одного — не обидеть эту славную незнакомку.

— Простите меня...

— Зачем вы говорите? Я все понимаю.

И уже совсем другим тоном протянула:

— Прощай, дорогой Вольдемар. Я так буду тосковать о тебе...

...Возвращаясь в камеру, Ульянов думал: «Нет ли за Надей слежки? Она, конечно, уверена, что нет... Но ведь я тоже был уверен».

И вот сегодня, когда вели на прогулку, он решил приметить в коридоре окно. Но его не было. И только у последнего поворота, когда сходишь к лестничной площадке, увидел узкую оконную щель.

Замедлив шаги, заглянул в заштрихованное грязью стекло. На несколько секунд мелькнул уголок Шпалерной улицы и какая-то фигурка — не то старушка в салопе, не то нищий с узелком.

Надзиратель ткнулся в спину и тихо чертыхнулся.

Ульянов не замечал его свирепых взглядов — уголок улицы все еще стоял в глазах.

Тюремный двор встретил холодным ветром и сыростью. Серые облака плыли низко над городом, мостовая двора, присыпанная снежком, была расчерчена узкими полосками тропинок.

Подошли к сооружению в виде звезды из досок выше человеческого роста. Каждый арестант ходит в своем углу, образуемом сходящимися у основания дощатыми стенками. (Ульянов называл эти углы «шпацирен-стойлами».)

Продолжение. См. «Огонек» №№ 16—18.

Итак, опять стены и опять несколько шагов в ширину и пять в длину. Лишь с одной стороны виден двор. Ульянов вспомнил: именно здесь произошло столкновение Трепова с заключенным Боголюбовым, окончившееся таким оглушительным, прогремевшим на всю Россию выстрелом Веры Засулич.

Что-то заставило его остановиться. Ах, да, окно в коридоре!

«Вот если бы Надя встала на это место, я смог бы ее увидеть... Надо ей написать».

Подумал, покачал головой и усмехнулся.

«Мечтатель... Она будет стоять на Шпалерной, а меня не поведут по коридору. Проклятье, она ходит здесь, рядом, а я даже увидеть ее не могу!»

Он начал шагать, широко, плавно разводя руки в стороны.

«Удастся ли ей поездка в Киев? Договорится ли она о создании газеты и подготовке съезда?»

За деревянной стенкой возник шорох: кто-то, очевидно, щепочкой царапал узенькую щелку. Ульянов прислонился к доскам, прислушался. Послышался приглушенный кашель. «Неужели Ванеев?» — подумал Ульянов и тотчас спросил:

— Толя?

— Да, да, слушаю.

— Почему ты кашляешь? Ты болен?

— Чуток простудился...

Ванеев явно торопился сказать главное:

— У меня взяли статьи для газеты.

Ульянов сморщился, как от зубной боли, провел ладонью по щеке.

Да, конечно, это ужасно. Статьи переписаны рукой Запорожца и... Но раздумывать некогда. Надо что-то сказать, немедленно сказать.

— На допросе был?

— Да.

— Уговор помнишь?

— Еще бы...

Голос Ванеева звучал бодро, и это успокоило.

— Завтра жди письма. Ясно?

Но тут надзиратель с посиневшим от холода лицом (он стоял на вышке, поднятой над внутренним кругом, и его крепко продувало) смешно замахал руками и, подражая кому-то из начальства, закричал:

— Отставить! За нарушение правил лишаю прогулки! По камерам — марш!

Проходя мимо окна в коридоре, Ульянов снова подумал о Наде — срочно нужны книги, но не только те, для работы...

В камере он сразу же сел за письмо.

В легком, чуточку шутливом тоне писал о своем тюремном житье-бытье. Но это для отвода глаз, а главное — между строк — молоком.

Анюта регистрирует книги в журнале...

А что, если приходить попозже, когда чиновники уже разошлись и лишь у дверей маячит сонная фигура сторожа, и вписывать в журнал книги для друзей? Тогда можно переписываться. Точками. Просто и безопасно. С Глебом, например, можно подискутировать об «отрезках»: стоять ли за то, чтобы отдать крестьянам земли, отрезанные в год «воли». С Мартовым дотолковаться об отношении к Польской социалистической партии. И непременно написать письмецо Запорожцу: у него в столице нет родных, как он, что с ним?

...Ульянов перечитал свое вполне невинное письмо, оглянулся и начал из кусочка мякиша лепить «чернильницу».

* * *

Когда надзиратель просунул в форточку книгу в черном переплете, Запорожец подумал, что это библия или евангелие, и, недовольно замахав рукой, сказал раздраженно:

— Не надо! Ничего мне не надо!

— На тебя записано. Велено передать, — пробасил надзиратель, и книга тяжело шлепнулась на пол и раскрылась.

«Что бы это значило?» — подумал Петр, с опаской посматривая на неожиданную гостью.

Запорожец встал на одно колено, осторожно взял книгу, погладил большой ладонью переплет.

Это был переводной роман с французского, из тех, которыми зачитываются кисейные барышни.

«Кавалькада блестящих всадников скакала по живописной горной дороге», — прочел он и чертыхнулся.

Он уже хотел швырнуть эту «кавалькаду» в угол, но задержал руку.

«Что это со мной — не могу понять самых простых вещей?! Это же письмо. Конечно, письмо. Надо только найти условный значок».

Он начал не спеша рассматривать книгу.

Наконец на титульном листе в одной из завитушек виньетки увидел написанную карандашом цифру «2». Внизу, возле слов «типолитография», ясно различил цифру «4», а над фигурной линейкой, открывающей первую главу, — цифру «3».

«Двести сорок третья страница. Интересно, не ошибся ли я?»

Он не ошибся.

Именно на этой странице были поставлены под нужными буквами едва заметные точки.

Когда изучали этот простой и довольно надежный способ переписки, Петр посмеивался: ему эта затея казалась довольно пустячной.

Но здесь, в камере, произошло чудо: книга заговорила.

И не голосом неведомой французской красотки, переживающей муки неразделенной любви, а языком друзей — близких и родных.

Буквочки сложились в слова. И вот уже готова первая строчка:

«Привет от друзей».

У Петра даже слегка закружилась голова. Ребята шлют привет! Они помнят его, беспокоятся, думают о нем...

— Здравствуйте, хлопцы! Вы-то как живете?

«Арестованы многие».

Эту строчку Запорожец прочел мимоходом и тут же начал выискивать следующие буквы.

«На допросах все отрицай».

— Ну, конечно, а как же иначе! Чудаки!

Они думают, что я дам себя запутать! А черта лысого не видели?

«Союз жив. Готовится большая стачка. О ней ты скоро узнаешь».

Запорожец оторвался от книги и начал радостно бегать по камере.

— Господи, да неужели все это не сон? Неужели это правда?

Он остановился, потрогал рукой холодную стену, посмотрел на дверь, на кровать, перевел взгляд на столик. На нем лежала раскрытая книга.

Он снова подошел к столику.

— Нет, все правильно. Страница 243. И точки. Мелкие. Едва видимые. Но живые, говорящие точки!

«Я арестован в ночь на девятое».

— «Я»? Но кто этот «я»?

«Подбираю материалы для книги. Обдумываю проект программы».

Запорожец вскинул голову.

— Старик! Конечно же, это он, Николай Петрович, Федор Петрович, Петров, Тулин, мой самый-самый лучший друг... Значит, он где-то здесь, рядом?! И работает. Сидит над книгами. Пишет. Думает... И обо мне думает!

«Чем занят? Как здоровье?»

— Я? Я... что ж, живу. Здоров, кажется. Но чем же я занят? Черт ее побери, сразу и не ответишь... Надо подумать.

«Скоро жди...»

И тут у Петра дрогнула рука, дыхание оборвалось, и горячая кровь залила щеки, лоб, подбородок, шею.

Он явственно прочитал: «н-е-в-е-с-т-у».

— Жди невесту? Не может быть! У меня нет в городе родных. Нет никакой невесты. Неужели он узнал?.. Да нет, я просто прочел не то слово.

И он снова начал складывать буквы.

И снова начало выходить: «н-е-в-е...»

А дальше?

Он прочел строчку из книги: «Граф увидел скромно одетую женщину».

В слове «скромно» точка стоит под буквой «с». В слове «одетую» — сразу две точки — под «т» и под «у». НЕВЕСТУ!

Теперь матовая бледность покрыла его лоб и щеки.

Руки мелко дрожали, и, чтобы унять эту, как ему казалось, стыдную дрожь, он начал сжимать и разжимать кулаки.

— Значит, ждать невесту?

И он тут же прибавил:

— Скромно одетую женщину... Черт побери, как ловко все совпало! Даже эта строчка из книги. Конечно же, она будет одета скромно. Невеста, моя невеста...

Он уткнулся головой в подушку, чувствуя, как жар льется от шеи к ушам, заливает виски и лоб.

И вот все, что он эти дни так настойчиво силился вспомнить, вдруг предстало перед ним, как наяву.

...Итак, она уходила от него, туда, к дальним колоннам.

Чья-то осторожная рука тронула за плечо.

Это была Зина.

— Покраснел! — Она шутливо приблизилась, стараясь дотянуться носом до его бороды. — Ну, конечно, покраснел!.. Это моя знакомая, Ветрова. Хочешь, познакомлю?

— Что ты! — испугался Петр. — Зачем? И потом — с чего ты взяла?

— У-у-у!.. — протянула Зина, сделав губки трубочкой. — Такой большой и такой робкий.

Она повернулась, в толпе нашла глазами незнакомку и помахала ей рукой. Петр нарочно отвернулся, стараясь казаться равнодушным. А Зина зачем-то тормошила его рукав и шептала:

— Она из группы Лахтинской типографии. Симпатичная, правда?

Так вот что — значит, она из тех, кто взялся печатать нашу газету! Ванеев говорил, что эта группа — осколок народовольцев, переживающих период смятения и разброда. Интересно узнать: чем же дышат эти теперешние народовольцы?

Все остальное происходило в каком-то тумане.

Зина представила его незнакомке, та, кажется, что-то сказала, кажется, посмотрела на него с вниманием. Потом Зина исчезла, а они стояли, нет, сидели в пустом киоске (как раз оказалось два стула), и Ветрова, поставив локоть на барьер, ладонью тихонько сжимала голову.

Она говорила с ним (он это сразу почувствовал) как-то несерьезно — так разговаривают женщины с чужим ребенком: задают вопросы, слушают, улыбаются, а сами думают о чем-то своем.

— Вас зовут Петр?

— Да.

— Вы технолог?

— Угадали.

— И еще я знаю: вы Гуцул.

Запорожец нахмурился — откуда она знает его кличку?

Она заметила это легкое движение его бровей.

— Я хотела сказать, что вы украинец. Да?

Он мотнул головой.

Она улыбнулась как-то загадочно, почти лукаво.

— Я тоже хохлушка.

Он посмотрел на нее с недоверием.

— Я подумал, что вы... — Он хотел сказать: северянка, — но осекся. Ему показалось, что она может обидеться и уйдет. И ничего не останется, ничего. Торопясь унять свое смятение, он спросил почти равнодушно:

— А вас как зовут?

Она засмеялась — смех был тихим и искренним.

— Какой вы рассеянный! Я говорила...

«Неужели она действительно говорила свое имя? Черт побери, почему же я не расслышал и не запомнил?»

— Меня зовут... — Она сделала паузу и докончила подчеркнуто просто: — Мария.

Угадал! Господи, как все странно, необыкновенно, просто чудо какое-то! Тогда он сразу подумал: «Ее зовут Мария». И вот не ошибся. Припомнился Пушкин:

...В Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.
Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной.

— Почему вы так растерялись? У вас была знакомая, которую тоже так звали? Угадала?

— Н-нет... — сказал он после паузы. — У меня мать... Так зовут мою маму.

— Маму... — с ноткой скрытой зависти протянула она. — А у меня не было мамы. И отца не было.

Она сказала это и, кажется, тотчас пожалела, что сказала, отвернулась равнодушно и снова потеряла виски руками.

— У вас болит голова?

— Немного...

А потом началась какая-то сумятица.

Подошел Толя, едва кивнул Ветровой и быстро шепнул:

— Надо уходить. За нами следят.

Запорожец встал.

«Что же сказать ей? Как объяснить свой уход?»

Но она сама догадалась и тоже встала.

— Пора по домам.

— Позвольте, я вас провожу.

— Нет, спасибо. Я с подругой.

И, ни слова больше не говоря, прошла мимо него, прямая и строгая.

«Ну вот и все...» — с отчаянием подумал он, окидывая невидящим взглядом шумный зал.

Мимо быстро прошел Старик и едва заметно кивнул ему.

Да, надо уходить. Уже третий час. Завтра еще столько дел. Завтра...

Он так и не додумал, что будет завтра, вышел из киоска и пошел, сам не зная почему (может быть, он хотел оттянуть время?), в другой конец зала, туда, где гремели оркестранты.

Его довольно бесцеремонно толкали, кто-то даже наступил на ногу, а он шел — без улыбки, без мысли, прямой и строгий.

В гардеробе, в одном из зеркал, он увидел за спиной лицо. Так, самое невзрачное, неприметное лицо с равнодушным взглядом.

Он быстро надел свою шинель и форменную фуражку, обогнул одну колонну, другую, у дверей, ведущих в вестибюль, задержался.

ТОТ стоял у последней колонны спиной к нему.

...Запорожец вскочил — форточка с треском раскрылась, надзиратель просовывал какие-то кульки и пакеты.

«Неужели передача? Мне? Не может быть».

Но передача была действительно ему: свежий калач, чай, сахар, толстые круглые ломтики аппетитно пахнущей краковской колбасы.

«Это она, конечно, она... Кто же другой знает, что я люблю именно эти калачи, а колбасу режу именно такими толстыми ломтиками!»

Зажмурившись, он погрузил зубы в хрустящую корочку калача и сразу ощутил ни с чем не сравнимый вкус пропеченного, благодатного хлеба. Он присел на краешек кровати, откусывал то от калача, то от ломтика колбасы и жевал, покачивая головой и смеясь.

Но вдруг он испугался, что так легко нахлынувшие воспоминания оборвутся, перестал есть, сложил кульки на полке слева от двери, лег на спину и прикрыл ладонью глаза.

...Подъезд был освещен слабо, и Запорожец, не задерживаясь, нырнул в темноту улицы. На прихваченной морозцем панели гулко отпечатывались шаги. Надо было сойти на мостовую, где неровно блестел непритоптанный снежок. Шел быстро, не оглядываясь. Наискосок перешел улицу и остановился перевести дух.

Тень ТОГО, ждавшего в гардеробе, была отчетливо видна слева, за узкой и длинной тенью уличного фонаря.

«Слежка. Еще не хватало...»

Вообще он уже успел привыкнуть к представителям охранки, научился почти безошибочно узнавать их в толпе, опасная игра в «попробуй догони» иногда забавляла его, но сейчас он, чувствуя во всем теле усталость, хотел одного — поскорее избавиться от филера.

Чтобы не водить его за собой много кварталов, решил притаиться в первом же подъезде.

Филер прошел мимо.

Петр переждал с минуту и пошел в обратном направлении, но, кажется, поспешил: топот ног за спиной нарастал, «ангел-хранитель» буквально настигал его.

«А что, если сейчас повернуться и трахнуть ему по роже?! Так вот просто взять и трахнуть!»

Но такого удовольствия позволить себе, конечно, нельзя.

Проходных ворот в этом районе Петр не знал, сунулся в одни ворота, в другие — они оказались на запоре. Наконец, через железную калитку удалось вскочить под арку. Он побежал по ней у самой стены, повернул направо и наткнулся на что-то похожее на высокий ящик.

И тут чья-то рука остановила его и притянула. Он очутился в углублении, за ящиком, прижатый чьей-то фигурой.

Было слышно, как филер протопал под аркой.

Вот звуки оборвались...

Очевидно, маленькими шажками он ходил по двору, настороженно прислушиваясь, топтался у входных дверей, не решаясь войти, ждал, когда в темных окнах зажжется свет. Уверившись в неудаче, сплюнул и нехотя пошел к воротам.

Взвизгнула, а потом стукнула железная дверца ворот, и все стихло.

— Можно выходить...

Запорожец, чуть повернувшись, нагнулся — ему хотелось поближе рассмотреть прижавшегося к нему человека.

— Идемте.

Но Запорожец стоял, не в силах двинуться.

Перед ним была Мария.

Он ясно видел ее лицо, белевшее в темноте.

— Что же вы? Идемте.

На ней было длинное пальто в талию со

стоячим воротничком и невысокая шляпка без полей. В черном своем одеянии она была похожа сейчас на молодую монахиню.

Потом они поднимались по какой-то узкой и темной лестнице. Петр запнулся и чуть не толкнул Марию. Тихонько скрипели двери, гнулись половицы.

Наконец она сказала:

— Садитесь...

Он опустился на что-то, кажется, это был венский стул.

— Сейчас я зажгу свечку.

В ее голосе прозвучала домовитость. И Запорожец понял, что они у нее в комнате.

Вот и скажите после этого, что в наши дни не бывает сказочных ночей!

— Но как, как вы очутились во дворе? Не понимаю, не понимаю...— несколько раз на разные лады произнес Петр, пока Мария ставила на стол тарелки с ужином.

— Кушайте, синьор,— сказала она, садясь напротив.— Ешьте, что бог послал. И верьте, что на свете существует господин Случай.

Ах, этот добренький дедушка бог! Он сегодня был к Петру особенно ласков. А господин Случай подвернулся как всегда вовремя — просто Мария заметила филера раньше, чем Петр, и шла сзади, тем более что квартира рядом.

Петр был благодарен всему: и этой студенческой комнатушке с двумя железными кроватями («Подружка уехала к родным»), и свечке, бросавшей на лицо Марии желтоватые блики, и даже филеру, который погнался за ним именно по этой дороге.

— Хотите вздремнуть?

— Нет, нет,— встрепенулся Петр.

Она посмотрела на него с улыбкой.

— Не надо меня бояться. Я ведь помню, как вы нахмурились, когда я сказала о Гуцуле... О вашей группе я знаю почти все.

— Зина?

— И не только она.

Ветрова нагнулась, выдвинула из-под кровати широкую корзину, отодвинула в сторону стопку белья, и Петр увидел...

Впрочем, он не поверил своим глазам.

— Можно? — Он посмотрел на нее с надеждой.

— Прошу, синьор!

Так вот они, «Летучие листки группы народовольцев» — брошюры журнального формата в двенадцать страниц, набор — корпус плотный в два столбца.

«Довольно! — прочел он.— Дышать становится все тяжелее».

Перелистнул страницу.

«Письма из Акатуя». «Я приехал в Акатуй недавно...»

А вот стихи «Родина».

За что любить тебя? Какая ты нам мать?
Когда и мачеха бесчеловечно злая
Не станет пасынков с такою злобой гнать,
Как ты детей своих казнишь не уставая!

Статья о современном положении, «Ораторский дебют Николая II», статья «Что же дальше?».

Роясь в объемистой стопке, увидел заголовок «О штрафах», быстро взял в руки тоненькое, аккуратное издание.

Да, ничего не скажешь, издано отлично. Полностью брошюра озаглавлена «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», но слово «о штрафах» выделено ярким, броским шрифтом. Простая и в то же время красивая линейка. А ниже: «Херсон. Типография К. Н. Субботина, Екатерининская улица, дом Калинина».

Петр громко рассмеялся.

Так вот где находится этот «Херсон»!

Ну и молодцы, придумали неплохо.

Запорожец любовно полистал брошюру. «Видел ли ее Старик? Вот бы обрадовался. Помнится, читали ее в рукописи у Нади, долго обсуждали... Значит, скоро вот так же я буду держать в руках первый номер нашей газеты. Неужели это будет?»

— Да-а...— протянул он, не находя слов, и тут же распрямился.— Но почему вы храните это здесь, в корзине?

— Завтра...— кивнув головой, она поправилась,— сегодня все это отправим в Харьков. Ну, что же вы молчите? Впрочем, я знаю, о чем вы молчите. Сказать?

И она сказала именно то, о чем думал Запорожец.

— Вы ведь не признаете террора?

Запорожец кивнул.

— Мы тоже. Да, да, не смотрите с таким недоверием. Это уже в прошлом. Наша ближайшая задача — образовать партию.

Петр не смог сдержать улыбки.

— Значит, партию. Любопытно. Но какую? Чтобы иметь партию, надо прежде всего иметь программу.

— Ну-у,— замялась она,— четкой программы у нас еще нет. Но ясно одно: мы должны организоваться.

— А как, как организоваться?

— Пропагандируя и непременно агитируя во всех слоях населения.

Фраза прозвучала слишком книжно. Но Запорожец, стараясь не обидеть, не отпугнуть ее, даже не улыбнулся. Он по своему опыту знал, как нелегко в чащобе найти тропинку, иной попутчик заведет в болото — и не заметишь. Кажется, и она в чащобе — идет за кем-то, а куда, и сама не знает.

— Что же пропагандировать? — спросил он осторожно.

— Как что? Наши идеи.

Из ее сбивчивых речей он понял, что в голове у нее туман, Маркса она знает слабо и совсем плохо представляет, что такое настоящая партия. Но это ничуть не огорчило его: ведь до встречи с Ульяновым и Глебом у него самого была в голове вот такая же сумятица и неразбериха.

— Вы давно в группе?

— Нет, всего несколько месяцев.

«Значит, она еще совсем птенец. Это уже хорошо. Выбить народовольческие представления будет не так уж трудно».

— У нас очень хороша рабочая группа.

Запорожец удивленно поднял брови.

— Рабочая группа? Вот как! Значит, есть и такая?

— Нет,— смутилась Ветрова,— я не так выразилась. У нас есть рабочие и интеллигенты. Из рабочих особенно хороши два брата — Гриша и Михаил. Что это за прелесть, и сказать не могу...

— А интеллигенты?

— Отвечать?

Теперь смутился Запорожец.

«Расспрашиваю ее, как на допросе».

— Нет, нет, пожалуйста, не отвечайте.

Оба засмеялись. Потом долго молчали. Петру даже показалось, что пора уходить. Но тут вновь заговорила Мария:

— Мы напечатали много интересного — «Царь-голод», «Рабочий день», «Ткачей» Гауптмана, но...— она виновато улыбнулась,— литературная группа наша слаба...— И добавила: — Не то что ваша.

— А наших вы читали?

— Да. «Что такое «друзья народа»...».

— И как находите?

— По-моему, очень здорово. Я, например, полностью согласна.

Запорожец не удержался и опять спросил:

— А другие?

— Вы ведь знаете, люди все такие разные... Но к террору, как бы ни настаивала Прейс, мы не вернемся.

— Екатерину Прейс я немного знаю,— сказал Петр.— Это бывшая слушательница высших женских курсов?

— Да. Ее знают все ваши девушки.

«Так вот что! Значит, Мария знакома не только с Зинкой?! О эти хитроумные конспираторы в юбках! Давно знают Марию и не могли познакомить меня с ней раньше».

— В группу,— продолжала Ветрова спокойно,— меня ввела Люба Ергина, моя самая-самая добрая подружка. Но чувствую, что это еще не то... Вернее, не совсем то,— быстро поправилась она.— Надо сделать что-то очень важное.

«Ах, Ергина? — опять подумал Запорожец.— Это, кажется, жена Александра Ергина. А он через Ванеева пытался установить связь с «Союзом». Ну что ж,— заключил он с удовольствием,— возможно, это ВАЖНОЕ уже произошло».

— Ну, что же вы так...— с укором проговорила Мария,— все расспрашиваете, а сами ничего не говорите?

— О чем же?

— Ну, хотя бы о себе...

И тут с ним произошло необыкновенное. Всегда такой застенчивый, он ужасно разговорился, рассказывал о своем отце, о польском магнате графе Браницком, у которого отец отбывал панщину, о восстании крестьян, о своей жизни с отцом в Ишимской ссылке.

Когда он умолкал, Мария вся подавалась вперед и просила:

— Продолжайте, пожалуйста, продолжайте...

И Петр снова загорался.

В одном месте он даже перешел на декламацию и довольно звучно прочел несколько стихотворений Тараса Шевченко.

Теперь, вспоминая об этом, Запорожец краснел и недовольно хмыкал.

Потом... потом договорились о встрече, и он ушел, совсем не чувствуя усталости от этой такой необыкновенной бессонной ночи.

Продолжение следует.

С самой пристрастной любовью

Иван ДРОЗДОВ

На сцене некоторых театров, на экранах кино и телевизоров ныне появился скептически настроенный молодой рабочий, одетый хотя и модно, но не с иголочки, причесанный кое-как, но тоже по моде. Он слишком умен и небрежен, чтобы придавать значение внешнему виду. Каждым жестом он демонстрирует принадлежность к атомному веку — эпохе кибернетических роботов и сверхзвуковых скоростей.

Посмотришь иногда на такого героя, послушаешь его речи и придешь к невеселому заключению: парень этот вышел не из реальной жизни, порожден тенденциозностью некоторых литераторов и режиссеров, сосредоточивших свое внимание на той незначительной части молодежи, которая откровенно склонна к легкомысленному скептицизму, социальному эгоизму, к громкой «левой» фразе. Только им одним ясно, что мир устроен не так, как бы они желали, и потому не может быть ими принят. Это одна из разновидностей героев так называемой исповедальной прозы, но только подновленных, притянутых за уши к заводу и расцвеченных красками экрана. Породившим его на свет божий фактически нет дела до подлинного образа рабочего. Отцы литературных и сценических персонажей постоянно «обтесывают» излюбленное детище, пытаются увести его из-под огня критики и для этого надевают на него то маску физика, то маску рабочего; они даже могут послать его на Усть-Илим или на острова в северном море. Смелости в этом смысле им, как говорится, не занимать. И мы, пожалуй, не удивимся, если завтра наиболее дерзкие из литературных отцов нарядят своего героя в космический скафандр и пошлют открывать звездные миры.

Впрочем, почему завтра?.. Братья Борис и Аркадий Стругацкие уже «порадовали» читателей книгой, в которой, правда, битлсы не покоряют космос, но в делах участвуют вполне космических...

Но вот начинаешь читать — все та же старая песня: молодой человек брюзжит и кривляется, он не видит в жизни никаких просветов, ему некуда и незачем стремиться, и прочее и прочее. Одним словом, старенький набор расхожих идеек, порядком приевшихся и, как показывает время, бесплодных.

До черноты сгущены краски в повести «Второе нашествие марсиан». Тут что ни человек, то гнусность. Не трус, так пьяница, не пьяница, так блудник. И делают они одни только гадости. Дочь Артемида прелюбодействует на глазах у отца Аполлона, зять Харон — пьяница и болтун, полицейский — осел Пандарей...

Особенно потешаются авторы по поводу патриотизма и воинских доблестей своих героев. «Этот Полифем жить не может без патриотизма. Без ноги он жить может, а вот без патриотизма у него не получается». А когда на Землю напали марсиане, тут случилось такое, что и описать нельзя. Люд земной превратился в толпу обезумевших, а Полифем взобрался на скамейку и возопил о всеобщем предательстве...

В предисловии к повести сказано, что «...события происходят в стране без названия». Однако любимые народом «страны без названия» словечки да пословицы проливают кое-какой свет: «Не наводи тень на ясный день», «Лес рубят — щепки летят». Кур называют «пеструшками», распутников — «кобелями» и т. д.

Итак, вальяжный парень на фоне современного советского завода, наконец, эти паяцы, козыряющие русскими пословицами... К счастью, в последнее время простаков становится все меньше; обостряющаяся борьба на идеологическом фронте снимает иллюзии с самых благодушных, настораживает и тех, кто по лености своего ума или незнанию ставил знак равенства между идейной борьбой и схваткой с ветряными мельницами, полагая, что в нашем обществе давно исчезли все идейные разногласия, нет для них ни почвы, ни причин, а следовательно, и нечего уподобляться Дон-Кихотам и атаковать ветряные мельницы.

Враги социализма не хотят, не могут до зубовного скрежета признать наших побед в создании нового человека, ибо признать это — значит признать преимущества идеологии рабочего класса, подписать себе смертный приговор. Поэтому все свои средства в настоящее время они направили на развенчание главной движущей силы современного общества — рабочего класса. Теоретики, состоящие на службе у денежного мешка, объявили процесс «депролетаризации». Они утверждают: рабочего класса как такового ныне нет, он «растворился», он теперь играет в обществе исполнительскую роль, а ведущая переходит к инженерии, к ученым, людям интеллектуального труда.

...Как говорили в старину, представлять читателю верные и поучительные картины жизни — смысл и задача искусства вообще и литературы в частности. Книги только тогда выполняют почетную функцию «памяти народа», когда они верно зафиксировали эпоху, отразили строй ее духовного и материального бытия.

Книга братьев Стругацких выполняет роль противоположную. Но, может быть, она исключение? Может быть, произвол писателей в какой-то мере объясняется жанром фантастики?..

Откроем другую книгу, что называется, вполне земную: «Аптекарский остров» А. Битова. Выпущена она в прошлом году в Ленинграде. И тут увидим, что братья Стругацкие не одиноки. Они изображают плохих людей — просто людей! — а вот А. Битов в книге «Аптекарский остров» стремится «приземлить» своих героев. Персонажи Битова трудятся. Виктор из рассказа «Бездельник» рассуждает:

«С сегодняшнего дня я посвящу себя... Чему??? Я буду не спать четыре ночи, и я придумаю новую машину, и она сама собой устранит все те нудные переделки, которые мне надо сделать, а какие—даже не расслышал. Потом я разоблачу этого руководителя, я раскрою всем глаза».

Или вот еще «откровение»:

«Кончится испытательный срок, не справлюсь — ну, и слава богу. Хоть видеть тебя не буду. А когда меня уволят, я превращусь в невидимку. Невидимый, я пройду через ваше бюро пропусков без всякого пропуска. Наконец-то никто не будет меня сличать с документом: я ли это? Я буду на этот раз точно я, и я пройду сам, свободно. Я пройду, вскрою все сейфы, сожгу все личные дела, все сугубо секретное перенесу в бухгалтерию, а бухгалтерские книги положу в секретные сейфы, вызову по телефону руководителя к директору, а директора—в управление, тогда я включу радиоузел и буду пускать самые веселые пластинки и объявлю всеобщие танцы...»

Таковы думы битовского героя. Между тем Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», выпустившее книгу, в кратком вступлении предпослало ей такие слова: «Прозе А. Битова свойствен глубокий анализ душевной жизни героев, острая постановка морально-этических проблем, высокая нравственность мысли».

К сожалению, это далеко не так. В книге «Аптекарский остров» все герои на один лад, все они неудачники, горемыки, но притом непременно выдаются за людей умнее и лучше других. В ней нет живой рабочей среды, нет зримой и конкретной обстановки, среди которой живет и действует человек. А без детального, конкретного рабочего мира нет и не может быть литературы о рабочем классе. Творческий метод, по которому чертится схема «обиженного», раздраженного человека, не предполагает глубокого проникновения в сферу созидательного труда. Труд — это жизнь, люди, многоликая, многокрасочная картина созидания, борьбы, порыва, вдохновения. Тут противоборствуют, сшибаются страсти сильных и смелых, тут ритм нашей жизни и нашего движения, дух и плоть эпохи. А скептику не нужна борьба. Ему нужен повод для брюзжания, нужно, так сказать, самоутвердиться за счет других. Но, повторяю, поистине велика дистанция, отделяющая подобного литературного героя от подлинного молодого современника, с которым мы работаем, живем, неизгладимый след деятельности которого наблюдаем всюду.

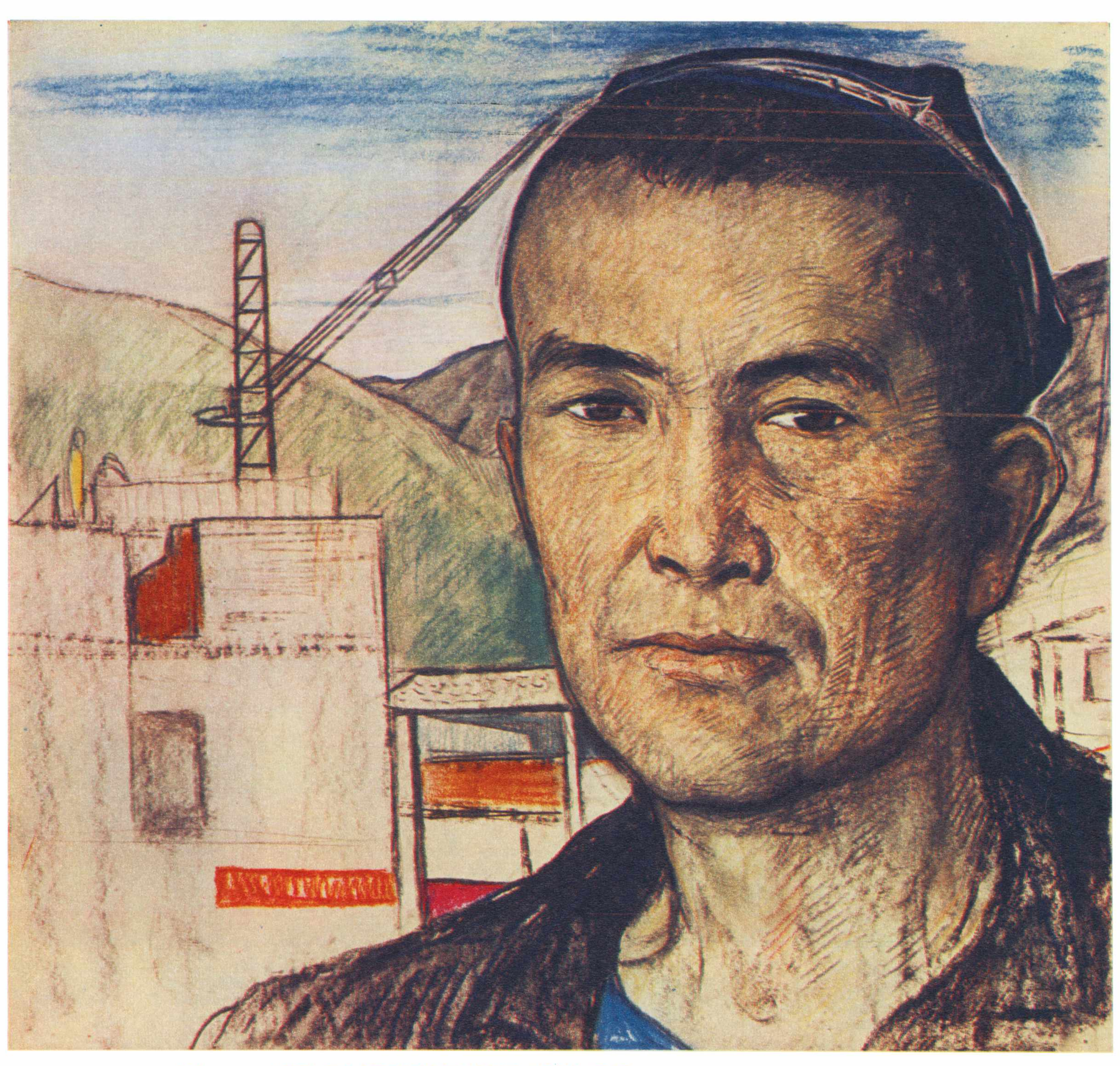
Циник, мученик, скептик... То в книге, то на экране, то на сцене. Он уже порядком надоел всем, пора бы и бросить его. Но, к сожалению, иные критики и публицисты пытаются теоретизировать по этому поводу, как бы закладывают фундамент необходи-

Художник Илья Глазунов побывал в Таджикистане. Героями его зарисовок стали строители ударной комсомольской Нурекской ГЭС.

Мы публикуем два рисунка из этой серии.

И. Глазунов. МАШИНИСТ-ЭКСКАВАТОРЩИК НИСОР НИГМАТОВ.

И. Глазунов. БРИГАДИР СТРОИТЕЛЕЙ АБДУХАМЕД НАБИЕВ.

мости под само существование «безвинного мученика». Так, журнал «Юность» (№ 11, 1968 год) публикует статью Аллы Гербер «Фанатики жизни». Автор пишет: «В жизни есть трудности, и к ним надо быть готовым». Верная эта мысль как бы проскальзывает мимолетно, а весь строй рассуждений, все доводы статьи сводятся к странному утверждению: трудно, невыносимо трудно в наше время начинать трудовую жизнь молодому человеку. Автор рассказывает, как однажды к ней подошел десятиклассник и сказал: «Вот вы вроде пишете о молодых и в самом деле хотите научить нас жить. А если я сейчас спрошу вас: как мне жить?.. Я хочу вам сказать, что мне шестнадцать. В этом году — в институт... А у меня такое ощущение, как будто взяли меня, взболтали, и все во мне смешалось, сместилось куда-то, все рассыпается!»

Алла Гербер услышала в этом вопросе зов нашего подрастающего поколения и решила повести с ним задушевный разговор о выборе профессии, о труде.

Ну вот, к примеру, врач. Ох, какая это ужасная профессия! Не верите? И Алла Гербер убеждает: «Работа с клизмами, дурными запахами, гнилыми зубами, колитами, гастритами, мокротами, рвотами. Это необходимость, жестокая необходимость каждый день слышать про боли и страдания. Видеть их. Ненавидеть их. И бороться с ними, чтобы хоть на время, на год, на день вернуть человека к здоровой жизни».

Но, может быть, это врачам так тяжко? Может, другим легче?.. Например, инженерам? Алла Гербер и тут находит много ужасного. Устами другого страждущего лица — теперь уже десятиклассницы — она говорит:

— Я бы, может, и в технический пошла. У меня, знаете, и по физике и по математике пятерки, но какая же каторжная ждет меня там жизнь! Ученым я все равно не буду — это точно. А вкалывать где-нибудь на заводе, сами понимаете, не великое счастье».

Но постойте: не все потеряно. Есть еще рабочий класс. Может быть, рабочему у станка живется веселее?..

В конце статьи Алла Гербер скороговоркой говорит о молодом технике, но и его жизнь, оказывается, не мед. «Он был техником-инструментальщиком и попал на завод... Прошло два месяца, и Витя затосковал. Он писал грустные письма. Он сам не знал, что с ним происходит».

А дальше следуют описания тягот заводской жизни (их и сравнить не с чем!). И всюду пестрят слова: «мучиться», «вкалывать»... фразы: «выдержишь ли ты ее повседневность», «не согнешься под тяжестью ее понедельников»...

Остается выяснить: журналистам так ли тоже плохо? Алла Гербер с некоторым кокетством говорит о своем родном деле. «Иногда с такой тоской подъезжаешь к аэродрому, что только об одном и думаешь: хоть бы не полететь. Ну, пусть завтра, через неделю, только не сегодня... А гостиницы! Когда сутками молчит телефон, и надвигается вечерняя «командировочная» тоска, и все вокруг чужие, незнакомые. И знаешь, так будет всегда: и усталость под стук колес, и какой-то насквозь просвечивающий, как в рентгеновском кабинете, вагонный свет, и откуда-то вползающий в тебя самолетный страх...»

Не жизнь, а круги дантова ада. Правда, с оговорками: это, конечно, для тех, кто ошибся в выборе профессии,— но оговорки мимолетны, они не запоминаются,— контрастно и зримо проработана безотрадная картина трудовой жизни. И вывод сделан вполне логичный для статьи: чтобы жить, нужно быть фанатиками.

Ну, а как быть тем, кто не фанатики, обыкновенным?..

Алла Гербер не удержалась и от соблазна дать свою трактовку природе героического.

«Иногда,— пишет автор «Юности»,— бывает легче совершить подвиг, чем, предположим, долгие годы возиться с одним экспериментом, который весь-то умещается в маленькой колбе. Или всю жизнь пытаться расшифровать смытую временами рукопись. Или с механической точностью подсчитывать расходы и доходы, или высаживать розы, или мучиться над новым гибридом пшеницы... Или не мучиться, а тихо нянчить детей, или выдавать книги, или продавать телевизоры...»

Возиться, подсчитывать, продавать, расходы, доходы... Вот, оказывается, как: все наше обыденное коловращение и суета — все подвиг, все заслуживает названия героического, следовательно, всяк на свой лад герой, и нечего возводить на пьедестал каких-то одиночек, прорвавшихся в космос, ринувшихся на таран, поставивших рекорд выплавки стали.

Из тех же, скажем, источников растекаются и потоки так называемой дегероизации. Вот, например, автор книги «Завтра газета выходит» Семен Гершберг, ссылаясь на мнение военного корреспондента Л. Бронтмана, делает попытку развенчать таран: «...сегодня таран — это азиатчина, это варварство, к тарану прибегают те, кто не умеет драться».

Газета «Красная звезда» дала достойную отповедь этому кощунству. И получила от читателей много писем. Вот что написал инженер-подполковник Б. А. Усов:

«В принципе такая писанина не должна попадать на страницы печати, а должна рассматриваться как распространение буржуазной идеологии в нашей стране... Ведь не секрет, что западная военщина ставит целью идеологическую обработку социалистического лагеря в таком плане, чтобы в будущей войне не было Матросовых, Космодемьянских, Талалихиных».

В этом же ряду нужно рассматривать и повесть Н. Воронова «Юность в Железнодольске» («Новый мир» № 11—12 за 1968 г.).

«Литературная газета» напечатала письмо ветеранов Магнитогорского комбината с протестом против этой повести и публикации ее. Они пишут: «Автор повести изображает все в серых, безнадежных, мрачных тонах, вызывающих недоумение и вопрос: для чего все это написано?.. Создается впечатление, будто строительство велось неизвестно для чего, будто люди работали только за кусок хлеба, думали только о том, чтобы найти местечко «потеплее». И далее в письме говорится: «Мы, бывшие участники строительства и эксплуатации Магнитогорского комбината, глубоко возмущены этой повестью».

Такую суровую оценку получил и «Новый мир», опубликовавший очередную идейно-художественно недоброкачественную продукцию,— повесть о рабочих нашей Магнитки, о делах, про которые известный певец Урала, сам участник великой стройки, Борис Ручьев сказал:

В этот зримый глазами героев
нареченный решающий год
выше
нашего
Магнитостроя
в мире не было горных высот.
Будто с поля великого боя,
не сводя настороженных глаз,
с первой,
самой пристрастной
любовью
вся Россия глядела на нас.

Газета «Правда» в статье «Ведущая революционная сила» писала:

«Подорвать веру трудящихся в неисчерпаемые революционные потенции и историческую роль рабочего класса, в его способность сплотить вокруг себя все антиимпериалистические силы — такова одна из целей новейших идеологических диверсий разного рода противников марксизма-ленинизма, спекулирующих на новых явлениях в экономике, на изменениях в структуре рабочего класса и других последствиях научно-технического прогресса».

Западные пророки вещают о затухании классовой борьбы, о том, что даже по количеству рабочих с каждым годом становится меньше. А на самом деле рабочий класс растет, крепнет, набирает все новые и новые силы. В середине прошлого века рабочих на нашей планете было 10 миллионов человек, в начале нынешнего века — 30 миллионов, теперь же число рабочих и служащих во всем мире достигло 540 миллионов человек. И еще научная статистика говорит: рабочий класс растет быстрее там, где быстрее развивается технический прогресс — самолето- и автомобилестроение, электромашиностроение, химическая промышленность и т. д.

Растет боевой дух в рабочем классе. В последнее время в ряде главнейших стран капитала созрели предпосылки для новых, серьезных успехов левых сил. Вот данные Института международного рабочего движения АН СССР: в 1966 году в буржуазном мире бастовало 45 миллионов человек; в 1967-м — около 47 миллионов; в 1968-м —57 миллионов.

Остро и современно звучат ныне слова Ф. Энгельса о рабочем классе: «Следовательно, этот класс необходим при всяких условиях, хотя должно прийти время, когда он не будет уже больше классом, когда он будет охватывать собой все общество».

И если мы обратимся к истории советской литературы, то увидим, что все наши большие писатели обращались к теме рабочего класса и создали произведения, в которых по достоинству воспели человека труда. Таковы «Мать» Горького, «Цемент» Гладкова, «Люди из захолустья» Малышкина, «Журбины» Кочетова и многие другие. Александр Фадеев, создавший замечательные образы людей, вышедших из трудового народа, посвятил последние годы своей жизни роману «Черная металлургия», оставшемуся, к сожалению, незавершенным.

И как бы ни был труден путь художников, творящих героический образ человека-созидателя, образ этот живет и здравствует, он развивается и мужает, светится новыми гранями живого человеческого обаяния.

Из самых последних работ — на наш взгляд, весьма удачных — хотелось бы отметить хронику рабочей бригады на строительстве Красноярской гидроэлектростанции «Бог ты мой», опубликованную в журнале «Москва» за 1968 год. Автор хроники Анатолий Зябрев как бы задался целью вскрыть пласт жизни самой яркой, самой напряженной, представил нам людей, строящих невиданное доселе на земле инженерное сооружение, самую большую в мире гидростанцию. Велик был, наверное, у автора соблазн сбиться на слова пышные, цветистые, на похвалы и восторги всему увиденному на стройке. Но, к счастью, ему не изменило чувство меры и художнический такт, он изобразил людей обыкновенных, но в обыкновенности своей прекрасных и замечательных,— людей, помыслы которых направлены лишь к одному: сделать свое дело ладно и хорошо.

Нас особенно привлекает в хронике Зябрева романтический строй повествования. Художников социалистического реализма иные критики обвиняют в недостатке романтического элемента — того возвышенного, эмоционального строя, который способен увлекать сердца людей, в особенности молодых. И в противовес пытаются представить примеры ложной романтики, образы мифической природы и еще более мифических людей; нечто похожее на экипаж бригантины, поднимающей паруса, и сомнительных рыцарей флибустьерской жизни. В хронике же Анатолия Зябрева — романтика созидания. Она и в огромной стройке, и в неуемности людских характеров, и в картинах природы. Вот автор изображает строящийся город за Полярным кругом:

«Будет ехать якут или долган на оленьих нартах по ледовой тундре, вдруг впереди средь вьюжной ночи чудо полыхнет, ворота раскроются стеклянные, а там, куда войдет северный путник, апельсины в садах меж домами под окнами вызревают, и такое-то уж в меру тепло, и в меру мягкое солнце на столбе над домами стоит!..»

Где тут фантастика, а где романтика? Да ни то, ни другое! Это самая живая и реальная наша настоящая жизнь. В то же время сколько в ней поистине романтического!

Пафосом поиска внутренней красоты, романтической устремленности наполнены наиболее удавшиеся образы другого писателя — Андрея Блинова. Тема рабочего класса — главная в его произведениях.

Мы тут не задаемся целью анализировать произведения Блинова, хотя недавно вышедшая книга этого писателя «Время ожиданий» вполне заслуживает обстоятельного анализа. Укажем лишь, что в новой повести, посвященной строителям города на Севере, прослеживается та же заметная тенденция в творчестве писателя—показывать рабочего человека в процессе быстротекущей жизни, прослеживать черты возвышения че-

ловека, его души, ума, его творений.

Не так давно в Свердловске состоялось совещание литераторов, пишущих о рабочем классе. На этом совещании один из ораторов призвал смотреть на тему о рабочем классе широко, не суживая понятия... Дескать, в наше время представление о рабочем человеке не то, что было раньше. Ныне человек, стоящий у прилавка магазина, за стойкой аптечного ларька, метеоролог, склонившийся над картой погоды, специалист у электронного пульта, оператор, включающий турбины гидростанции, горновой крупнейшей в мире домны — все они тоже рабочие. Вроде бы рабочий, но уже и не рабочий. И его культура, и психология, и круг интересов стали теперь иными. Происходит, мол, некое усреднение человека. Казалось бы, такая постановка вопроса весьма соблазнительна. Но мы не можем с ней согласиться, ибо она совершенно не учитывает те типические социальные черты, которые выделяют рабочих как ведущий общественный класс.

На совещание в Свердловск приехало двести писателей — преимущественно те, кто создает произведения о рабочем классе. Никто из них не принял идеи «усреднения», «размывания» — все писатели говорили о другом, о необходимости продолжать традиции крупнейших представителей социалистического реализма, создавать произведения о рабочем классе, достойные его дел и свершений.

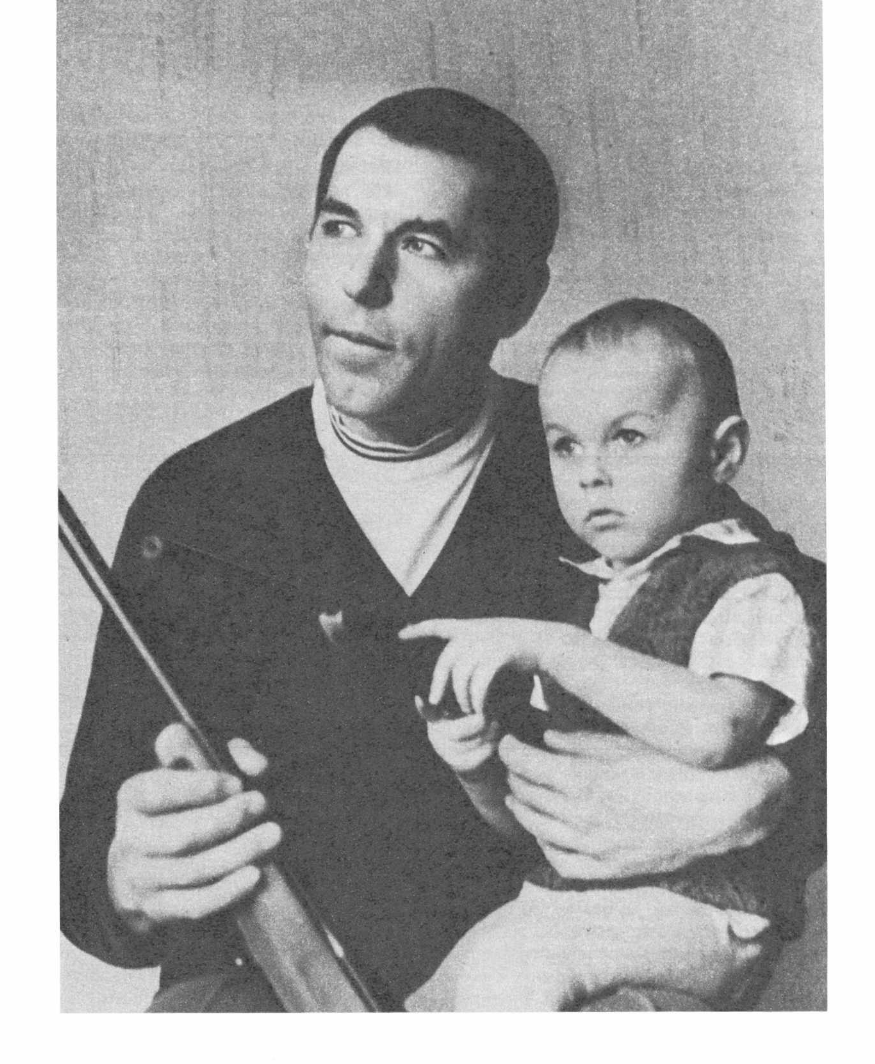
Первый секретарь Свердловского обкома КПСС К. Николаев сказал на этом совещании: «Поиски настоящих героев нашего времени, я думаю, потому должны вестись в среде передовых рабочих, что именно там складывается более высокий социальный человеческий тип. Художественно осмыслить его рождение—благородное дело для советского литератора».

...Недавно мне привелось побывать в доме замечательного советского рабочего, шахтера по профессии, Егора Афанасьевича Лучкина. Егор Афанасьевич десять лет как уже на пенсии, но время от времени спускается в шахту и помогает горнякам рубать уголек. Его и не пускают в шахту, а он говорит: «Не могу я, братцы, усидеть дома, от тоски по шахте изнываю».

Сидели за щедро накрытым столом. И рядом с нами была молодежь — все Лучкины, от рода его и от сердца. Ни словом красным, ни видом никто будто не выделялся, а между тем из Лучкиных-молодых были инженеры, внедрявшие на шахте механизированный комплекс безлюдной выемки угля; были конструкторы, создавшие этот комплекс своей смелой фантазией; был и бригадир угледобычной бригады, поставивший рекорд выемки угля... Первопроходцы, открыватели, революционеры... И теперь, когда я оживляю в памяти лица из рабочей династии Лучкиных и рядом с ними мысленно ставлю до времени уставших молодцов, я вопрошаю с облегчением: да может ли быть иначе? Кто бы сеял и убирал хлеб, добывал бы уголь, варил сталь? Кто бы совершал все те великие, изумляющие мир чудеса, которые человека делают человеком, которые поддерживают в нем чувство отца, матери и брата, которые придают ему крылья и делают жизнь вечной и радостной?»

ЛЮДИ НАШЕГО СПОРТА

С. ТОКАРЕВ

Мой друг Привалов Александр

...Зимой 1941 года фашисты бежали из-под Москвы. Деревню Пятница они, уходя, спалили. Мария Николаевна Привалова, взяв в охапку восьмилетнего Саньку и шестилетнего Вальку, ушла в поле. А бабка Приваловых — боевая была бабка — все кричала, все гнала от дома солдат с канистрами. Они ее отшвырнули и дом подожгли. Стояла морозная ночь, а горизонт, если смотреть с поля в сторону жилья, был розов и желт.

Когда поджигатели ушли, Приваловы вернулись и грелись возле своего пепелища, а потом ушли жить за реку, в другую, уцелевшую деревню. Утром Санька побрел по избам просить еды — наверное, его послали потому, что маленькому даже скряга не откажет...

Мне он видится сейчас таким, каким выглядел, когда мы познакомились. Красивый парень, брюнет с синими глазами. Жили мы с ним в одном номере гостиницы, и я смотрел на него — рассеянного, несобранного, всегда и везде опаздывающего — с некоторой долей иронии. Только что кончился чемпионат мира. Помню, стоит Саня под душем и в шуме воды тенорком сам с собой рассуждает: «В прошлом году я третьим был — так? В этом — вторым. Значит, в следующем первым буду, так или нет?»

Разве знал я, разве мог знать, что эта вот кроткая рассеянность, это чудачество и есть чуть ли не самое главное, что сделало его таким, каким он был в великом и двуликом искусстве биатлона?

Короткими (по четыре километра), спринтерскими в лыжном понятии бросками скользит по снежной трассе гонщик с карабином за спиной. От стрельбища к стрельбищу. И когда до бруствера, за которым темнеют мишени, остаются последние метры, горячее дыхание бегуна должно сделаться размеренно-холодным, азарт — уступить место расчету. И тихонько, плавно похаживает мушка, подбираясь к обрезу мишени, а палец легко давит на спусковой крючок (они это называют «обрабатывать спуск»). Пять выстрелов. На это уходит минута. Ну, полторы. А потом опять гонка, опять забарабанил пульс, чтобы через четыре километра его опять взнуздать. И опять. И опять. Восемь перевоплощений, а у человека только одно сердце. И одна нервная система. Не из стальных же проволок она сплетена. Теперь я понимаю, что вся приваловская внешняя несобранность была защитной реакцией организма: чтобы сохранить способность крепко сжать самого себя в кулак, надо уметь расслаблять пальцы.

Он был лыжником с детства и стрелком от природы. В деревне он бегал по снегу на бочечных клепках, потом поступил в ФЗУ мясокомбината. Отца убили на фронте, мама работала дояркой, кузнецом (да, в войну — кузнецом, мужики-то на фронте), а младший братишка Валька хотел учиться дальше, мечтал стать летчиком. Потом Саня отбывал срочную службу, выступал в соревнованиях. Писал письма брату, что мама волнуется: может, летчиком не обязательно? А брат отвечал, что иначе жизни не мыслит. Потом один стрелок, мастер спорта, повел Саню в тир, и Саня, впервые взяв пистолет, его, мастера, обставил.

И гораздо позже с легкой руки динамовского тренера Василия Павловича Смирнова попал Саня в биатлон. Было раннее утро биатлона не только у нас, но и во всем мире. Еще не пробил час будущего четырехкратного чемпиона мира, загадочного Владимира Меланина, в котором все всегда сомневались, а он побеждал, умея в короткий миг все, что есть, поставить на карту. Виктор Маматов, второй из наших чемпионов, в то время еще не представлял себе, какая она, медаль. А третий будущий чемпион, Саша Тихонов, малолетним сорванцом гонял по мостовой консервную банку.

Историю Саниных побед и поражений пересказывать, думаю, нет смысла. Важнее вспомнить, каким он был в спорте, и, значит, выяснить, что принес он с боевой трассы в тренерский труд.

Стрелял сильнее, чем бегал на лыжах. Правда, при этом напоминании слегка — самую малость — обижается и говорит в ответ, что, мол, все-таки мастер по лыжам, что получил значок не сейчас, когда мастеров, как иголок на елке, а в давние, трудные времена. Все, конечно, так, но при своем росте он сложения несколько деликатного, астеничного, легкие у него не как кузнечные мехи, и с могучими бегунами типа Меланина тягаться ему было трудно. Он брал свое на бруствере.

Обычно без подсказки, подсознательно, стрелковым чутьем чуял, куда ушли пули — в цель или за «молоком». Однажды его уверяли, что одна — мимо, а он вежливо просил: «Пожалуйста, поищите». Нашли — пробоина пришлась на пробоину.

Он, по-моему, не особенно честолюбив, что-то другое, затаенное служило источником его слегка наивной любознательности по отношению к миру, людям, лыжам и оружию. В людей он всматривался, так и этак прикидывал, и нынешние его точные и тонкие характеристики суть плоды неторопливой мудрости чудака: «Этот, когда ему хорошо, он как котенок, ко всем ластится. А плохо ему, он тигр. Тот, другой, всегда идет прямо, и если перед ним стена, он ее проломит». С лыжными мазями, мушкой, затвором Саня вечно мудрил, и начальство пеняло ему: «Привалов, оставь как есть, тебе все налажено». И он соглашался, извинялся, отходил в сторонку и принимался за свое.

Может, вся его спортивная и человеческая суть выражалась философской формулой, сочиненной для самого себя. Звучит эта формула примерно так: «Не надо думать о победе. Надо идти и думать о том, что идешь. Стрелять и думать о том, что стреляешь. Победа сама во всем разберется».

Он если за что болел по-настоящему горячо, так это за команду, и тут его нетрудно было вывести из привычного равновесия. В Скво-Вэлли, на Олимпиаде, первое стрельбище он прошел без промаха. И второе. И третье. И перед четвертым бежит вдруг по обочине один наш тренер (не будем его называть), глаза горят, уши тоже и кричит сквозь одышку: «Все наши заваливаются, на тебя надежда, выручай ребят!» Саня встал на последний рубеж — мушка пляшет. Он трижды промазал, и, как узнал потом, до олимпийского золота ему не хватило кусочка свинца. Одной пули — двух минут.

Наверное, тогда он сокрушался. И вечером, засыпая (если сумел заснуть), считал минувший день трудным и даже черным. А за морями и долами времени его ждали неизмеримо, неисчислимо более трудные дни. Это когда он стал тренером сборной. Он пришел на высокий пост еще довольно молодым, ему казалось, что тело сохранило силу, а зрачок — меткость, и он огорченно подчинился категорическому указанию свыше. Его былые соратники по сборной обрадовались, что именно Саня, который съел с ними пуд соли, понимает их душу и душу биатлона, стал их начальником. А ему еще предстояло научиться быть над ними началь-

ником. Но и это все не самое трудное.

Судьба судила так, что возвышение Сани совпало с моментом, когда не только он, все первое поколение сборной, следуя жизненной логике, должно было уйти, уступить дорогу молодым. Но не всякий — далеко не всякий! — способен логически убедить себя, что самые яркие, самые, может быть, прекрасные страницы жизни надо перелистнуть навсегда. И на долю Привалова выпала суровая, жестокая задача — подписать отставку старым друзьям.

Я спросил: «Саня, почему ты понял, что Меланину надо уйти?» Он сказал: «По мишеням». Нервы, напряженные в течение многих лет, измотанные перевоплощениями, потихоньку и все быстрее сдавали. Но каково было Меланину — великому Меланину — услышать от Привалова, что в сборную команду его не берут? И каково было Привалову это сказать?

А это было сказано. И в тот год — 1967-й — чемпионом мира стал Маматов, которого Привалов поставил на место Меланина. И, сделавшись теперь уже Александром Васильевичем, он сидел за столом на прощальном банкете и плакал. Он ничего не мог с собой поделать.

Впереди был олимпийский 1968-й. И долгий разговор с тем же Меланиным, который жаждал попасть в Гренобль, повторить победу Инсбрука, смотрел измученными карими глазами. Разговор венчало слово «нет», и это был приговор Меланину-спортсмену. Впереди был нынешний, 1969-й. Закопане, где Николая Пузанова не поставили бежать эстафету. Надо знать Пузанова, гиганта с каменным лицом и огненным самолюбием. Надо знать, что однажды перед стартом всесоюзных соревнований Саша Тихонов, тощий, как хвощ, но занозистый, схватился с ним бороться. Изловчился и уложил на лопатки. Пузанов после такой мелкой обиды абсолютно не мог бежать. А тут обида была лютее, у него почернело лицо, а ведь и с ним у Сани столько вместе хожено по лыжне...

Но раз уж я упомянул о Тихонове, поговорим о нем — этом нетипичном биатлонисте с неприческанной биографией. О счастливой Саниной находке. Недавно в газетах писали, как чемпион мира Тихонов задержал опасного преступника. Да, «Тишка» (так его зовут друзья) — человек отважный. С другой стороны, этот прошлогодний юниор и второй призер Олимпиады на финише заявил, что никого не боялся, разве что самого себя. Он горяч, он, как юла, вечно всех подначивает и подзуживает, а его два года подряд ставят на первый этап эстафеты, где в сутолоке необходимо быть особо спокойным.

Они познакомились на сборе — Тихонов был лыжником. Саня уговорил его пойти пострелять и с мишенями Тихонова отправился к начальству — и, полагаясь не столь на качество стрельбы, сколь на интуицию, добился включения мальчишки в сборную страны. Случилось это три года назад.

Три года между двумя полярными точками: первым стартом первого приваловского ученика и его победой в чемпионате мира. Размышляя над этими тремя годами, мне предстоит вам и себе ответить на вопрос: что же такое за явление — Привалов-тренер?

Да, Саня не был честолюбив. Он не слеплен из того теста, из которого пекутся иные великие спортсмены. Но вы, должно быть, замечали, что эти самые великие спортсмены редко становятся великими и даже большими тренерами. Порой — и нередко — бывшие знаменитости стремятся формировать учеников по собственному образу и подобию: почему бы и нет, если их личная методика давала им победы? Неудачники, пусть даже относительные, в тренерском деле гибче и самоотреченнее. Гуманнее, пожалуй. Человечнее.

«Эх,— сказал однажды Саня,— мне бы бегать на лыжах, как Меланин!» Да, тогда бы он стал чемпионом мира. Но смог бы он подготовить чемпионов мира? Перед Олимпиадой в Инсбруке он замучил себя тренировками — и проиграл. Перед чемпионатом в Закопане смело снизил нагрузки сборной, ибо после Гренобля люди должны отдышаться, они не железные,— и они победили, выиграли все, что можно. А чемпионом мира стал Тихонов. Первый и лучший ученик моего друга Сани Привалова.

Аркадий ВАЙНЕР,

Георгий ВАЙНЕР

Я, СЛЕДОВАТЕЛЬ...

РОМАН В ДОКУМЕНТАХ

Рисунки В. КАРАСЕВА.

ЛИСТ ДЕЛА 46.

С утра дождь немного угомонился. Я шел не спеша по Страстному бульвару и смотрел, как все больше редеют кроны деревьев, все толще красно-желтый ковер на земле. В конце бульвара, на детской площадке, где с визгом бегали малыши, я присел на скамейку. Худенькая, прямо прозрачная девочка хотела отнять у толстого, лобастого мальчишки ведерко. Парень ухватился за дужку обеими руками, сопел, пускал носом пузыри, но ведро не давал. Поняв, что ведра ей не получить, девочка горько заплакала. К ней подбежала молодая женщина, обняла девчушку и сказала:

— Людочка, ну, почему ты плачешь? Ты же неправа! Это ведь его ведро. Правда?

— Я же не насовсем... Я просто хотела немножко тоже поносить ведро...

Женщина усмехнулась:

— Но ведь у тебя дома есть ведерко. А каждый ребенок должен носить свое ведро. Правда?

Потом помолчала и задумчиво сказала:

— Вообще каждый должен в жизни носить только свое ведро.

Я встал и пошел на Петровку. Ведь каждый должен носить свое ведро...

Исх. № 03/сл.
23 сентября.

МОСКВА, СЛЕДСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

На ваш № 71/с от 22 сентября.
ЗАПИСКА ПО ТЕЛЕФОНУ

Сообщаю, что с 26 августа по настоящее время Ленинградской госавтоинспекцией официальных сделок по продаже автомашины «Волга» из Тбилиси в Ленинградскую область не оформлялось.

Старший инспектор госавтоинспекции Ленинградской области
майор милиции ПЕРЕГУДОВ

ЛИСТ ДЕЛА 47.

Теперь у меня без адресов уже две машины. Получалась неплохая задачка для школы дефективных: «Первый автомобиль выехал из пункта А в пункт Б. Второй поехал ему навстречу — из Б в А. Поскольку они никуда не прибыли, спрашивается: зачем они вообще поехали?»

Непонятно, непонятно. Как много непонятного! Когда я окончил университет, моя мать, считавшая, что лучше старых вещей не бывает (разве сейчас такое где-нибудь купишь?), перелицевала для меня отцовский бостоновый костюм. Я пришел в нем на работу, гордый до невозможности. Старый оперативник Панов хмуро сказал:

— Дай-ка посмотреть товарец...

Я заалел от удовольствия, но Панову сказал небрежно, с достоинством:

— Да что там, пустяки...

Панов потер между пальцами материал, ковырнул ногтем верхний карманчик на правой стороне пиджака, поцокал языком и завистливо сказал:

— Хорош костюмец. Послушай, а третьей стороны у него нет?

Я вспомнил об этом потому, что, читая сообщение из Тбилиси, понял: у моей версии может быть еще одна сторона...

Исх. № 16/сл.
23 сентября.

МОСКВА, СЛЕДСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

На ваш № 71/с от 22 сентября.
ЗАПИСКА ПО ТЕЛЕФОНУ.

Алексей Сабуров в числе владельцев личных автомашин не значится. В указанный вами период сделок по продаже автомашин из Тбилиси в Ленинград не зарегистрировано.

Для сведения сообщаю, что Тбилисской милицией разыскивается кофейная «Волга» № ГХ 34 52, похищенная 22 августа с/г с техталоном № ГХ 765354 на имя РАБАЕВА М. С.

...Нет, эта информация ничего не разъясняла в моей проблеме. Наоборот, не решив мою задачу, она добавила свою — задачу о кофейной «Волге» Рабаева. Хотя, как говорит один мой ученый друг, появление непредвиденных вопросов при исследовании проблемы прогрессивно. Даже несмотря на усложнение поиска.

ЛИСТ ДЕЛА 48.

Оставалась еще маленькая зацепка — адрес тетки Алексея Сабурова, у которой он жил в Ленинграде. Правда, рассчитывать на такую точку опоры рискованно.

А была ли тетка? Будь на свете такая тетка, многое сразу бы стало на свои места. Но если Корецкого действительно убил Алексей, то вряд ли он оставлял бы за собой такие маршрутные стрелы.

Я сидел в кабинете и раздумывал над всем этим, когда вошел Савельев и протянул бланк:

— Тебе телеграмма из Ленинграда.

Я читал сообщение, а Сашка сидел на стуле верхом и разглагольствовал:

— Старик, я вот слышал в передаче по радио, что если человек от злости краснеет, то он становится сильнее, а если бледнеет, то слабее. Как ты думаешь...

Я взглянул в маленькое зеркальце на стене. Белый я был. Белый с синевой, как прокисшее молоко.

ТЕЛЕГРАММА

Сообщаю, что по адресу: Ленинград, ул. Маяковского, десять, квартира двадцать шесть — проживают ДЕМИДОВ Павел Григорьевич семидесяти двух лет и его внучка Ира четырнадцати лет тчк

САБУРОВ родстве не состоит им неизвестен тчк

Человека названными приметами также «Волги» грузинским номером доме никто не видел тчк

Оперуполномоченный Ленугрозыска
ЛЕОНИДОВ

Продолжение. Начало см. «Огонек» №№ 14, 15, 16, 17, 18.

ЛИСТ ДЕЛА 49.

Вот и все. Замкнулось следующее кольцо поиска. Эх, мне бы своего Вергилия на этих дьявольских кругах! Тем более, что с таким экскурсоводом легче оправдываться у начальства. Ладно, спасибо хоть, что я, как тот пассажир, не еду вообще в другую сторону.

Человеку без интуиции работать следователем нельзя. Я, например, в это искренне верю. Потому что я по-своему толкую это слово. Интуиция — вовсе не внутренний голос, безотчетно диктующий нам поступки. Интуитивность — это способность мгновенно произвести в микроминиатюре анализ обстановки и принять решение. А хороша у человека или плоха интуиция — просто определяется его способностью быстро анализировать информацию. Следователь должен уметь мгновенно, буквально в одно касание, оценивать факты — как пилот сверхзвукового истребителя на ощупь управляет всеми бесчисленными кнопками, ручками и рычажками в своей кабине. Иначе достаточно будет один раз ошибиться, и дело свалится в необратимый штопор. Вот эта быстрота и точность оценки, по-моему, и есть интуиция. А разговоры насчет внутренних голосов и подсознательных настроений — сущие пустяки. Если нечего анализировать, то и никаких голосов внутренних не будет. Поэтому, когда эти голоса появляются во мне, я стараюсь извлечь их наружу и распотрошить, как студент лягушку.

Сейчас я уже как будто точно знаю, что Сабуров продал машину в Ленинграде, а ГАИ утверждает, что не было этого; знаю, что Сабуров останавливался у тетки в Ленинграде, а Леонидов телеграфирует, что тетки в природе не существует; знаю, что Сабуров — обаятельный парень, а Женя Корецкий убит!.. Внутренний голос начинает твердить мне, что без Сабурова здесь не обошлось.

Но, чтобы не вводить свою интуицию в искушение, я предпочитаю надежную информацию. Мне нужно знать точно: кто он такой, этот Сабуров?..

Исх. № 81/с
23 сентября.

В ТБИЛИССКИЙ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК

СПЕЦТЕЛЕГРАММА

Связи делом убийстве Корецкого срочно установите Тбилиси личность Алексея Сабурова зпт возможно работающего механиком автохозяйства тчк Приметы Сабурова рост 186—188 см брюнет зпт глаза светлые зпт серые или голубые с отчетливым темным зрачком зпт на правой кисти нет мизинца части безымянного пальца тчк

При обнаружении Сабурова немедленно сообщите его координаты зпт компрометирующие материалы зпт данные о продаже им автомашин тчк

Случае установления лица другой фамилией зпт но вышеуказанными приметами также информируйте нас тчк

СЛЕДОВАТЕЛЬ

ЛИСТ ДЕЛА 50.

Вечером, в начале восьмого, пришла спецтелеграмма из Тбилиси. Я прочитал ее и растерялся. У меня появилось такое ощущение, будто все вокруг меня стали говорить в десять раз быстрее обычного и слова, события слились в какой-то мелькающий, остро бормочущий, непонятный визг. Я пытался схватить их, затормозить их нелепый, ненормальный бег, чтобы рассмотреть, понять, как-то объяснить.

№ 29-сл
23 сентября.
19-05.

СПЕЦТЕЛЕГРАММА

Нами установлен САБУРОВ АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ зпт 1927 года рождения зпт инженер зпт проживает Руставели пятнадцать квартира четыре тчк Автомобиля не имеет тчк Сообщенным приметам не соответствует тчк Материалы задержания Сабурова Риге зпт объяснения Сабурова зпт письмо Косова высылаю авиапочтой тчк

Замначотдела угрозыска
МАНЧАДЗЕ

Потом заглянул Сашка Савельев — уже в кепке, в плаще, — собрался домой. Я сказал ему:

— Садись, Саша, может быть, вместе чего-нибудь надумаем...

Видно, очень уж не хотелось ему торчать здесь еще неизвестно сколько. Но он браво тряхнул рыжим чубом:

— Давай. Может быть, надумаем. Мне эта работа непривычна, поэтому особенно приятна. Что-нибудь в стиле покойного В. Я. Кляцкина?

— Какого Кляцкина? — не понял я.

— Это сидел я как-то в одной веселой квартирке три дня. Да-а. В засаде, значит, сидел, и помирал эти три дня от тоски, потому что во всем доме смог найти одну-единственную книжку — сборник шахматных этюдов. Ну, я и стал ее прорабатывать, хотя в шахматы играть не умею. Сплошь цифры и латинские буквы — ничего не понятно. И во всей этой абракадабре вдруг нахожу такую фразу: «Этот совершенный по своему остроумию и изяществу этюд решен в стиле покойного В. Я. Кляцкина». И восклицательный знак после цифири. Вот тут меня охватила жуткая зависть к покойному В. Я. Кляцкину, который умел из одних цифр и букв составлять «совершенные по своему остроумию и изяществу этюды»...

АВИА

№ 823/I
23 сентября.

МОСКВА, СЛЕДСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

В соответствии с нашим № 29/сл от 23 сентября направляю материалы в отношении САБУРОВА Алексея Степановича.

Приложение:
(на 3 листах).

1. Письмо 7-го отделения милиции гор. Риги.
2. Объяснение Сабурова.
3. Письмо Косова.

Зам. начальника отдела
Тбилисского уголовного розыска
подполковник милиции
МАНЧАДЗЕ

Пакет из Тбилиси — толстый, твердый, с пятью коричневыми сургучными печатями — я держал несколько мгновений в руках, не решаясь вскрыть. Там, за этими печатями, для меня еще была тайна, которая умрет сразу же, как только я сломаю эти хрупкие коричневые нашлепки. А может быть, тайна, и умерев, не скажет, почему Сабурова задержали в Риге? И почему не совпадают приметы? И кто такой Косов? И о чем он пишет Сабурову?

Нераспечатанное письмо всегда наполнено большими ожиданиями...

№ 2232/3
14 сентября.

В ОТДЕЛ МИЛИЦИИ ТБИЛИССКОГО ГОРИСПОЛКОМА

Сообщаю, что инженер Сабуров Алексей Степанович, житель гор. Тбилиси (ул. Руставели, дом 15, кв. 4), находясь 13 сентября с/г в рижском ресторане «Перль» и будучи в нетрезвом состоянии, совместно с гражданином ИВАНОВЫМ П. К. учинил пьяный дебош: громко скандалил, выражался нецензурными словами, замахивался на Иванова бутылкой.

При доставлении в милицию Сабуров успокоился, заявил, что осознал свои неправильные действия, в связи с чем мы сочли возможным на первый раз ограничиться штрафом. Сообщаем об изложенном для принятия к Сабурову мер общественного воздействия по месту его работы.

Заместитель начальника 7-го
отделения милиции гор. Риги
капитан милиции
КАСЮЛАЙТИС

Так... А теперь объяснение Сабурова.

В МИЛИЦИЮ гор. ТБИЛИСИ
от гр-на САБУРОВА А. С.,
работающего инженером
формовочного цеха Тбилисской
фабрики пластмасс

ОБЪЯСНЕНИЕ

Я вызван в милицию в связи с якобы учиненным мною тринадцатого сентября дебошем в Риге. Однако это явное недоразумение, потому что, во-первых, я тринадцатого сентября из Тбилиси никуда не выезжал и был у себя на работе; во-вторых, я вообще никогда в жизни в Риге не был. То, что я в этот день был на работе, может подтвердить весь коллектив фабрики, а то, что я никогда не был в Риге, знает любой мой знакомый.

Но у меня есть догадка, в чем дело. В июле этого года я то ли потерял, то ли у меня вытащили мой паспорт — я даже не знаю, как это было. Я заплатил штраф и получил новый паспорт. А со старым, наверное, разгуливает какой-то проходимец, который устраивает хулиганство под мою бирку. Поэтому прошу поскорее найти его и отобрать мой паспорт, пока он опять где-нибудь не напился, а меня опять будут таскать в милицию. Кстати, я получил какое-то непонятное письмо от неизвестного мне человека, который требует, чтобы я поскорее оформил ему машину. Но я понятия об этом не имею, поэтому прилагаю письмо к своему объяснению: может, это проделки все того же ловкача? А ко мне прошу никаких мер общественного воздействия не применять, пока не разберетесь. К сему — САБУРОВ.

На дополнительный вопрос объясняю: конверт от этого письма я утерял.

САБУРОВ.
Объяснение отобрал
уч. уполномоченный ЗАВАЛОНОВ

Да-а, дела. ...А где же письмо? Ага, вот оно.

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ!

Машина моя в полном порядке, и я ею доволен. Однако мне препятствует ее использовать то, что она до сих пор не оформлена. Ведь вы обещали прислать техпаспорт с оформлением не позже пятого сентября, сегодня уже пятнадцатое сентября, а от вас ничего нет. Я тем более тороплюсь, что собираюсь в отпуск. Поэтому прошу не медлить, а сразу же

оформить на меня машину и выслать мне бумаги. Очень прошу не задерживать, ведь мы же обо всем договорились!

15 сентября, КОСОВ

ЛИСТ ДЕЛА 51.

Мой школьный учитель Коростылев говорил: «Не употребляйте всуе слово «итак». Это — важное слово, ибо содержит в себе моральные обязательства: оно всегда должно свидетельствовать об окончании существенного жизненного, трудового или ораторского периода...»

Я не могу сказать «итак», ибо ничего существенного не узнал. Просто человек, который, повидимому, убил Женю Корецкого, снова стал бесплотным, исчезнув, как дождевая капля в реке. Я уже было стал привыкать к нему, охотно называл его Сабуровым, представлял себе часто его внешность, чтобы он стал телесным, объемным, чтобы он превратился в реального врага. С которым можно бороться, которого можно ненавидеть. Ведь сейчас возникает странная коллизия: если он убил впервые и больше не намерен этим заниматься, то он может навсегда исчезнуть из поля зрения. Если он пойдет на новые преступления, то обязательно оставит следы, и мы скорее всего его поймаем и воздадим полной мерой. Но ценой этого возмездия станут еще несколько человеческих жизней. Умрут несколько безвинных людей, которые сейчас, наверное, весело смеются, о чем-то мечтают, кого-то любят. И не знают, что смерть пустыми глазами уже смотрит им в затылок.

Все, больше никакого Сабурова для меня нет. Есть бандит, который здорово «засветился» в Риге и которому написал письмо Косов в наивной надежде получить документы ворованной «Волги». Как я догадываюсь, все эти бумаги мне охотно и очень быстро спихнули из Тбилиси, потому что там сами не знали, что с ними делать. Сейчас у меня два пути: искать Косова или ехать в Ригу. Но Косов, даже если я его быстро разыщу, даст очень мало. Косов — этап пройденный и больше этого липового «Сабурова» и в глаза не увидит. Нет, надо ехать в Ригу. Там наверняка что-нибудь еще можно найти.

Я заполнил бланк телефонограммы и побежал на четвертый этаж. Перескакивая по серым бетонным ступенькам, я вспомнил одну из мрачных сентенций учителя Коростылева: «Не катайтесь на перилах, дети, берегите их, ибо это сооружение делает наше падение с лестницы проблематичным...» Эх, где бы достать перила для своей жизненной лестницы?..

В ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛУГРОЗЫСК
ТЕЛЕФОНОГРАММА № 90/с

Из новых материалов следствия усматривается, что фамилия разыскиваемого нами покупателя кофейно-белой «Волги», весьма вероятно, КОСОВ.

При установлении этого лица ПРОШУ:

1. Подробно допросить его о всех обстоятельствах покупки «Волги».

2. При наличии у покупателя каких-либо документов на эту машину срочно подвергнуть их криминалистической экспертизе на предмет установления их подлинности.

3. Осмотреть купленную им машину и зафиксировать номера двигателя, кузова и шасси, а также государственный регистрационный номер.

Ответ шлите в адрес городского отдела милиции Риги.

СЛЕДОВАТЕЛЬ

...Значит, решено — еду в Ригу. Интересно, сколько же мне мотаться еще? Конца и края не видно. И почему-то вспомнил слова Сашки Савельева: «А про тебя жена — ни мур-мур»...

Я вышел на улицу, постоял, раздумывая, куда бы мне пойти в последний вечер.

Стоял, думал-думал, пока не понял, что идти мне некуда. У входа в Эрмитаж, несмотря на дождь, ждали своих девушек молодые люди с грустными осенними букетами. А самим им было весело, они так много ждали от сегодняшнего вечера! Где-то в парке играла негромко музыка, шаркали шинами по лужам такси. Неоновые огни отсвечивали в низких облаках, и облака от этих огней были красные, угрожающие.

Я дошел до почтового отделения, взял бланк телеграммы и написал: «Наташа, закончу дела, пошлю все к чертям. Без тебя мне очень худо. Хочу быть всегда с тобой. Все еще будет прекрасно. Напиши мне письмо в Ригу, горотдел милиции».

Девушка-телеграфистка просмотрела мельком бланк.

— Ругаться по телеграфу нельзя,— сказала она.

— А я и не ругаюсь.

— Вы написали «все к чертям».

— Разве? Это я про плохих людей.

— Я их не знаю, и все равно нельзя.

— Я их тоже не знаю,— покачал я головой.

Девушка взглянула на меня, как на сумасшедшего. Я взял из ее рук бланк и почти все вычеркнул. Осталось: «Наташа, без тебя мне очень худо. Напиши мне в Ригу».

— С вас 56 копеек.

— За любовные послания надо брать дороже. Как за «молнии»...

ЛИСТ ДЕЛА 52.

Я открыл глаза и снова прижмурил веки, подумав, что сон все еще продолжается. Потом приоткрыл один глаз. На нижней полке сидел поп. Ну да, самый обычный священник — в черной рясе, с красивыми длинными волосами и серебряным наперсным крестом.

Поп взглянул на меня и, увидев мой приоткрытый глаз, заулыбался.

— Крепкий сон — признак чистой совести и нормальной физиологии,— весело сказал он.— Когда я сел в Ржеве, вы уже сладко почивали.

Я пробурчал ехидно:

— А разве церковь признает физиологию?

Священник улыбался добродушно-снисходительно:

— Мой друг, у вас написано на лице, что сейчас вы спросите меня, почем опиум для народа и почему факты из Бытия не соответствуют фактам из Экклезиаста.

Это меня рассмешило, но все равно я настроился к нему враждебно. Потому что есть такая примета: если встретил попа — дороги не будет. А в плохие приметы я не то чтобы верю, но отношусь к ним с опаской. Тем более, что мне очень нужна была хорошая дорога. Обязательно.

Потом он сказал:

— К людям надо дóбро относиться, с верой, и они возвращают добро и веру сторицей.— И стал прихлебывать из стакана горячий чай.

Свесив сверху голову, я задиристо спросил:

— По-вашему выходит, что люди только у вас могут получить добро и веру. Так, что ли?

— Это — слишком вольное толкование моих слов. Безразлично, где человек может получить добро и веру — в храме господнем или в агитпункте. Важно, чтобы получил и с благостью употребил.

— Ну, эти сказки я слышал,— махнул я рукой.— Добро и вера не бакалейные товары, и где попало их не получишь.

— Между прочим, и бакалею где попало не получишь.

— Чего, чего?— Я решительно привстал на полке и ударился затылком о потолок.

Священник еле заметно ухмыльнулся и снова кивнул:

— Да-да. Рис в керосиновой лавке не получишь. А если получишь, то рис будет с запашком.

Потирая охотно набухавшую шишку, я торжественно воздел руку:

— Вот именно! Добро и вера с душком совсем никуда не годны!

Священник пожал плечами.

— Есть же общечеловеческие представления о добре. Потому что человек вообще добр. И сказано в писании: «Зло сердца человеческого от юности его».

Разговор был какой-то бессмысленный, без точных позиций. Да и понимаем мы с ним все по-разному. Мне стало досадно, что поп, как в теплой ванне, купается в струях своего альтруизма, а я, получается, какой-то бес злобный. И я сказал:

— Чтобы рассуждать о добре, надо узнать полную меру зла. Вы ведь грехи людские созерцаете и отпускаете. А мне за них карать приходится, если есть состав преступления. Потому что я считаю, если один другого ударил по левой щеке, то не надо подставлять правую, а надо дать хулигану два года. Поэтому вы добрый, а я злой. Вот и получается — у вас десять заповедей, а у меня — Уголовный кодекс.

— Хм, у вас же есть это, как его, моральный кодекс...

— Да, есть. У нас есть.— Я подчеркнул «у нас».— Но он адресован людям по-настоящему добрым или тем, которые еще могут стать добрыми. А есть среди людей такие, что их уже ничем не убедишь и никак не перевоспитаешь. Вот они-то, а не какой-то мифический диавол и есть враги человеческие. И уж, конечно, мы им пощады не даем.

— Как я понимаю, вы, молодой человек, юриспрудент?

Я кивнул, усмехнувшись про себя: «Сашку Савельева буду теперь называть только «юриспрудент». Поп грустно посмотрел на меня.

— Характер работы в известной мере ожесточил вас против людей...

— Опять двадцать пять! Да почему же против людей?!

— Потому что только всевышний может понять и простить любые человеческие прегрешения, ибо сам есть источник доброты!

— Врали! — заорал я, взбеленившись.— Человек! Человек — источник доброты! Поэтому для человека нетерпимо, когда доброту и веру топчут в грязь и кровь...

Поезд подходил к Риге.

Господи, неужели я действительно ожесточился против людей...

В помещении дежурной части седьмого отделения милиции было тихо, лишь в открытую форточку окна врывался частый монотонный шепот дождя, да из Ленинской комнаты доносилась фраза песни, которую кто-то разучивал на аккордеоне: «Пусть всегда будет солнце... Пусть всегда будет... Пусть всегда...»

Дежурный внимательно смотрел на меня, прижмурив один глаз, и я не мог понять, слушает он меня или аккордеон. Был он невозмутимо спокоен, толст, и казалось, будто китель не лопается на нем только потому, что дежурный никогда не двигается с места.

— Помните? — спросил я нетерпеливо.

— Помню,— кивнул дежурный и, наклонив голову, прислушался к аккордеону.— Снова наврал. Эх, артисты...

Аккордеонист наяривал изо всех сил: «Пусть всегда будет...» Дежурный с неожиданной легкостью поднялся, подошел к шкафу, присел около него на корточки и мгновенно, как фокусник, выдернул из пачки бумаг тощенькую желтую папочку.

— Она,— сказал он флегматично.— Здесь будете смотреть или...

Но я, облокотившись о барьер, уже раскрыл обложку...

ДЕЖУРНОМУ 7-го ОТДЕЛЕНИЯ
МИЛИЦИИ гор. РИГИ

Постового милиционера
сержанта милиции
СКРАБА Н. А.

РАПОРТ

Докладываю, что сегодня, 13 сентября, в 23 часа, я был вызван в ресторан «Перль», где граждане, оказавшиеся ИВАНОВЫМ П. К. и САБУРОВЫМ А. С., учинили скандал: громко кричали, сквернословили и затеяли драку.

Дебоширы доставлены мною в отделение милиции.

О чем и докладываю на ваше распоряжение.

Сержант милиции СКРАБ

ЛИСТ ДЕЛА 53.

Дебошир Иванов вошел в кабинет боком, сидел на крае стула, с ожесточением мял в руках свою кепку и вообще был очень мало похож на драчуна и скандалиста.

— Все водка проклятая,— сказал он огорченно.— На работе стыдуха жуткая, жена чуть из дома не выгнала...

— Но теперь-то, небось, зарок дали? — усмехнулся я.

Иванов прижал кепку к груди, как спортивный кубок.

— Да чтоб я теперь!..

— Вы в районном медпросвете попросите пару муляжей,— сказал я сочувственно.

— Каких муляжей? — удивился Иванов.

— Из папье-маше: печень здорового человека и печень алкоголика. Тоже очень помогает.

Он не понял — всерьез ли я говорю, и на всякий случай сказал:

— Обязательно.

— Вот и прекрасно. Расскажите теперь, что произошло тем вечером в ресторане.

Он снова начал маяться:

— Ох, прямо вспоминать неудобно...

— Неудобно зонтик в кармане раскрывать. И в пьяном виде в ресторанах драться. Давайте рассказывайте. И поподробнее...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Павла ИВАНОВА

...По существу заданных мне вопросов могу показать следующее:

13 сентября я пришел в ресторан «Перль». В середине вечера, когда я уже выпил бутылку коньяка и был основательно пьян, я решил потанцевать. С этой целью я подошел к одному из столиков, за которым сидели неизвестные мне мужчина и женщина. Я пригласил женщину танцевать, но она засмеялась и, как мне тогда показалось, сказала что-то обидное или оскорбительное. Тогда я сел за их столик и начал «выяснять отношения». Мужчина стал меня гнать, оскорбляя нецензурными словами. Я разозлился и сказал, что я чемпион города по боксу. В ответ он прошипел: «Я тебя сейчас убью, сволочь...» Тогда я схватил стул и хотел им замахнуться, громко кричал что-то при этом. Мужчина встал и взял в руку бутылку шампанского, намереваясь меня ударить. Но тут подбежали люди, схватили нас обоих за руки, а вскоре подоспела и милиция.

... — А вы что, действительно чемпион по боксу? — спросил я.

— Нет,— грустно покачал головой дебошир Иванов.— Сам даже не знаю, почему я это сказал...

Я посмотрел на него с каким-то сочувствием.

— А вы знаете, Иванов, что он вас действительно мог убить?

— Шутите? — побледнел Иванов.

— Нет, не шучу. Я серьезно говорю. Вы запомнили его внешность?

Иванов неопределенно развел руками:

— Высокий такой, черный, а глаза, по-моему, наоборот, светлые. Больше не помню ничего.

— Он вам говорил что-нибудь после прибытия милиции?

Иванов задумался:

— Не помню. Вроде ничего. Он только очень бледный был и все время шипел сквозь зубы: «Фраер, фраер проклятый, фраерюга».

ЛИСТ ДЕЛА 54.

Смешно, но дебошир Иванов стал своеобразным водоразделом в расследовании дела. Для меня он был первым человеком, столкнувшимся с убийцей уже после смерти Жени Корецкого. Ведь до этого момента я говорил только с людьми, видевшими «Сабурова», когда Корецкий был еще жив. Дебошир Иванов даже приблизительно не представлял себе, какой реальной опасности он подвергался...

Вот, значит, и всплыл. Произошло это почти две недели назад, и вряд ли бандит сидит и дожидается меня здесь. Но здесь его видели люди, много людей, и какие-то зацепки должны остаться. Надо ползти, как это делают альпинисты, используя малейшие уступы, выбоинки, трещины. Такую зацепку я нащупал, читая вновь протокол о скандале в «Перле». В нем

упоминалось об официантке Э. Э. Смилдзинь. Эта женщина заинтересовала меня всерьез.

Машина мчалась на взморье. Мокрый ветер бросал в лобовое стекло опавшие листья, серое, в белесых полосах море тускло светило справа между деревьями. Потом машина юркнула в какую-то аллею и выскочила прямо на берег. Со скалы над морем нависал сияющей огромной линзой ресторан «Перль».

У стеклянных дверей толпился народ. Я обошел вокруг ресторана и нашел дверь с табличкой «Служебный вход». Я нырнул в нее, и в лицо ударило тягучим, как резина, запахом сырого мяса, жирного пара, подгоревшего масла. Над ухом заорали:

— Посторони-ись!

Я шарахнулся в сторону — мимо на большой тележке везли несколько говяжьих туш и длинных, острых, как торпеды, осетров. Мне пришел на память рисунок из «Занимательной арифметики» — человек-гора широко раскрыл рот-туннель, в котором исчезает железнодорожный состав с продуктами. Это, мол, к вопросу о том, сколько за свою жизнь поедает разного один средний человек. Хорошо хоть, что платить за все это надо не сразу!

Какая-то женщина в высоком белом колпаке преградила мне дорогу:

— Вы что здесь делаете, гражданин?

Не моргнув глазом, я соврал:

— Ищу директора. Я новый санитарный врач.

— Он в зале. Пройдите по коридору и там — направо.

Я шел по коридору и лениво раздумывал о том, что какая-то доля правды в моей лжи есть. С точки зрения социальной, я и впрямь санитарный врач. «Очищаем общество от отбросов». Чепуха! Насколько все сложнее переплетено в жизни...

Я все шел по этому нескончаемому коридору и мечтал только об одном: чтобы завтра утром было солнце, хрустящий ветер рвал белые облака и унес далеко дождь, осень и все мои проклятущие дела и чтобы желтые сосны гудели, как струны огромного контрабаса, и я не ходил бы по этим сумрачным кухням с запахом горелого маргарина, а лежал на белом песке, спал, читал романы и ни о чем не думал бы. Я очень устал думать...

Потом я сидел за столиком в дымном, прокуренном зале, смотрел на длинный плакат «Пьянству — бой!», ковырял вилкой чуть теплый «цеппелин», пил одесский коньяк и думал о предстоящем разговоре со Смилдзиня. Она прибежала, запыхавшись:

— Вы хотели поговорить со мной?

— Да,— сказал я и отодвинул тарелку...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Элги СМИЛДЗИНЯ

Вопрос. Что произошло вечером тринадцатого сентября в ресторане «Перль»?

Ответ. В этот день я работала в вечернюю смену. За мой столик сели мужчина и женщина. Через некоторое время я увидела, что к ним подошел какой-то мужчина, сильно пьяный, что-то сказал моим клиентам, а потом подсел к ним. Вскоре я поняла, что они ругаются, и пошла к столику. В этот момент подошедший вскочил и схватился за свой стул. Мой клиент тоже вскочил и взял со стола бутылку. Поднялся крик, и обоих мужчин схватили за руки подбежавшие с разных сторон люди. Кто-то вызвал милицию, и дебоширов забрали. Меня пригласили как свидетельницу. В седьмом отделении составили протокол, записали мое объяснение, и я ушла. Что было дальше, я не знаю...

...Красивая девушка эта Элга. Я и не знал раньше, что у латышек бывают такие черные волосы. А глаза огромные, серые, со смешинкой. Ее, видимо, сильно удивил мой визит: расспрашивать спустя две недели о какой-то пустяковой пьяной сваре! Она ведь не знала, кто в действительности участвовал в скандале. Поэтому ничего особенного и не запомнила. Я сказал:

— Вы помните, как выглядит ваш клиент?

— Да, приблизительно. Он высокий, темный, по-моему, черноволосый. На какой-то руке — не помню — не хватает пальца или двух.

Я подумал и спросил на всякий случай:

— А где была в это время его спутница?

Элга удивилась:

— Как где? Она тоже пошла в милицию. Но ее там, по-моему, не допрашивали, разобрались без нее. Кстати, пока мы там сидели в коридоре, мы с ней разговорились.

— Так-так. И что она о себе сказала?

— Зовут ее Ванда, она выступает с эстрадными песнями в каком-то кафе или ресторане на взморье.

— А где она живет?

Элга пожала плечами:

— Мы об этом не говорили...

Я шел в гостиницу пешком и раздумывал, как бы мне откопать эту самую Ванду. Запрос давать бессмысленно. В Риге может быть тысяча Ванд, высоких, полных блондинок, до 30 лет. Певица? Но они не нанимаются через концертное объединение. В трест общественного питания? А если кафе не относится к городскому тресту? Остается только один путь. Я зашел в автомат и позвонил Элге...

Ветер с моря нес косой холодный дождь. Сонно кряхтели, встряхиваясь время от времени, два черных лебедя в городском пруду. Вот дураки, мокнут и мерзнут здесь, когда могли бы давно уже лететь на юг. Ведь у них нет на руках безнадежного уголовного дела. И не надо искать Ванду...

Продолжение следует.

ПОСПОРИМ О МУЗЫКАЛЬНЫХ ВКУСАХ

На первый взгляд может показаться странным, что беседа нашего корреспондента с профессором Кириллом Петровичем СТАНЮКОВИЧЕМ, известным ученым в области физики, прежде всего касалась музыки. Внучатый племянник знаменитого писателя-мариниста, по семейным традициям, с детства хорошо знает и любит музыку.

— Учиться музыке у нас в семье было так же обязательно, как языкам. Таким образом, мир музыки стал близок мне уже тогда произведениями Бетховена, Чайковского, Баха, Глинки, Моцарта, Мусоргского... В юности я не только слышал хороших музыкантов, но часто и встречался с ними, что оставило глубокий след, дало понимание музыки.

— Вероятно, это наложило особый отпечаток и на ваш духовный мир, помогло формированию вашего вкуса?

— Несомненно. И как раз об этом я хочу поговорить. Давно существует среди людей пословица: о вкусах не спорят. Я бы позволил себе поспорить с самим утверждением! Однако во всяком споре прежде всего надо договориться о терминологии. Будем исходить из тезиса, что вкусы, даже самые разные, вполне банально делятся — по большому счету — на две определенные категории: хороший вкус и плохой. Чрезвычайно важно, чтобы каждый из нас понимал: что же это такое — хороший вкус, и в каких случаях человек может считать свой вкус хорошим? Если взять за эталон в поэзии, скажем, Пушкина, а в музыке Глинку с его пушкинской же оперой «Руслан и Людмила» и проверить таким образом вкусы людей среднего возраста и среднего же — скажем, десятиклассного — образования, станет очевидно, что хороший вкус и пушкинского и глинкинского «Руслана» не отвергнет! Русскую народную песню, «Бухенвальдский набат», Первый концерт Чайковского тоже не отвергнет человек с хорошим вкусом. Но плохой вкус предпочтет ритмы твистов — спутников различных возлияний.

— Но ведь хороший вкус — это качество не врожденное, как, например, музыкальный слух!

— Конечно! Я считаю, что хороший вкус — во многом продукт полученных знаний. Некоторые ученые, работающие в области точных наук, может быть, несколько дилетантски представляют себе восприятие музыки человеком, рассуждая примерно так. Те нервно-мозговые центры, которыми человек живет повседневно, «выключаются», зато «включаются» другие, воспринимающие, в частности, музыку. Затем между этими центрами постепенно происходит обмен информацией, а это уже влияет и на всю дальнейшую деятельность нервно-мозговых центров, участвующих в сфере повседневной человеческой жизни и творчества.

Процесс этот вполне материален. Поэтому-то и возможно говорить о серьезном влиянии музыки на жизнь и труд людей. Независимо от того, хочет или не хочет человек, музыка оказывает направляющее воздействие на развитие человека не только музыкального.

Воздействуя посредством обмена информацией на другие нервно-мозговые центры, музыка влияет на развитие вкуса **вообще в жизни человека,** а значит, в определенной мере и на становление человеческой личности.

Таким образом, если принять мой тезис о том, что восприятие музыки стоит в непосредственном взаимодействии со всей жизнью человека, можно смело утверждать, что человек с хорошим музыкальным вкусом имеет больше шансов обладать хорошим вкусом вообще. А уж человек с хорошим вкусом обязательно отберет из всей массы ежедневно обрушивающейся на него не всегда одинаково ценной информации во всех областях искусства именно то, что полезно и целесообразно именно для него.

Не так-то просто выбрать нужную тебе книгу, посмотреть именно тот фильм, который именно сейчас ответит на какие-то вопросы жизни... Хорошо, если рядом есть хороший педагог, старший товарищ, руководитель. Ну, а если нет?..

Вот тогда эти функции часто принимает на себя **диктор радио или телевидения.** Он «приходит» в дом к людям посредством простого нажатия кнопки и вслед за тем предлагает им определенную «дозу» духовной жизни. Еще не разобравшись как следует в качестве этой продукции, человек доверчиво потребляет все увиденное с экрана, услышанное по радио.

Радиостанция «Юность» делает интересные передачи. Сама очень юная, она с юношеским пылом умеет заинтересовать слушателей и классикой и новостями в искусстве, науке, литературе. Ее редакторы тщательно отбирают — как видно по передачам — и материалы и авторов. Здесь появляются имена ученых, которые не только хорошо знают предмет, но еще и умеют увлекательно о нем рассказать. Режиссеры проявляют незаурядную выдумку, ищут неожиданного поворота темы. Поэтому ценнейшие сведения, необходимые для расширения человеческого кругозора, укладываются в памяти легко и надолго. Расчет радиостанции «Юность» совершенно точен: редакция **помогает формированию мира интеллигентного человека.** И мне кажется, что такая цель, точно очерченная границами возраста слушателей — старшего школьного и среднего студенческого,— достигается вполне успешно.

А теперь посмотрите, чем питается душа уже повзрослевшего и много знающего молодого инженера, ученого, педагога... Послушаем передачи радиостанции «Маяк». К сожалению, если верить «Маяку», создается впечатление, будто у нас очень много плохих композиторов. Именно по «Маяку» регулярно звучит музыка, которую создают люди, не знающие законов гармонии, не владеющие музыкальной формой и инструментовкой, хотя бы и джазовой.

— Может быть, назовете какие-то передачи, которые особенно огорчили в последнее время?

Концерт в зале Ленинградской филармонии. Дирижирует Евгений Мравинский.

Фото И. Тункеля.

— Их сколько угодно. На днях я утром включил «Маяк»; передавалась так называемая легкая музыка. Женский голос уныло твердил, как трудно любить в осенний вечер. Потом столь же жалобно стонал о любви целый ансамбль. Кстати, теперь вообще модно не петь, а как-то хрипеть, выть. Мне говорят, таков «современный» стиль исполнения. На это я могу ответить, что стиль плохой.

В той же утренней передаче была неузнаваемо изуродована инструментовкой — да и трактовкой тоже — одна из прекраснейших песен Дунаевского, «Если Волга разольется». Это тоже теперь «модно»: на новый лад переделывать хорошие произведения в плохие. Переделываются даже классические вещи!..

Однажды среди всей этой какофонии вдруг прозвучала прелестная полька, и мне жаль, что от неожиданности я прослушал имя автора! Значит, ведь есть же хорошая музыка! Как изящны и глубоки произведения Петрова, Кажлаева! Я уж не говорю о прекрасных миниатюрах Шостаковича, Хачатуряна, Свиридова...

Неужели нельзя пригласить в студию первоклассных советских композиторов, музыкантов, музыковедов в качестве консультантов? Они помогли бы своим советом редакторам, может быть, молодым, может быть, неопытным...

Умеет редакция программы «Жаворонок» создавать прекрасные передачи для детей — о композиторах прошлого. Те, кто слушает эти передачи, наверняка застрахованы от влияния плохого вкуса. Я помню блестящие передачи из Колонного зала Дома союзов по воскресеньям: их вел из университета музыкальной культуры для детей и юношества Дмитрий Борисович Кабалевский. Теперь же время этих передач отдано «легкой» музыке, бездумной и бездарной. Она не только не полезна для слушателей, а, напротив, принесет им вред.

Сейчас именно такое время, когда людей особенно радует музыка, взывающая к их патриотическим чувствам. Пожалуй, я бы объединил понятия мирные и ратные дела: ведь во всех сердцах находят отклик «Бухенвальдский набат» Вано Мурадели, любимая песня Юрия Гагарина «Я верю, друзья, караваны ракет...». А какие воспоминания в каждом из нас будит 7-я симфония Шостаковича! Вот пример. В Новороссийске у Вечного огня каждый час слышится музыка симфонического произведения на три минуты звучания. Ее написал специально для этого города Дм. Шостакович... Но ведь есть и совсем другие примеры. Безголосые певицы, вроде Ларисы Мондрус, заштампованные куплетисты, такие, как Лившиц и Левенбук, упорно властвуют в эфире. И с благословения непритязательных редакторов радио и телевидения навязывают людям именно плохой вкус, который не может не отразиться на всей их духовной жизни.

Не может быть, просто не верю, чтобы наши композиторы не написали отличную музыку, посвященную героизму труда, гимн подвигам людей на земле и в космосе! Разве может что-то сильнее, лучше вдохновить талант, чем подвиг?!

Я думаю, что искусство музыки не имеет права плестись в хвосте у жизни.

Неделя Спасского

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Стартовая неделя шахматного матча на первенство мира принесла Тиграну Петросяну богатый урожай: два очка из трех возможных. Мог быть доволен чемпион мира и его болельщики, но вторая неделя в Театре эстрады началась мощным контрнаступлением Бориса Спасского...

Если в первой партии Петросян победил при активном соавторстве Спасского, то в четвертой партии претенденту пришлось рассчитывать только на свои силы. Чемпион мира построил хорошую стратегическую позицию, но в сильном цейтноте увлекся пешечными ходами, забыв на минуточку о своем короле. И тактическим ударом претендент поставил чемпиона мира в безвыходное положение.

Пока Т. Петросян почти в каждой партии попадает в сильный цейтнот, чего с ним раньше не бывало. В чем дело? В 40 лет цейтнот, конечно, не признак старости, а некоторой практической растренированности. Любопытно отметить, что это, кажется, первая победа Спасского над Петросяном черными фигурами.

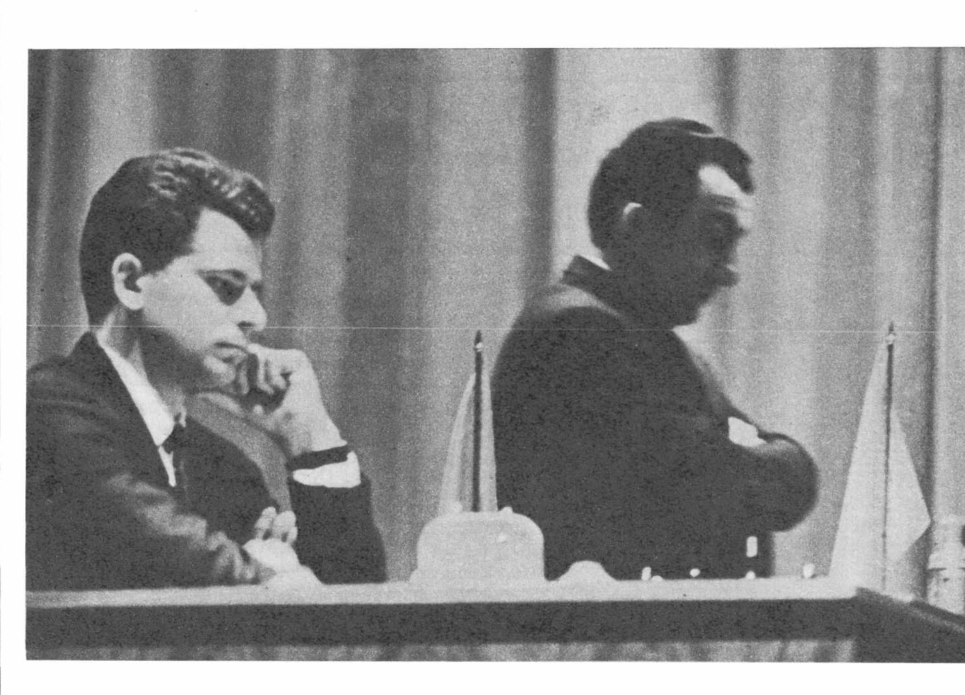
Так при счете 2 : 2 игра снова началась с «центра». И тут-то претендент поразил всех дебютным сюрпризом. Почему он вытащил вариант, который встретился в одной партии матч-реванша А. Алехин — М. Эйве в 1937 году? Тогда на 13-м ходу А. Алехин поставил на d1 королевскую ладью. Б. Спасский сыграл на d1 ферзевой ладьей. Правда, этот ход в те годы в своих комментариях рекомендовал М. Ботвинник, но дело не в одном ходе. Очевидно, что Спасский с Бондаревским отшлифовали детально дальнейший ход борьбы. Это стало ясным хотя бы потому, что Спасский играл очень уверенно и быстро. Петросян не нашел лучшей защиты, попал под позиционный прессинг и сокрушительную атаку. И уже после 30 ходов все было кончено. 3 : 2 в пользу Спасского!

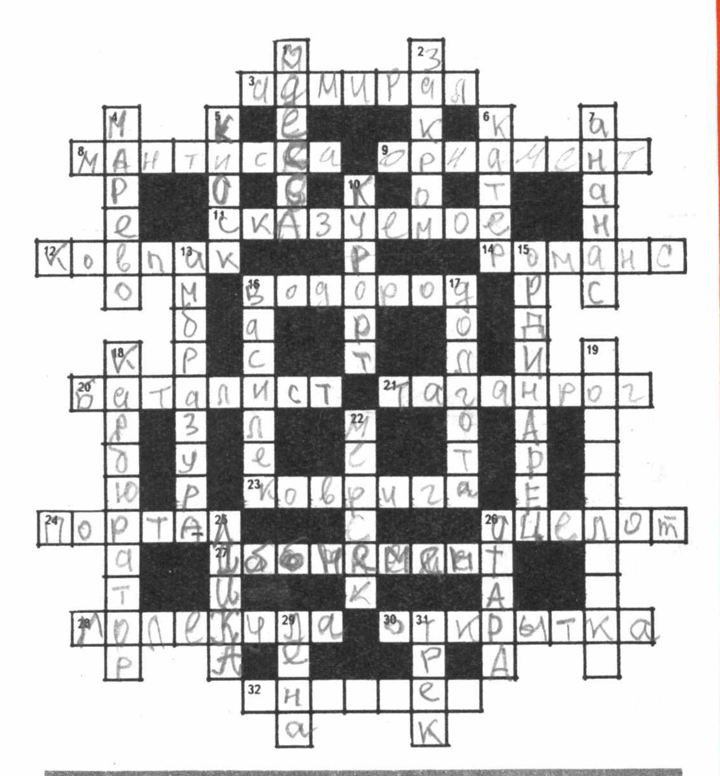
Поклонники Спасского после его неудачной премьеры не унывали и верили, что настанет праздник и на его улице, в его доме. Но вряд ли кто верил, что этот праздник настанет так скоро и что праздник будет двойной, даже тройной: претендент в пятой партии рассчитался с чемпионом мира, за старый долг, и теперь общий счет их встреч начиная с 1953 года 6 : 6 (при 34 ничьих). Спасский нанес Петросяну два удара подряд. Такой ситуации с Петросяном никто не может вспомнить.

Но самое главное заключается в том, что впервые претенденту удалось захватить лидерство. Поэтому после пятой встречи чемпион мира и претендент обменялись ролями: теперь уже каждая ничья скорее успех для Спасского. На выигрыш обязан теперь играть Петросян. И он это сделал в шестой партии, но не лучшим образом использовал свое заметное позиционное преимущество, и претендент освободился из тисков.

Таким образом, вторую неделю можно назвать неделей Бориса Спасского...

Нона Гаприндашвили и Алла Кушнир закончили первую сессию в Тбилиси. Чемпионка мира с солидным запасом — 5 : 3 — начала вторую половину матча в родном городе Аллы Кушнир — Москве..

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Воинское звание. 8. Дробная часть десятичного логарифма. 9. Узор с ритмическим расположением элементов. 11. Главный член предложения. 12. Автор книги «От Путивля до Карпат». 14. Музыкально-поэтическое произведение. 16. Газ. 20. Художник, работающий над военными сюжетами. 21. Порт на берегу Азовского моря. 23. Круглый хлеб. 24. Архитектурное оформление дверного проема. 26. Дикая кошка. 27. Документ, дающий право пользоваться на определенный срок местом в театре, на стадионе. 28. Наименьшая устойчивая частица вещества, обладающая его химическими свойствами. 30. Почтовое отправление. 32. Звезда в созвездии Скорпиона.

По вертикали: 1. Город-герой. 2. Место в амбаре для ссыпки зерна. 4. Дымка, туман. 5. Торговая палатка. 6. Небольшое судно. 7. Тропический плод. 10. Местность с природными лечебными средствами. 13. Бойница. 15. Военнослужащий, состоящий при командире или штабе для выполнения поручений. 16. Полевой цветок. 17. Географическая координата. 18. Прибор для приготовления горючей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 19. Птица семейства вьюрковых. 22. Единица расстояний в астрономии. 25. Порода собаки. 26. Стадо овец. 29. Река в СССР. 31. Дорожка для гоночных состязаний.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 4. Бакшеев. 8. Оратория. 9. Венгерка. 10. Плато. 11. «Золушка». 13. Алыча. 14. Строфа. 16. Шторка. 17. Палатка. 18. Плисецкая. 22. Окарина. 25. Роллан. 26. Нельма. 29. Селен. 30. Примула. 31. «Манон». 32. «Светлана». 33. Резонанс. 34. «Кобзарь».

По вертикали: 1. Баритон. 2. Мережка. 3. Серпантин. 5. Сыктывкар. 6. Строчок. 7. Секатор. 12. Унжа. 15. Аполлон. 16. Шарабан. 19. Ярославль. 20. Доминанта. 21. Планета. 23. Ритм. 24. Ильмень. 27. Фронтон. 28. Аллегро.

На первой странице обложки: Москва. Проспект Калинина.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Пруд в санатории «Марьино». Курская область.

Фото Г. Смехова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00092. Сдано в набор 22/IV-69 г. Подписано к печ. 5/V-69 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 796. Заказ № 1282.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

ОСТАНКИНСКИЙ КОЛОСС

Останкинская башня так органически вписалась в московский силуэт, что уже невозможно представить себе столицу без этого стремительного, более чем полукилометрового сооружения. На ее строительстве трудились тысячи специалистов. Словом, башню возвели люди, талантом и смелостью, умением, знаниями решившие одну из сложнейших инженерных и конструкторских задач. Четверо из них были гостями клуба «Огонька»: заместитель министра связи СССР И. С. Равич, главный конструктор, автор проекта Н. В. Никитин, начальник Общесоюзной радиопередающей станции Ф. И. Большаков, руководитель одной из строительных организаций Главмосстроя З. Б. Израитель. Они рассказали об этом уникальном сооружении, равного которому нет в мире. Башня — это 44 этажа для оборудования и 14 балконов для антенн, три видовых площадки, уникальный ресторан. В чреве башни — самая современная телевизионная аппаратура, мощные радиопередающие станции на телевизионные и радиовещательные программы. Ее фундамент — кольцевая плита диаметром 60 метров. Прочность бетонной «иглы» создают 150 вертикально закрепленных по всей высоте стальных канатов, каждый толщиной 38 миллиметров, натянутых с усилием в несколько десятков тонн каждый. Общий вес сооружения — 55 тысяч тонн. Объем всех ее помещений — 70 тысяч кубических метров. Диву даешься, как много поместилось внутри этой изящной, стройной башни!

На снимке: справа налево — И. С. Равич, Н. В. Никитин, Ф. И. Большаков, З. Б. Израитель.

Фото М. Савина.

МАСТЕРА НАРОДНОЙ МУЗЫКИ

Недавно гостями нашей редакции были лауреаты Международных конкурсов Анатолий Беляев, Валерий Минеев и дипломант всесоюзного конкурса Всеволод Беляевский. О каждом из этих исполнителей можно много сказать. Анатолий Беляев известен не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. В больших концертных залах он исполняет произведения Генделя, Баха и других композиторов-классиков. Его баян — уникальный электронный инструмент с многочисленными регистрами открывает безграничные возможности для музыканта.

Всеволод Беляевский — один из лучших в нашей стране гусляров. Не нуждается в дополнительных рекомендациях и балалаечник Валерий Минеев, давно завоевавший признание.

В этот вечер мы как бы побывали на деревенской завалинке, слушая внешне будто и безыскусную, но глубоко проникновенную народную музыку: разудалую «Барыню», прекрасную импровизацию на тему волжских «Страданий»... А когда в зале торжественно зазвучала токката Баха, стены зала как бы раздвинулись. Токката звучала, будто исполненная на большом органе.

Музыканты много гастролируют, даря зрителям радость познания лучших произведений классической музыки, радость заново открытых сокровищниц музыки народной.

Т. ПОЛУШИНА

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

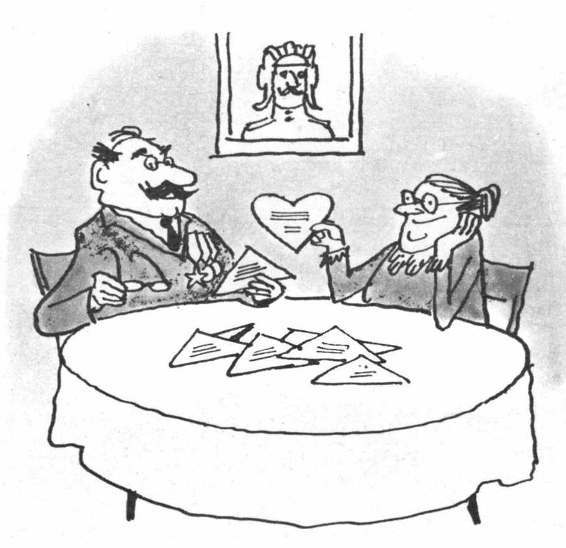
— Служить тебе, сынок, по семейной традиции, в военном оркестре...

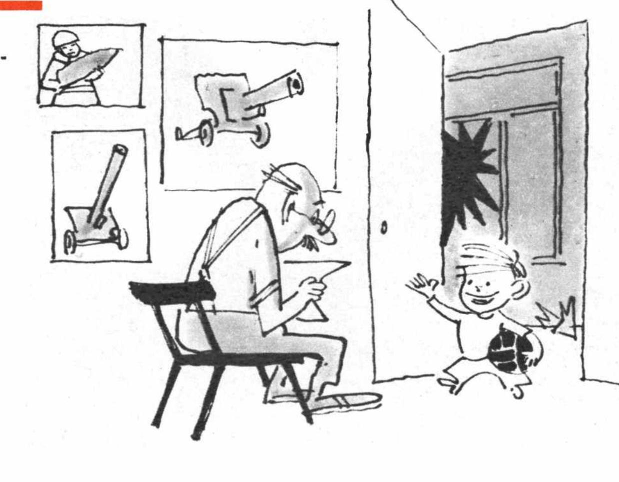
— Сразу видать — ветеран, весь тир перевернул вверх ногами...

На встречу с однополчанами...

— Из твоих фронтовых писем мне больше всего запомнилось это...

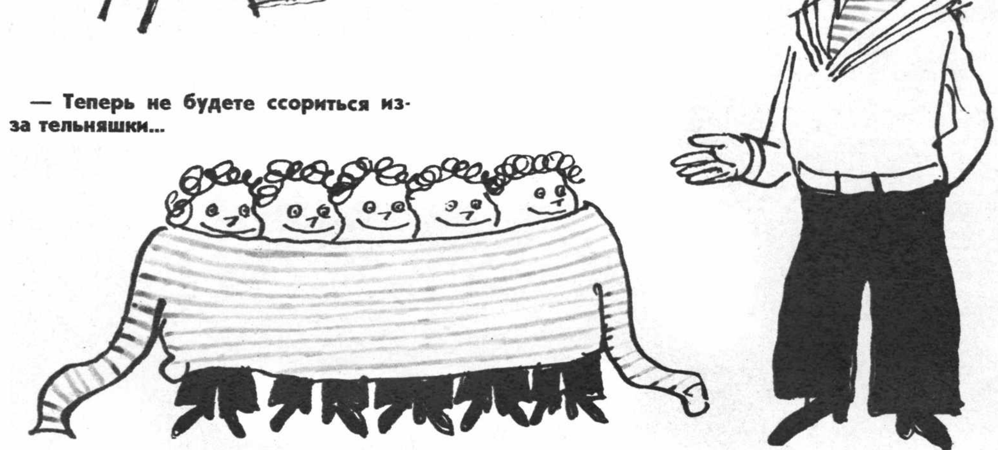

— Дедушка, радуйся, я освоил пушечный удар.

Фронтовая привычка.

— Теперь не будете ссориться из-за тельняшки...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.